

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN

№ 10 (31)

Part 1

Academic Journal

Series

History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies

Moscow
2017

ВЕСТНИК РГГУ
№ 10 (31)

Часть 1

Научный журнал

Серия
«История. Филология. Культурология. Востоковедение»

Москва
2017

УДК 94(05)+80(05)+008.001(05)
ББК 63.3я5+80я5+71я5

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Баршавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Э. Камия (Ун-т Ташибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клоканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кёльна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Раттерский ун-т, США), И. Фолтис (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубовьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

Е.И. Пивовар, гл. ред., чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.И. Гиндин, зам. гл. ред., канд. филол. н., доц. (РГГУ), Г.И. Зверева, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), И.С. Смирнов, зам. гл. ред., канд. филол. н. (РГГУ), П.П. Шкаренков, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), М.Л. Андреев, д-р филол. н., чл.-кор. (ИМЛИ РАН), Т.Г. Архипова, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Н.И. Басовская, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Г. Васильев, канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.И. Дурновцев, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е.Е. Жигарина, канд. филол. н. (РГГУ), С.В. Карпенко, канд. ист. н., доц. (РГГУ), И.В. Кондаков, д-р филос. н., канд. филол. н., проф. (РГГУ), М.А. Кронгауз, д-р филол. н., проф. (РГГУ; РАНХиГС); Г.Н. Ланской, д-р ист. н. (РГГУ), Д.М. Магомедова, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Ю.В. Манн, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), И.Г. Магюшина, д-р филол. н. (РГГУ), А.Н. Мещеряков, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.Ю. Неклюдов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), М.П. Одесский, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Е.В. Пчелов, канд. ист. н., доц. (РГГУ), Н.И. Рейнгольд, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Р.И. Розина, д-р филол. н. (РГГУ; ИРЯ РАН), Н.Р. Сумбатова, д-р филол. н. (РГГУ), Я.Г. Тестелец, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.И. Тюпа, д-р филол. н., проф. (РГГУ), П.Ю. Уваров, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), В.И. Уколова, д-р ист. н., проф. (РГГУ; МГИМО (У) МИД России), А.С. Усачев, д-р ист. н., доц. (РГГУ), И.О. Шайтанов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), А.Л. Юрганов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.А. Яценко, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Ответственный за выпуск: П.Н. Лебедев, канд. ист. н. (РГГУ)

Содержание

Человек и общество в цивилизациях древности и Средних веков

<i>Е.В. Бульчева</i>	
Роль демарха в аренде священной земли в древней Аттике (IV в. до н. э.)	9
<i>Р.В. Зарапин</i>	
Имперская идея в державе Александра Македонского	16
<i>М.Ю. Биркин</i>	
Священство епископа в Толедском королевстве первой трети VII в. по данным сочинений Исидора Севильского: терминологический аспект	23
<i>П.Н. Лебедев</i>	
«Noster est magis Caesar, a nostro deo constitutus»: образ императора в христианской апологетической литературе II–III вв.	31
<i>И.Е. Ермолова</i>	
Историк и правитель: интерпретация действительности	40
<i>О.С. Силина</i>	
Идея о верховенстве церковной власти над светской в проповедях английских миноритов XIII в.	47
<i>А.А. Новикова</i>	
Существование евреев и христиан в Чешском королевстве в XIII–XIV вв.	55
<i>В.А. Бароне</i>	
Договор в Труа глазами авторов французской пропагандистской литературы первой половины XV в.	64

Личность, общество и власть в XVI–XX вв.

<i>Г.А. Шатохина-Мордвинцева</i> Две ветви власти и первые лица государства в Республике Соединенных провинций: великий пенсионарий и статхаудер	74
<i>М.В. Кущева</i> Борьба за власть во Франции 1584 г. и политический идеал лидеров Католической лиги	83
<i>Н.П. Таньшина</i> Образ власти императора Николая I в представлениях современников-французов	92
<i>О.И. Лебедева</i> «Благородные защитники» и «неразумные дети»: японская цветная гравюра конца XIX в. как инструмент колониальной пропаганды	102
<i>М.С. Третьякова</i> Салон Рахели Фарнхаген фон Энзе в контексте социокультурной жизни прусского общества в первой трети XIX в.	109
<i>Н.В. Ростиславлева</i> Символы власти в исторической памяти Германии конца XIX – начала XX в.: на примере культа Отто фон Бисмарка	117
<i>О.В. Саприкина</i> Политика имперских властей и национализм в сфере образования в Австро-Венгрии	125
<i>И.А. Женин</i> Образ советской России на страницах журнала «Вельтбюне»: 1917–1921 гг.	135
<i>А.Н. Комаров</i> Современная партийная система Канады: особенности развития	144
Abstracts	153
Сведения об авторах	161

Contents

The person and society in civilizations of Antiquity and the Middle Ages

<i>E. Bulycheva</i>	
The role of the demarchos in the lease of sacred lands in the ancient Attica (4 th century B.C.)	9
<i>R. Zarapin</i>	
An idea of empire in Alexander the Great Power	16
<i>M. Birkin</i>	
The priesthood of bishops in the Visigothic Kingdom of Toledo in the 7 th century first third in works by Isidore of Seville. Terminological aspect	23
<i>P. Lebedev</i>	
“Noster est magis Caesar, a nostro deo constitutus”. An image of the emperor in Christian apologetics of the 2 th – 3 th centuries	31
<i>I. Ermolova</i>	
A historian and a ruler. Reality’s interpretation	40
<i>O. Silina</i>	
An idea of the priority of ecclesiastical authority over the secular power in the sermons of the English Minorites of the 13 th century	47
<i>A. Novikova</i>	
Co-existence of Jews and Christians in Czech Kingdom in 13 th – 14 th centuries	55
<i>V. Barone</i>	
The treaty of Troyes as presented by authors of the French propaganda literature of the first half of the 15 th century	64

The person, society and power in the 16th – 20th centuries

<i>G. Shatokhina-Mordvintseva</i>	
Two branches of power and state leaders in the Republic of the United Provinces – the Grand Pensionary and the Stadtholder	74
<i>M. Kushcheva</i>	
Power struggle of the 1584 in France and a political ideal of the Catholic League's leaders	83
<i>N. Tanshina</i>	
The Emperor Nicholas I image of the power in views of his contemporaries, the French	92
<i>O. Lebedeva</i>	
“Noble Conquerors” and “Foolish Children”. Colonial Propaganda in Japanese Xylography at the end of 19 th century	102
<i>M. Tretyakova</i>	
Rahel Varnhagen von Ense's salon in the context of sociocultural life of Prussian society in the first third of the 19 th century	109
<i>N. Rostislavleva</i>	
Symbols of power in the historical memory of Germany in the late 19 th and early 20 th centuries (exemplified by the cult of Otto von Bismarck)	117
<i>O. Saprikina</i>	
The policy of the Imperial authorities and nationalism in education in the Austro-Hungarian monarchy	125
<i>I. Zhenin</i>	
Image of Soviet Russia in publications of <i>die Weltbühne</i> magazine (1917–1921)	135
<i>A. Komarov</i>	
Modern party system in Canada. Features of development	144
Abstracts	153
General data about the authors	163

Человек и общество в цивилизациях древности и Средних веков

Е.В. Булычева

Роль демарха в аренде священной земли в древней Аттике (IV в. до н. э.)

Статья посвящена роли демарха в процессе аренды земли в Аттике (IV в. до н. э.). Основным источником являются данные эпиграфики об аренде земли из Аттики. В статье рассматриваются проблемы участия демарха в экономической жизни полиса, его административные и финансовые функции в процессе аренды земли. В экономических мероприятиях полиса демарх выступал защитником полисных норм и традиций.

Ключевые слова: Демарх, Аттика, аренда, надписи, полис, доход, налог, обязанности.

В Древней Греции вся территория Аттики была поделена на демы, неодинаковые по размеру и численности населения. Реформатор Клисфен в ходе своих преобразований включил демы в качестве важнейшего звена в административную структуру государства¹. Центральное место в административной жизни каждого дема занимало собрание демотов, которое называлось агора². Высшая административная власть в деме принадлежала демарху (δημαρχος). Как сообщает Геродот, демарх ежегодно переизбирался на собрании демотов (V. 69). Он проводил всю текущую административную работу, созывал собрание демотов, занимался сбором налогов и штрафов³. В подчинении демархов находились казначеи (ταμίαι)⁴. При этом в историографии, как правило, исследователи обращают внимание на политические и правовые функции демарха⁵. В научной литературе в основном исследуются те стороны деятельности этих должностных лиц, которые связаны с их председательством в местном собрании, предоставлением гражданства

выходцам из других территорий⁶. Исследователи практически не обращают внимание на роль демархов в экономической жизни их коллективов. В связи с этим целью настоящей статьи является изучение функций демарха в процессе аренды священных земель в Аттике IV в. до н. э. До нашего времени сохранился эпиграфический материал – данные договоров об аренде храмовых земель (теменосов) из Аттики, которые датируются серединой IV в. до н. э.⁷ На основании содержания текста этих документов можно прийти к интересным выводам. Священные земельные участки требовали специального ухода. С этой целью полис передавал их в распоряжение демов (территориально-административных единиц), а также религиозных организаций (прежде всего оргеонов)⁸. При этом, безусловно, требовалась специальная организация процесса аренды, необходимо было участие должностных лиц, которые должны были следить за проведением этой экономической операции. Решение о сдаче земельных участков в аренду принималось в соответствии с постановлением демарха. Во многих договорах о сдаче в аренду земельных участков первая фраза содержит указание на демарха, который организует процесс сделки. Так, в постановлении тейтрасийцев сказано: «При демархе Евтиппе. Постановлено тейтрасийцами» (Pleket. 41. lin. 1–2). В договоре об аренде земли пирейцев говорится: «При архонте Антиппе, демархе Франионе [принято решение о сдаче в аренду]» (IG. II². 2498. lin. 1–2). Под контролем демарха решается вопрос о том, какая земля должна быть сдана в аренду⁹. В договоре об аренде земельного участка тейтрасийцев сказано: «Пусть демарх запишет, сколько в целом из общего достояния сдается в аренду» (Pleket. 41, lin. 4–5).

Демархи также следили за составом арендаторов. В арендном постановлении тейтрасийцев именно демарх наблюдает за тем, чтобы земля была передана в аренду наиболее достойному гражданину (Pleket. 41, lin. 5–6). Возможно, что это было связано с заботой о земле, которая была в распоряжении всего дема, в ряде случаев земли имели статус священных, что налагало особую ответственность за их использование¹⁰.

В ходе арендной сделки демарх следит за поступлением доходов от аренды в общественную казну. Так, согласно декретам из Элевсина, средства, полученные от сдачи в аренду земельных угодий, а также рудников, передавались в общую казну, а затем распределялись на общественные нужды (IG. II². 204. lin. 13–14, 15–17). В договоре о сдаче в аренду земельного участка дема эксонейцев также сказано, что демарх должен распределять прибыль от аренды (IG. II². 2492. lin. 35–40). В договоре о сдаче теменоса в Герме го-

ворится о том, что арендная плата передается непосредственно демарху каждый месяц в день проведения агоры, а он решает вопрос о ее дальнейшем распределении (IG. II². 2493. lin. 14–15). При этом демархи были ответственны за своевременную выплату демотами долгов по арендной плате¹¹. Данные надписей свидетельствуют, что эти должностные лица были обязаны сообщить о проведенной операции в соответствующую инстанцию. В деме Эксоны, например, демарх сообщает полисным властям о количестве долгов и заложенного имущества (IG. II². 1196). Эти обязанности демарха во многом определялись центральной властью полиса, поскольку местные должностные лица были тесно связаны с государственной властью¹².

Вместе с другими должностными лицами демархи осуществляли деятельность по реализации урожая, полученного в ходе аренды. В договоре об аренде земельного участка эксонейцев сказано: «Необходимо выбрать уполномоченных, которые совместно с демархом, казначеями и арендатором продадут оливы за наибольшую предлагаемую цену» (IG. II². 2492. lin. 35–40).

Демархи были ответственными за внесение демами в полисную казну чрезвычайного налога – эйсфоры¹³. Трудно установить, какая сумма взималась в виде этого налога. Так, в одной из речей Лисия афинский гражданин ставит себе в заслугу регулярную выплату эйсфоры, говоря, что один раз он заплатил 2,3, а в другой 4 тысячи драхм (XXI. 3)¹⁴. В договорах о сдаче в аренду священных земель неоднократно упоминается о взимании этого налога с участников аренды – арендаторов и арендодателей. Эйсфора устанавливается властью полиса, а обязанность по ее уплате лежит как на частных лицах, так и коллективах – демах, культовых сообществах. При этом демарх выступает в качестве должностного лица, которому необходимо следить за порядком внесения эйсфоры. В арендном договоре тейтрасийцев сказано: «Эйсфору пусть они [тейтрасийцы] выплачивают демарху, всегда находящемуся при исполнении в течение месяца элафеболиона» (Pleket. 41. lin. 36–40). По-видимому, обязанность по взиманию эйсфоры была одной из обременительных для демарха, поскольку многие граждане были недовольны характером этого налога и пытались отказаться от ответственности по его уплате¹⁵.

Под руководством демарха граждане дема осуществляли жертвоприношения. В договоре об аренде сада Аполлона Ликей сказано: «...следует приносить в жертву (Аполлону) двух лучших быков из приплода каждого года... при демархе...» (IG. II². 2501. lin. 20–23). Из других источников известно, что празднества в честь Аполло-

на Ликейского были одними из самых почитаемых на территории Аттики и сопровождалась богатыми жертвоприношениями¹⁶. Не только в Афинах, но и в других полисах Эллады граждане приносили жертвы, а их шествие, как правило, возглавляли различные должностные лица, в том числе демархи¹⁷. Демархи также входили в комиссию, которая занималась организацией жертвоприношений на территории Элевсина (IG. II². 204. lin. 12–14). Вместе с другими должностными лицами (басилей, иерофант и дадух) они должны были наблюдать за принесением жертв в честь Элевсинских мистерий, одного из самых популярных празднеств на территории Древней Греции.

Судя по данным надписей, одна из важнейших функций демарха заключалась в том, чтобы следить за постановкой стелы с договором об аренде. В Древней Греции надписи являлись своеобразными средствами информации для всего полиса, а если их содержание имело важное значение, то к их составителям предъявляли особые требования¹⁸. Демарх как руководитель территориальной организации, при котором принимались важные постановления, должен был наблюдать за соответствующим внесением этих принятых решений. В договорах об аренде земельных участков постоянно содержатся предписания по этому поводу. Так, в надписи об аренде земли эксонейцев демарх Демосфен предписывает казначеям осуществить установку стел с договором об аренде (IG. II². 2492. lin. 35–40). При этом он поручает вырезать текст договора на двух стелах, одну следует установить в святилище Гебы, другую – в лесхе (Ibid.). Примечательно то, что устанавливаются две стелы, что, по-видимому, свидетельствует о важности договора. Кроме того, стелы часто разрушались в результате стихийных бедствий или со временем, что, по-видимому, также учитывалось должностными лицами¹⁹. В случае, если было необходимо внести какие-то изменения в условия договора, эти действия осуществлялись в присутствии демарха. В надписи об аренде земельного участка тейтрасийцев сказано: «Пусть трое граждан в присутствии демарха вымарают со стелы, если что-либо ранее написано, противоречащее этому постановлению, и пусть сделают приписку, что тейтрасийцы что-либо отменяют в отношении арендаторов, которым аренда предоставлена навечно» (Pleket. 41. lin. 20–26). Это очень важное предписание. Во-первых, оно свидетельствует о том, что постановления об аренде являлись важнейшим правовым документом того времени²⁰. Поэтому любые изменения в тексте надписи могли происходить только под контролем определенного должностного лица. Во-вторых, предписание о не-

обходимости присутствия демарха при внесении поправок свидетельствует о его важности как должностного лица, которое обязательно отслеживать любые нововведения, а также нарушения. Демарх не только участвовал во внесении изменений в текст договора, но также наказывал тех, кто мог посягнуть на разрушение стелы. С самого начала надписи содержали угрозы тем, кто посмел бы их испортить. Разрушение стелы означало бы нарушение договора, который был на нее нанесен. Поэтому демарху предоставляются полномочия для наказания вредителей (Pleket. 41. lin. 30–32). Он также получал право на применение других санкций. Так, в договоре из Прасий демарх строго следит за тем, чтобы арендатор не покидал дем, «пока не внесет деньги, задолженные за каждый год дему Прасий...» (IG. II². 2497. lin. 15–18). Демарх также мог принимать необходимые меры (скорее всего, налагать штраф) в случае, если участниками арендной сделки не были внесены необходимые налоги, прежде всего эйсфора (Pleket. 41. lin. 36–40).

Таким образом, на основании всего вышесказанного можно сделать некоторые выводы. Демарх, как должностное лицо, представлял местное самоуправление в Аттике. Данные эпиграфики свидетельствуют, что в его руках были сосредоточены не только административные и правовые функции, но также он активно занимался экономической деятельностью. Демарх контролировал процесс сдачи в аренду земельных участков демами. В его обязанности входил финансовый контроль за ходом проведения сделки, наблюдение за выполнением обязательств участниками аренды. В случае каких-либо нарушений демарх мог применять определенные санкции к нарушителям. В целом можно предположить, что демарх являлся гарантом тех традиций и обычаев, которые существовали в греческом полисе в отношении экономических мероприятий, проводимых на священных землях.

Примечания

- ¹ Согласно сообщению Геродота (V. 69), число демов при Клисфене было доведено до 100. Современные же ученые полагают, что демов было больше. См., например: *Trail J.S. Demos and Trittys. Epigraphical and Topographical Studies in the Organization of Attica.* Toronto: Athenians, Victoria College, 1986. P. 73.
- ² На основании данных нарративных источников И.В. Меланченко приходит к выводу о том, что в компетенции собрания дема было решение важнейших дел, избрание высших должностных лиц, рассмотрение вопросов о расходовании

- финансовых средств. См.: *Меланченко И.В.* Афинская демократия. М.: Крафт +, 2007. С. 93.
- ³ В.П. Бузескул отмечает, что в классический период в Афинах функции демарха были весьма обширны. См.: *Бузескул В.П.* История афинской демократии. СПб.: Гуманитарная академия, 2003. С. 112.
- ⁴ *Jones N.F.* The Associations of Classical Athens. Oxford, 1999. P. 70.
- ⁵ *Тарасов С.В., Семашко А.Г.* Исторические типы местного самоуправления в Древней Греции // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2012. № 4. С. 192–193.
- ⁶ *Jones N.F.* Op. cit. P. 80; *Trail J.S.* Op. cit. P. 74.
- ⁷ В распоряжении храмовой администрации находились священные участки – теменосы. Теменос представлял собой земельный участок, на территории которого могли находиться сады, а также хозяйственные постройки. До нашего времени сохранились надписи о сдаче в аренду священных земель из Аттики IV в. до н. э. Надписи, которые являются источником информации для данной статьи, представлены в следующих эпиграфических сборниках: *Pleket H.W.* Epigraphica. Leiden: Brill, 1964; Greek Historical Inscriptions 404–323 B.C. / Ed. by P. Rhodes, R. Osborne. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003.
- ⁸ *Булычева Е.В.* Участие оргеонов в экономической жизни Афинского полиса в IV в. до н. э. // Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки. Всеобщая история». 2013. № 13 (114). С. 11.
- ⁹ Р. Осборн в своей статье о сдаче в аренду земельных участков демов обращает особое внимание на то, что при определении условий аренды учитывался характер земель, сдаваемых в аренду. См.: *Osborne R.* Social and economic implications of the land and property in Classical and Hellenistic Greece // *Chiron*. 1988. Vol. 18. P. 301.
- ¹⁰ *Булычева Е.В.* Аренда храмовых земель и финансирование религиозных церемоний в Аттике в IV в. до н. э. // Вестник РГГУ. Сер. «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 9. С. 9.
- ¹¹ Можно предположить, что начиная с конца V в. до н. э. в надписях особенно часто стали появляться предписания для должностных лиц о необходимости тщательно следить за поступлением средств от аренды. Это было связано с конфликтом, который произошел в Элевсине. Денежные средства, предназначенные для святилища Деметры и Коры (в частности, доходы от аренды), были незаконно растрчены (SEG. X. 24).
- ¹² *Бузескул В.П.* Указ. соч. С. 112.
- ¹³ В большинстве исследований утвердилось мнение о том, что впервые эйфора была введена в 428 г. до н. э., когда в результате восстания на о. Лесбос над Афинами нависла угроза поражения в Пелопоннесской войне. Это мнение основано на сообщении Фукидида (Hist. III. 19). См. подробнее: *Булычева Е.В.* Эйфора – военный налог в мирное время. Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки. Всеобщая история». 2014. № 13 (135). С. 16.

- ¹⁴ Согласно Демосфену, сумма обложения эйсфорой устанавливалась в соответствии со сведениями о размере имущества, которые подавали граждане (XIV. 19, 27).
- ¹⁵ *Меланченко И.В.* Указ. соч. С. 185.
- ¹⁶ *Скржинская М.В.* Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб.: Алетейя, 2010. С. 48.
- ¹⁷ В Северном Причерноморье постоянными были жертвоприношения в честь Аполлона, как правило, процессию возглавляли жрецы и демархи. См.: *Латышев В.В.* Очерки греческих древностей. СПб.: Наука, 1998. С. 128.
- ¹⁸ *Куле К.* СМИ в Древней Греции. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 101.
- ¹⁹ Надписи на камне служили для длительного использования, а материал, из которых их изготавливали, был весьма редким и дорогим. На одно только изготовление стелы тратили около 165 драхм. См.: *Куле К.* Указ. соч. С. 102.
- ²⁰ *Булычева Е.В.* Правовые аспекты аренды общественной земли в Аттике в IV в. до н. э. // Кентавр. 2007. № 4. С. 35.

Имперская идея в державе Александра Македонского

В статье анализируется процесс создания империи Александра Македонского. Автор показывает, что в основе имперской идеи в эпоху эллинизма лежал синтез греческих, македонских и персидских представлений о государственной власти. Система управления в державе Александра Македонского была выстроена таким образом, чтобы обеспечить сочетание этих черт.

Ключевые слова: империя, эллинизм, Александр Македонский, государство Ахеменидов.

Сложно переоценить роль Александра Македонского в процессе формирования имперской идеи. Завоевав державу Ахеменидов и создав собственное государство, объединявшее территории на трех континентах, он сумел соединить традиционные греческие, македонские и восточные модели управления, создав из них относительно работоспособную систему государственного управления. В этом смысле деятельность Александра, как известно, оценивается более чем неоднозначно. Одна группа историков – так называемое «апологетическое направление», представленное в античности и Средневековье «Романом об Александре», а в новое время – И.Г. Дройзеном, Р. Пельманом, Эд. Мейером, Ф. Альтгеймом, А. Шахермейром, П. Жуге, Ж.-Р. Паланком, П. Клоше и другими, – указывает на героическую сторону деятельности македонского царя, идеализирует итоги его походов и результаты реформ, подчеркивает значение субъективного фактора в истории.

Другая группа, восходящая к перипатетикам и представленная в древней истории Цицероном, Титом Ливием, Сенекой, Лукианом

и особенно Юстином (см.: *Iust.*, IX, 8, 11–20), а в новой – Ю. Беллохом и К. Нибуром, обвиняет полководца в непродуманности действий, несамостоятельности, деспотизме и коварстве. Этот спор был бы чисто схоластическим (как любой исторический деятель, Александр не может оцениваться сугубо положительно или сугубо отрицательно), однако позиция, на которую встает исследователь, диктует необходимость решения другого вопроса – о сохранении или изменении македонским царем персидских принципов управления. Если сторонники антиалександровского направления полагают, что Александр полностью сохранил персидскую систему¹, то апологеты считают, что за основу все-таки были взяты греческие принципы (на худой конец, «греческий дух»)².

Действительно, установление единовластия Александра позволяет говорить о том, что персидские традиции оказали на него огромное влияние. Собственно, войну начинает просто Александр. Царский титул он, похоже, впервые использовал только после своих первых побед, в надписях из Приены (Tod., 184–185), а первое бесспорное употребление этого титула относится уже к 329 году (SIG, I, 381, 1)³. В историографии многократно прослеживался процесс роста личной власти Александра, сокращения полномочий его окружения и военачальников. С самого начала азиатского похода мы встречаем следы глухой оппозиции Александру со стороны части его непосредственного окружения, проявляющейся в противодействии военным планам царя, в несогласии с его политическими мероприятиями или недовольстве общим ходом событий. Оппозиция, требующая общественной свободы (у Курция – *publica libertas* (*Curt.*, VIII, 5, 20; X, 2, 6)), чаще всего связывается с именем Пармениона, самого крупного представителя македонской знати, находившегося на службе у Филиппа II, причем очевидно, что эта оппозиция не носила сугубо личного характера, а была продиктована объективным недовольством⁴. Македонцы не могли примириться с установлением неограниченной власти царя по восточному образцу (наиболее значительные проявления недовольства – дело Гарпала (*Diod.*, XVII, 108), недовольство македонян введением в войско персов (*Diod.*, XVIII, 108), мятеж в Описе и замещение Антипатра на посту управителя европейской части монархии Александра Кратером (*Arr.*, VII, 12, 4–5; *Diod.*, XVIII, 4)). Убийство Александром Клита было лишь дальнейшим развитием тех противоречий среди македонской знати, которые возникли в первые годы восточного похода и нашли наиболее яркое выражение в заговоре Димна, в казни Филоты и убийстве Пармениона. Подробное изложение событий, связанных с убийством Клита в Мараканде летом

328 года до н. э., содержится у Арриана (IV, 8), Плутарха (Al., L–LII), Курция (VIII, 1, 29–2, 12) и Юстина (XII, 6). Личная форма этого конфликта не может скрыть его глубокой политической сущности. Случайная смерть Клита явилась свидетельством столкновения двух принципов, двух тенденций, двух социальных сил, одна из которых выступала за монархию, другая – за идеалы традиционного македонского территориального царства. С течением времени происходит отделение царя от народа; если раньше, как мы видели, в документах они выступают вместе, то начиная со времени Александра народное собрание исчезает даже из юридических формул.

Этот процесс виден и на других примерах. Так, традиционные македонские монеты чеканились без обозначения царского титула в легенде (например, монеты «Филиппа»). Александр также сначала чеканит свою монету от имени «Александра», а затем – опять-таки после первых побед – от имени «Царя Александра». Тогда же Александр отдает приказ о начале чеканки монеты в завоеванных городах – Тарсе, Александрии у Исса, Библе, Сидоне, Дамаске, Вавилоне, Лампсаке, Милете, Бактрах и т. д., ликвидировав тем самым монополию на чеканку монеты традиционных македонских монетных дворов Пеллы и Амфиполя, и на этих монетах появляется изображение царя. Дело не в создании дополнительных центров эмиссии (хотя экономических последствий такое решение не иметь не могло), а в том, что Александр чувствует себя вправе распоряжаться не только тем, что осталось в Македонии, но и тем, что добывается для него силой македонского и греческого оружия. Появление его изображения на монетах лишний раз подчеркивает, что новое государство создается не македонским народом, а именно царем. Точно так же Александр берет диктовать свои условия и Греции: издается знаменитый указ о возвращении изгнанников (*Diod.*, XVIII, 8, 4), который и по форме, и по содержанию квалифицируется как превышение власти македонского царя над Коринфским союзом.

В этом же ключе решается вопрос о назначении хилиарха. Этот ахеменидский пост, как известно, воспринимается Александром; на него назначается Гефестион. Вместе с грамматевсом Эвменом и эйсангелевсом Гарпалом он осуществляет реальную власть, но только тогда, когда это необходимо царю. Именно это отличает эллинистического хилиарха от ахеменидского, который постоянно имел всю полноту власти, предоставленную ему царем⁵. Очевидно, институт хилиархии был задуман лишь на время и предполагал сплочение всех верных царю людей в условиях заговоров и мятежных настроений среди полководцев. В этом плане симптоматич-

но, что после смерти Гефестиона новый хилиарх назначен не был. Рассматривать Гефестиона как соправителя царя, как это делает Ф. Шахермейр, нельзя, хотя по случаю его кончины Александр и приказал погасить персидский царский огонь (*Diod.*, XVII, 114, 1 сл.; *Arr.*, VII, 14, 2 сл.); такая должность предполагала реальное разделение властей, что никак не соответствовало концепции единоличной царской власти.

Внутренняя реорганизация системы управления сопровождается внешними изменениями. Проскинеза, царская диадема (*Iust.*, XII, 3, 5–11; 7, 1), роскошный двор и персидские обычаи при нем (*Curt.*, III, 2, 12; 11, 20–23; V, 1, 23; VIII, 5, 3; IX, 10, 30), межэтнические браки – все это подчеркивало восточную форму, принятую царем завоевателей. Вот к этому рядовые македонцы – да и приближенные Александра – оказались не готовы, поскольку такого ни греческая общественная мысль, ни македонская традиция представить себе не могла. Таким образом, превращение «классического» македонского царства в эллинистическое, характеризующееся не только обрядностью, но также превращением армии македонских ополченцев в армию наемников, дезинтеграцией македонского *пomos*, выработкой новой монархической идеологии служения вождю, а не царству, относится не к первым годам после смерти Александра, как полагал П. Бриан, а ко времени царствования самого Александра; ведь тот же Пьер Бриан называл Александра «последним Ахеменидом»⁶.

В то же время в государстве Александра сохраняются отдельные черты македонской монархии. Народ по-прежнему хотя бы номинально сохраняет право судить государственных изменников и пользуется им во время измены Филоты (*Curt.*, VI, 8, 25). «Свобода» и старинные законы, дарованные Александром жителям Сард (*Arr.*, I, 17, 5) и других малоазийских городов, пусть и не обозначали настоящей независимости, но вполне соответствовали модели автономии, которой пользовались в Македонском царстве греческие города Халкидики. Игра в покровительство местной религии и традициям здесь ни при чем; речь идет лишь о македонских традициях сосуществования гетерогенных социальных и политических организмов, пользующихся ограниченной самостоятельностью.

Таким образом, при Александре дуализм царской власти изжит вовсе не был; Курций пишет о том, что после смерти Александра македонцы оплакивали царя, а персы – господина (*dominus* (*Curt.*, X, 5, 9)). Даже окончательный титул Александра вызывает сомнения: в Македонии он считался царем, в Греции – гегемоном, в Азии – повелителем. Не происходит и полного оформления цар-

ской титулатуры; даже после победы над персидским царем Македонец не пытается присвоить царский титул Ахеменидов, а носит титул «царь Александр»⁷, и, получив перстень Дария, запечатывает им только те указы, которые предназначались азиатской части его государства. Даже Плутарх, желая подчеркнуть двойственность природы эллинистической монархии, описывает одежду Александра как персидскую, однако отсутствием излишеств очень похожую на македонскую (*Plut., De fortuna, I, 8*).

Возможно, с Востока была принесена и идея завоевания мира или мировой державы, в наличии которой ни отечественные, ни зарубежные историки сейчас практически не сомневаются. Неясно лишь, в какой момент возникла у Александра эта мысль, – в самом начале похода или только в Индии⁸. Недостаток и первой, и второй точек зрения состоит в отрицании возможности эволюции взглядов Александра, который имел достаточно времени для того, чтобы рассмотреть все возможные цели. Большинство историков (П. Жуге, П. Клоше, А. Эймар, Ж. Вольтер, Ж. Ромен, А. Боннар, Л. Омо и др.), не отрицая миродержавных устремлений создателя империи, признают, что данная идея формировалась постепенно. Но ведь точно так же постепенно формировалась и идея неограниченной монархии. При переходе через Геллеспонт ее не было. По окончании индийского похода она уже была. Момент, когда идеи неограниченной монархии и мирового господства выкристаллизовались окончательно, уловить действительно невозможно – хотя бы потому, что вторая идея скончалась нереализованной, а первая додумывалась и пересматривалась уже диадохами. Некогда Е. Бэдиан заявил, что, отправляясь в поход, Александр плохо представлял себе цель и перспективу затеянного мероприятия⁹. Отказывать македонскому царю в целеполагании тяжело, однако всех последствий своей политики он на самом деле предвидеть не мог.

Александр сохранял сатрапии, существовавшие в государстве Ахеменидов. В начале похода он ограничивался заменой персидского сатрапа македонским, обычно назначаемым из числа гетайров. Так, сатрапом Геллеспонтской Фригии вместо Артабаза назначается командующий фессалийской конницей Калас, сын Гарпала, происходящий из знатного рода Элимиотидов (*Arr., I, 14, 3; II, 4, 1–2; Dioid., XVII, 4*). Летом 333 г. до н. э. он принимает под свое управление также Пафлагонию, вместо сатрапа Арсита (*Arr., I, 17, 1; Curt., III, 1, 24*), который командовал пафлагонской конницей при Гранике, бежал во Фригию и там покончил с собой (*Arr., I, 17, 7*). Сатрапом Лидии назначается Асандр (*Arr., I, 17, 7*), а летом 331 года – после того, как он получает от Александра приказ набрать войско (*Arr., IV, 7, 2*;

Curt., VII, 10, 12), – его место занимает один из его «друзей» Менандр (*Arr.*, III, 6, 8). Список назначенных Александром сатрапов можно продолжать (в источниках содержится немало любопытной информации по данному поводу), однако гораздо важнее подчеркнуть некоторые общие черты. Александр назначает своих сатрапов только в те области, которые остались без управителя; персов, которые занимают посты сатрапов и при этом выражают лояльность новым хозяевам, он со своих мест не смещает. Александр соглашается даже на то, чтобы передать Карию ее правительнице Аде (*Arr.*, I, 23, 7–8), однако во всех этих случаях сатрапу остается только гражданская власть. Все военные полномочия получают назначаемые в эти области греки или македонцы. Может быть, на первом этапе завоевания у Александра и не было плана создания своей администрации, однако уже к моменту окончания завоевания Передней Азии такая политика прорисовывается: из шести малоазийских сатрапий пять находятся под управлением македонцев (Фригия Геллеспонтская, Лидия, Кария, Великая Фригия и Киликия), одна – у грека (Ликия, которой управляет «друг» Александра Неарх) и только одна – Каппадокия – у представителя местной знати Сибиқты. В таких условиях необходимости в разделении военной и гражданской власти нет, и сатрапы, в полном соответствии с многолетними персидскими традициями, объединяют в своих руках почти всю власть над своими областями (за исключением финансов), что создает предпосылку сепаратизма.

Более важные области одному человеку под управление не отдаются. В этом отношении весьма характерна политика разделения властей, предпринятая в Вавилонии. Как известно, сатрап Вавилонии Мазей добровольно сдал Александру город, сохранил свою власть и даже получил право чеканить монету (*Arr.*, III, 16, 4), что позволило некоторым историкам именно с этого момента начинать отсчет процесса сближения Александра с персидской знатью¹⁰. Стратегами сатрапии назначаются македонцы Аполлодор из Амфиполя и Менета из Пеллы (*Arr.*, III, 16, 4; *Diod.*, XVII, 64, 5; *Curt.*, V, 2, 43), а руководителем ведомства налогового сбора и управления – Асклепиодор, сын Филона (*Arr.*, III, 16, 4). По той же модели идет установление македонской власти в Сузиане и других восточных сатрапиях державы Александра. Такая политика вполне соответствует ахеменидской модели управления, которая предполагала осуществление хотя бы номинального контроля за сатрапами через царских посланцев – офthalmоев (*Xenoph.* *Cyrop.*, VIII, 6; *Oecon.*, 4, 5). При всем этом политика Александра по отношению к сатрапам может характеризоваться как жесткая и даже жестокая:

сатрапы-разгильдяи смещаются со своих постов, а то и подвергаются репрессиям.

Таким образом, несмотря на то что местные власти при Александре сохраняют большое влияние, их деятельность гораздо более строго, чем ранее, контролируется центром. Огромное значение в этой связи приобретают не центральные органы управления, как при персах, а сам царь. В то же время удаленность ряда сатрапий не позволяла полностью погасить там сепаратистские настроения. Это, в сущности, и предопределило быстрый распад империи Александра Македонского.

Примечания

- ¹ *Beloch K.J.* Griechische Geschichte. Bd. 4. Berlin, Leipzig, 1925–1927. S. 290–299; *Pagliariо A.* Alessandro Magno. Torino: ERI, 1960. P. 391.
- ² *Бентсон Г.* Правители эпохи эллинизма. М.: Наука, 1982. С. 38.
- ³ Подробнее см.: *Badian E.* Alexander the Great and the Greeks of Asia // *Ancient Society and Institutions* / Ed. by E. Badian. Oxford: Blackwell, 1966. P. 48.
- ⁴ См., например: *Ковалев С.И.* Переговоры Дария с Александром и македонская оппозиция // *Вестник древней истории.* 1946. № 3. С. 46–56.
- ⁵ *Schachermeyr F.* Alexander in Babylon und die Reichsordnung nach seinem Tode. Wien: Böhlau, 1970. S. 31.
- ⁶ *Briant P.* Rois, tributs et paysans. Etudes sur les formations tributaires du Moyen-Orient ancien. P.: Les Belles Lettres, 1982. P. 328.
- ⁷ *Шофман А.С.* Идея мирового господства в завоевательных планах Александра Македонского // *Вестник древней истории.* 1969. № 4. С. 102.
- ⁸ Основные доказательства проанализированы: *Schachermeyr F.* Alexander der Grosse. Ingenium und Macht. Wien: Anton Pustet, 1949. S. 73, 331; *Altheim F.* Alexander und Asien. Tübingen: Niemeyer, 1953. S. 62, 67, 105; *Leveque P.* L'aventure grecque. P.: Librairie Armand Colin, 1964. P. 343; *Мусяченко К.С.* Оппозиция в армии Александра Македонского. Л., 1966; *Ковалев С.И.* Александр Македонский. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 44–45.
- ⁹ *Badian E.* The Administration of the Empire // *Greece and Rome.* 1965. Vol. 12. № 2. P. 166.
- ¹⁰ *Stringfellow B.* The Will of Zeus. A history of Greece from the origins of Hellenic culture to the death of Alexander. N.Y.: Dell, 1961. P. 408.

Священство епископа
в Толедском королевстве первой трети VII в.
по данным сочинений Исидора Севильского:
терминологический аспект

В статье рассматриваются представления Исидора Севильского (ок. 560–636) о священстве епископа. Соответствующие концепты *sacerdos* и *pontifex* конституировали воззрения прелата Севильи на роль епископа в жизни общества и государства. Анализ этих понятий демонстрирует, что именно полнота священства епископа определяла его особый статус и ведущую роль в Толедском королевстве первой трети VII в. Именно как *sacerdos* он воплощал в жизнь идею единства, лежавшую в основе идеологии этого государственного образования.

Ключевые слова: Исидор Севильский, Толедское королевство, «Сентенции», епископ, священство, *sacerdos*, *pontifex*.

В последние годы в центре внимания исследователей оказались не столько права и обязанности позднеантичного епископа, сколько природа его власти и статуса¹, рассматриваемые нередко в терминологическом аспекте². Однако подобных работ о Толедском королевстве VII в. практически нет³, несмотря на уникальное положение местного епископата по сравнению с другими романо-варварскими образованиями⁴. Под таким углом зрения не рассматривались и тексты Исидора Севильского (ок. 560–636), хотя именно его взгляды о епископстве и власти легли в основу идеологии этого королевства⁵.

Статья направлена на частичное восполнение этой лакуны: реконструировать воззрения Исидора о фигуре епископа через разбор

© Биркин М.Ю., 2017

Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 17-33-01155 «Трактат Исидора Севильского “О церковных службах”: перевод, комментарий, исследование»).

понятий *sacerdos* (священник) и *pontifex* (первосвященник). Выбор этих терминов оправдан и в контексте визуальной культуры, имевшей большое значение в формировании идеологии и конструировании социума⁶. Образ епископа складывался из двух составляющих: пастырской и священнической, о чем свидетельствует его инсигнии – посох и перстень, которые в этом качестве впервые фиксируются именно в эпоху Исидора Севильского⁷. Судя по 28-му канону IV Толедского собора, без этих отличительных знаков епископское служение, суть которого они воплощали, было действительно⁸.

Sacerdos

Слово *sacerdos* (священник) в Толедском королевстве обозначало и епископа, и пресвитера: оба могли проводить таинство причастия⁹. Такая двойственность проявляется в течение IV в. и особенно с начала V в.¹⁰, когда пресвитеры стали самостоятельно совершать евхаристию в связи с проникновением христианства в сельскую местность и зарождением приходской системы¹¹. В вестготской Испании она только оформлялась¹², отчасти поэтому слово *sacerdos* подразумевало прежде всего епископа. Наиболее примечательно в этом отношении содержание и название посвященной епископу главы в *De ecclesiasticis officiis* Исидора – «*De sacerdotibus*»¹³.

По Исидору, *sacerdos* (священник) совершает священнодействие (*sacrum dans*) и жертвоприношение, посвящает (*consecrat*) и освящает (*sanctificat*)¹⁴. В последних двух терминах описывается евхаристия, а жертвоприношением (*sacrificium*) называются плоть и кровь Христа¹⁵. Учитывая принцип этимологизации Исидора¹⁶, сущность священника – в рассматриваемую эпоху, главным образом, епископа – проявлялась на литургии.

Несмотря на всю очевидность, именно эта мысль позволяет понять роль епископа в Толедском королевстве. Евхаристия, центральное событие в жизни Церкви, конституировала социальное бытие общества той эпохи, поскольку место традиционной гражданской общины заняла церковная. В Толедском королевстве она, сохраняя античные социально-политические характеристики, стала основой вестготской государственности¹⁷. Последняя выстраивалась на идее единства (*unitas*), ярко артикулированной на IV Толедском соборе под председательством Исидора Севильского¹⁸.

Идею единства и воплощает в экклесиологическом плане евхаристия, о чем говорит Исидор, почти дословно цитируя Киприа-

на Карфагенского: это таинство демонстрирует единение народа в теле Христовом¹⁹. Экклесиологии Отца Церкви III в. прелат Севильи придал социально-политическое измерение: по мнению исследователей, он понимал тело Христово и как основу общности королевства²⁰. Поэтому кафолическое вероисповедание стало главным условием участия в общественной жизни²¹, что актуализировалось именно на литургии. Согласно Исидору, каждый христианин обязан ежедневно принимать причастие, если не исполнял епитимью²². Многие из совершающих публичное покаяние, означавшее также затворнический образ жизни, потерю в правах и невозможность вести дела, стремились получить причастие, чтобы скрыть свой позор. Наложение и снятие епитимьи контролировал преимущественно епископ²³.

Впрочем, термин *sacerdos* через понятие *sacrum* (священное) указывал на обширный спектр действий, направленных на посредничество с Богом²⁴. Речь идет в первую очередь о таинствах (*sacramenta*)²⁵. По Исидору, таинства (*sacramenta*) названы так от тайных или священных сил (*a secretis virtutibus vel a sacris*)²⁶. И если через «священное» можно увязать таинства с *sacerdos* как священником, то через «тайное» – именно как с епископом. Кольцо, передаваемое епископу при рукоположении, Исидор называет печатью тайн (*signaculum secretorum*), ибо епископы будто за печатью охраняют от несведущих людей божественные таинства (*Dei sacramenta*)²⁷.

Термин *sacramentum* мог обозначать не только церковное таинство, но и знак или образ сокровенной реальности, в том числе и в экзегетическом плане²⁸. Это слово использовалось Исидором для обозначения основ христианской доктрины: символ веры содержит все сакральное учение (*sacramentum*) христианских догматов²⁹. Таким образом, епископ при рукоположении приобретал сакральное знание, недоступное остальным, и соответственно – право проповеди. Поэтому епископ именовался и пророком (*vates*)³⁰, что хорошо зафиксировано в эпиграфике Толедского королевства³¹. Неслучайно вслед за рассматриваемым фрагментом в *De ecclesiasticis officiis* говорится о недопустимости возведения в епископский сан мирян, так как они не готовы учительствовать³². Словосочетания же *sacerdotis magisterium* (учение), *sacerdotis praedicatio* (проповедь), судя по контексту, относятся именно к епископу³³. Предстоятель обращался к пастве как *sacerdos*: проповедовал он на литургии.

Более того, синонимичность слов *secretum* и *sacramentum*, значение слова *signaculum* (и печать, и след от нее, указывавший на владельца), как и его коннотации, связанные со Святым Духом³⁴,

позволяют предположить, что перстень символизировал отмеченность епископа как сакральной фигуры и одновременно вытекающую из нее власть совершать все церковные таинства, т. е. полноту священства, что в том же месте буквально подтверждается другим значением перстня – это знак первосвященнической власти (*signum pontificalis honoris*)³⁵.

Pontifex

Для Исидора Севильского священство в узком смысле слова (епископство, *sacerdotium*) и архиерейский сан (*pontificalis ordo*) равнозначны³⁶. Слово *pontifex*, сохранившее римские коннотации превосходства и почтения³⁷, подчеркивает полноту священства епископа, дававшую прерогативу миропомазания и рукоположения.

Формально крестить могли священники в широком смысле слова (*sacerdotes*), т. е. епископы и пресвитеры³⁸. Но последние, не имея венца понтификата (*pontificatus tamen apicem non habent*), не могли совершать миропомазание, что разрешено только епископу (*episcopus/pontifex*)³⁹. Это символизировал и его перстень: видимо, им наносилось миро на лоб крещенного⁴⁰. А ведь именно миропомазание было окончательным подтверждением, что крестившийся стал членом Церкви и христианином⁴¹. Конфирмация приобрела особое значение из-за насильственного обращения иудеев в христианство, первая волна которого пришлась на 610-е гг.⁴² Миропомазание, как и допуск к причастию, было инструментом социального контроля и артикуляцией власти епископа как лидера церковной общины, имевшего превосходство над всеми членами клира⁴³.

На первенство среди духовенства указывал сам термин *pontifex*. Исидор называет понтифика начальником священнослужителей (*princeps sacerdotum*) или первосвященником (*summus sacerdos*) и, говоря о праве епископа поставлять все церковные чины, использует именно это слово⁴⁴. Он подчеркивает, что рукоположение клириков сохранено за епископом, чтобы сохранить согласие (*concordia*) в Церкви⁴⁵, что снова отсылает к идее единства (*unitas*).

Залогом единства Церкви, по мнению Х. Орландиса, являлась коллегиальность вестготского епископата, а ее основанием – полнота его власти, которая подчеркивалась на Толедских соборах постоянным напоминанием об исключительном праве рукополагать⁴⁶.

Наконец, епископ через комплекс вышеназванных понятий, связанных с термином *pontifex*, соотносится со Христом, который,

по словам Исидора, есть истинный начальник народов (*verus dux populorum*), истинный глава священников (*verus princeps sacerdotum*) и господин епископов (*dominus pontificum*)⁴⁷. Эти эпитеты говорят о Христе как Царе⁴⁸ и отсылают к идее царственного священства, которое символизирует тонзура клириков⁴⁹ и полнотой которого обладает епископ. Можно предположить, что как Христос является единым главой Церкви, так, уже в Толедском королевстве, епископ представлялся ее земным управителем.

Эту высшую степень царственного священства, судя по сочинениям Исидора, в рамках экзегетической традиции символизировало епископское кольцо: являющийся прообразом Христа Иосиф, когда был поставлен над всей землей Египетской, получил от фараона перстень как символ первосвященнического служения веры (*pontificatum fidei*), что увязывается с властью Христа проповедовать и судить (*potestas praedicandi et iudicandi*)⁵⁰. Эта экзегеза рифмуется со словами Исидора о новозаветном установлении епископства: апостол Петр первым получил понтификат (*pontificatus*) и, следовательно, власть вязать и решить (*ligandi soluendique potestas*)⁵¹. Все это подразумевает первенство епископа в Церкви и его земную власть, реализуемую, в частности, через покаянную дисциплину.

Сделанные наблюдения наиболее релевантны в «Сентенциях» Исидора Севильского. Судя по структуре и содержанию текста, он демонстрирует развернутую модель христианского социума, в котором епископат – один из его основных институтов. Поэтому здесь встречается наибольшее количество эпитетов, определяющих разные стороны епископского служения (*pastor, praepositus, rector, praesul, doctor*)⁵². Они образуют синонимичные связи преимущественно со словом *sacerdos*⁵³, часто здесь употребляемым. Термин *episcopus*, используемый редко, таких семантических отношений почти не порождает. Из этого следует, что действия епископа в обществе определялись именно его священнической властью, а не статусом фактически королевского чиновника, как полагал ряд ученых⁵⁴.

Термины *sacerdos* и *pontifex* в Толедском королевстве не просто указывали на сакральный характер его фигуры⁵⁵, но отражали самую суть его статуса, покоившегося на полноте священства: он был центром главного социально-политического измерения королевства – церковной общины. На этом основании епископ поддерживал общественный порядок и реализовывал политику единства, материально и мистически явленные в евхаристической литургии. В итоге именно как *sacerdos* епископ определял характеристики социального пространства города в Толедском королевстве.

Принятые сокращения

- DEO – *Sancti Isidori Hispalensis Episcopi De Ecclesiasticis Officiis* / Ed. C.M. Lawson (= Corpus Christianorum Series Latina 113). Turnhout: Brepols, 1989.
- Diff. – *Isidoro de Sevilla. Diferencias Libro I* / Ed. C.C. Merino. Paris: Les Belles Lettres, 1992.
- Etym. – *Sancti Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiarum sive Originum libri XX* / Ed. W.M. Lindsay. Oxonii: Typ. Clarendon, 1911.
- Exp. VT Gen. – *Isidori Hispalensis Expositio in Vetus Testamentum. Genesis. XXX (18). Versus 2396–2399* / Ed. M.M. Gorman. Freiburg: Herder, 2009.
- Sent. – *Isidori Hispalensis Sententiae* / Ed. P. Cazier (= Corpus Christianorum. Series Latina 111). Turnhout: Brepols, 1997.

Примечания

- ¹ См.: *Rapp C. Holy Bishops in Late Antiquity: The Nature of Christian Leadership in an Age of Transition*. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 2005.
- ² *Di Berardino A. L'immagine del vescovo attraverso i suoi titoli nel Codice Teodosiano // L'évêque dans la cité du IVe au Ve siècle. Image et autorité* / Eds. É. Rebillard, C. Sotinel. Rome: École française de Rome, 1998. P. 35–48; *Jerg E. Vir venerabilis. Untersuchungen zur Titulatur der Bischöfe in den außerkirchlichen Texten der Spätantike als Beitrag zur Deutung ihrer öffentlichen Stellung*. Wien: Herder, 1970.
- ³ *Castellanos S. Obispos y santos. La construcción de la Historia cósmica en la Hispania visigoda // La imagen del obispo hispano en la Edad Media* / Eds. M. Aurell, Á. Carcía de Borbolla. Pamplona: Univ. de Navarra, 2004. P. 15–37; *Sánchez Salor E. Jerarquías eclesiásticas y monacales en época visigótica*. Salamanca: Univ. de Salamanca, 1976. P. 15–111; *Jerg E.* Op. cit. S. 74–79, 207–217, 252.
- ⁴ *Orlandis Rovira J. La iglesia en España visigótica y medieval*. Pamplona: Univ. de Navarra, 1976.
- ⁵ *Hen Y. Roman Barbarians: The Royal Court and Culture in the Early Medieval West*. N. Y.: Palgrave, 2007. P. 142–143, 149.
- ⁶ *Using Images in Late Antiquity* / Eds. S. Birk, T.M. Kristensen, B. Poulsen. Oxford; Philadelphia: Oxbow Books, 2014. P. 3.
- ⁷ *Raddatz A. Insignien, kirchliche // Theologische Realenzyklopädie. Bd. 16* / Hrsg. G. Müller. Berlin: Verlag Walter de Gruyter, 1993. S. 199–200.
- ⁸ IV Tol. C. 28.
- ⁹ Etym. VII.12.21; *Sánchez Salor E.* Op. cit. P. 72–81.
- ¹⁰ *Di Berardino A.* Op. cit. P. 44–45.

- ¹¹ *Zizioulas J.D.* Eucharist, bishop, church: The Unity of the Church in the Divine Eucharist and the Bishop During the First Three Centuries. Brookline: Holy Cross Orthodox Press, 2001. P. 205–208.
- ¹² *Orlandis Rovira J.* Historia del reino visigodo español: los acontecimientos, las instituciones, la sociedad, los protagonistas. Madrid: Rialp, 2003. P. 285–286.
- ¹³ Сочинение было разделено на книги и главы еще в первой половине VII в.: *Lawson C.M.* The Date, Title, Arrangement and Division of the Work // *Isidorus Hispalensis. De ecclesiasticis officiis* / Ed. C.M. Lawson. Turnhout: Brepols, 1989. P. 16–18.
- ¹⁴ Etym. VII.12.17.
- ¹⁵ Ibid. VI.19.38.
- ¹⁶ Ibid. I.29.1; *Fontaine J.* Isidoro de Sevilla: génesis y originalidad de la cultura hispánica en tiempos de los visigodos. Madrid: Ed. Encuentro, 2002. P. 197–199.
- ¹⁷ См.: *Биркин М.Ю.* От гражданина к священнику: vita activa et contemplativa от Августина Блаженного до Исидора Севильского // Вестник древней истории. 2017. № 77/1. С. 133–139.
- ¹⁸ *Velázquez I.* Pro patriae gentisque Gothorum statu // *Regna and Gentes. The Relationship between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World* / Eds. H.-W. Goetz, J. Jarnut, W. Pohl. Leiden: Brill, 2003. P. 196–205.
- ¹⁹ DEO I.18.4–6.
- ²⁰ *Hillgarth J.N.* The Position of Isidorian Studies: a critical Review of the Literature since 1935 // *Isidoriana. Colección de estudios sobre Isidoro de Sevilla*. León: Centro de Estudios «San Isidoro», 1961. P. 59.
- ²¹ *Drews W.* The Unknown Neighbour: The Jew in the Thought of Isidore of Seville. Leiden: Brill, 2006. P. 279–281.
- ²² DEO I.18.3,7.
- ²³ О покаянии см.: *Fernandez Alonso J.* La cura pastoral en la Espana visigoda. Roma: Iglesia Nacional Española, 1955. P. 511–573.
- ²⁴ Diff. I.33(498).
- ²⁵ Евхаристия, крещение, миропомазание: Etym. VI.19.39.
- ²⁶ Ibid. VI.19.40. Cfr.: VI.19.42.
- ²⁷ DEO II.5.12.
- ²⁸ *García Paredes J.C.R.* Teología fundamental de los sacramentos. Madrid: San Pablo, 1991. P. 5–94.
- ²⁹ Etym. VI.19.58.
- ³⁰ Ibid. XII.12.13.
- ³¹ *Gnilka C.* Zur Frage der Verfasserschaft der ambrosianischen Tituli // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 2009. Bd. 168. S. 130–131.
- ³² DEO II.5.13.
- ³³ Ibid.; Sent. III. 36.2.
- ³⁴ Etym. VII.3.22.

- ³⁵ DEO II.5.12.
- ³⁶ DEO II.5.1.
- ³⁷ *Sánchez Salor E.* Op. cit. P. 20.
- ³⁸ DEO II.25.8–9.
- ³⁹ Etym. VII.12.21; DEO II.27. 3–4.
- ⁴⁰ Exp. VT Gen. XXX (18). Vs. 2396–2399.
- ⁴¹ DEO II.26.2; Hildefonsus Toletanus. Annatationum De Cognitione Baptismi. Cap. 122.
- ⁴² *Чершина Л.В.* Евреи в вестготском законодательстве // Вестготская правда (Книга приговоров): Латинский текст. Перевод. Исследование. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. С. 161–163.
- ⁴³ *Wood J.* Elites and Baptism: Religious ‘Strategies of Distinction’ in Visigothic Spain // Elite and Popular Religion. Studies in Church History / Eds. K. Cooper and J. Gregory. Woodbridge: Ecclesiastical History Society. P. 9–10, 17.
- ⁴⁴ Etym. VII.12.13; DEO II.5.3; II.7.1.
- ⁴⁵ DEO II.7.2.
- ⁴⁶ *Orlandis Rovira J.* La iglesia... P. 159–162.
- ⁴⁷ DEO II.5.4.
- ⁴⁸ Etym. VII.2.9.
- ⁴⁹ DEO II.4.4.
- ⁵⁰ Exp. VT Gen. XXX (18). Vs. 2388–2399; *Piredda A.M.G.* L’Anello episcopale // Studi in onore di Pietro Meloni. Sassari: Edizioni Gallizzi, 1988. P. 180–184.
- ⁵¹ DEO II.5.5.
- ⁵² Sent. III. 36.1, 39.1a, 39.4–6, 41.2, 45.3 etc.
- ⁵³ Sent. III. 34.5, 35.2, 45.5 etc.
- ⁵⁴ См., например: *Клауде Д.* История вестготов. СПб.: Евразия, 2002. С. 172.
- ⁵⁵ *Sánchez Salor E.* Op. cit. P. 73–84.

«Noster est magis Caesar, a nostro deo constitutus»:
образ императора в христианской
апологетической литературе II–III вв.

В статье исследуются особенности образа императора в апологетических сочинениях II–III вв. Сам факт адресации апологий римским правителям, приписывание им христианских качеств и мыслей, переосмысление исторических решений римских властей в более позитивном для христиан ключе – все это формировало образ «христианского императора». Этот идеальный образ пока не мог соответствовать напряженным взаимоотношениям церкви и государства в рассматриваемый период. Однако в апологетической литературе конструируется модель желаемого будущего, в которой можно даже встретить вопрос о возможности появления императора из числа христиан (*Tert. Apol.* 21.24). Представление об императорской власти как о необходимом и важном элементе установленного свыше христианского миропорядка способствовало интеграции христиан в жизнь Римской империи и было частью стратегии выстраивания групповой идентичности.

Ключевые слова: апологетика, раннее христианство, римские императоры, II–III века, образ власти.

Христианство в первые два века своего существования претерпело значительные метаморфозы. В I в. н. э. представления христиан о мире наполнены эсхатологическими ожиданиями и проникнуты явным неприятием языческой Римской империи. Но время шло, а конец света не наступил, и Рим – «вавилонская блудница» – никуда не исчез. Во II–III вв. перед новой религией встает необходимость сформировать желаемый образ взаимоотношений новой религии с окружающим миром и с римскими властями, от

© Лебедев П.Н., 2017

Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках гранта «Псевдоисторическая реальность» и модуся исторического нарратива в сочинениях греческих авторов II в. до н. э. – III в. н. э.» (проект № 17-31-01061).

позиции и решения которых зависело положение христиан в империи. Для христианства начинается эпоха активных поисков собственной идентичности и путей самоопределения в более широком культурном контексте античного мира. В этих условиях появляется апологетическая литература, т. е. сочинения, в которых христианские авторы защищают свои взгляды против обвинений и критики в адрес своей религии. Настоящая статья будет посвящена исследованию особенностей конструируемого в данных произведениях образа власти и конкретно – «христианизации» образа императора. Под этим предлагается понимать приписывание христианских качеств и мыслей, рассказы о прохристианских симпатиях отдельных императоров, включение фигуры императора в христианский контекст и т. д.

В церковной историографии IV в. н. э. были заложены основания для восприятия апологий второй половины II в. н. э. как прошений, непосредственно переданных в руки конкретным императорам. Евсевий Кесарийский называет апологиями только произведения, адресованные римским властям: сочинения Квадрата и Аристида – императору Адриану (*Eus. Hist. Eccl.* 4.3.1–3), Иустина – Антонину Пию (*Ibid.* 2.13.2; 4.8.3, 11.11, 16.1, 18.2), Аполлинария и Мелитона – Марку Аврелию (*Ibid.* 4.13.8, 26.1, 27.1), Тертуллиана – римскому Сенату (*Ibid.* 3.33.3; 5.5.5). В современной историографии понятие «апологетика» трактуется более широко, а относительно его смысловых границ существуют разногласия¹. Излагать в настоящей статье содержание этих дискуссий представляется нецелесообразным, так как сосредоточиться хотелось бы именно на упомянутых выше сочинениях, адресованных римской власти. Сохранившимися произведениями такого рода являются: «Апология» Аристида Афинского, «Предстательство за христиан» Афинагора Афинского, I и II апологии Иустина Философа, сохранившаяся в пересказе Евсевия Кесарийского апология Мелитона из Сард, «Апологетик» и «К Скапуле» Тертуллиана.

Вопрос о формальном адресате и предполагаемой читательской аудитории указанных выше произведений вызывает большие противоречия среди исследователей. Значительная группа авторов считает реальной возможностью фактической передачи апологий заявленным в них адресатам, признавая при этом возможность распространения этих сочинений и среди более широкой языческой аудитории². Другая часть историков предполагает, что адресация произведений императорам является только литературной фикцией и риторическим приемом, призванным расположить читателей к более легкому восприятию содержания апологий³. В последние

десятилетия в историографии обретает всё большую популярность гипотеза о том, что основная целевая аудитория апологетики находилась не вне, а внутри христианских общин, так что основными читателями были представители христианских общин, а вовсе не императоры и римляне-язычники⁴.

Следует признать, что принять какое-либо окончательное решение по вопросу о реальном адресате апологетики на текущий момент не представляется возможным. Наиболее правдоподобной будет гипотеза о том, что апологии могли циркулировать как в среде христианских общин, так и среди языческого населения⁵. Христиане жили не в социальном вакууме, но находились в кругу семьи, друзей, соседей и коллег по работе, так что не следует недооценивать степень их интеграции в повседневную жизнь античного общества и пытаться провести глубокие границы между аудиториями. В контексте настоящей статьи ключевое значение имеет только то обстоятельство, что апологии были созданы яркими представителями христианской интеллектуальной элиты и в ряде случаев были формально адресованы императорам и представителям римской власти в провинциях.

Образ и фигура императора занимали центральное структурообразующее место в системе взаимоотношений человека и государственной власти в Римской империи. Начиная со времени правления Адриана (117–138) переписка главы центральной власти с гражданским населением провинций становится важнейшим каналом коммуникации и одним из ключевых элементов управления средиземноморской империей⁶. Во II в. к императорам поступало множество письменных прошений (*libelli*) как от локальных сообществ, так и от частных лиц. Тот факт, что христианские авторы встраиваются в общий хор обращений к императорам, не следует рассматривать как незначительную деталь. Это демонстрация того, что христиане могут и считают правильным обращаться к представителям римской власти как высшим арбитрам, общим для всех в империи⁷.

Даже если адресация апологий императорам является литературной фикцией, то в любом случае речь идет о сознательном выборе литературной формы, которая должна была влиять на восприятие читателей. Появление подобных произведений является признаком того, что христианство уверенно вышло из катакомб на широкую социально-политическую сцену. Адресация апологий римскому императору становилась частью стратегии конструирования христианской идентичности, так как помещала ее авторов и представляемую ими религиозную группу в контекст сложившейся

ся системы отношений между императором как всеобщим патроном и населением империи.

Не менее важным обстоятельством представляется то, что апологеты обращаются к своим адресатам как к философам. Иустин, обращаясь в своей «I Апологии» к Антонину Пию и его сыновьям, называет императорскую семью «философами, блюстителями справедливости и почитателями учености» (φιλόσοφοι καὶ φύλακες δικαιοσύνης καὶ ἐρασταὶ παιδείας; *Iust. I Apol. 2.2*)⁸. Афинагор Афинский также излагает свою защитительную речь императорам Марку Аврелию и Коммоду «прежде всего как философам» (τὸ δὲ μέγιστον φιλόσοφοις; *Athen. Leg. 1*)⁹. Аналогичную черту подчеркивает в своем адресате и епископ Мелитон из Сард, когда пишет о человеколюбии Марка Аврелия и его любви к философии: «ты и более человеколюбив, и более предан философии [чем твой отец]» (καὶ πολὺ γὰρ φιλάνθρωπότεραν καὶ φιλοσοφώτεραν; *Eus. Hist. Eccl. IV.26.11*).

Безусловно, существенную роль в объяснении этой общей тенденции в сочинениях греческих апологетов II в. играет хорошо известное увлечение Марка Аврелия философией, в целом характерная для династии Антонинов любовь к греческой культуре и жанровая специфика сочинений. Однако важно обратить внимание и на то, что одной из стратегий защиты и саморепрезентации христианства во II в. н. э. было уподобление своего учения философской школе и представление его в ряду традиционных философских направлений античности¹⁰. Эта особенность наиболее заметна в апологии Мелитона, который прямо называет христианство словом «φιλοσοφία» и надеется, что император будет хранить «философию, которая возросла вместе с империей и получила начало с царствованием Августа» (φυλάσσων τῆς βασιλείας τὴν σύντροφον καὶ συναρξαιμένην Ἀυγούστῳ φιλοσοφίαν, *Eus. Hist. Eccl., IV.26.7*; пер. М.Е. Сергеенко). Таким образом, представление об императорах как философам, к которым христианские интеллектуалы могут обратиться с изложением ученых рассуждений о сути христианского учения, соответствует популярному в христианстве этого времени варианту самоопределения и не может быть объяснено лишь требованиями жанра.

Примечательной особенностью рассматриваемых апологий является то, что важное место в них занимает обоснование политической благонадежности христианства. Этот сюжет мог быть равно значимым как для убеждения римлян-язычников в безобидности новой религии для социального порядка, так и для укрепления самих христиан в готовности идти на какие-то компромиссы в условиях повседневной жизни римского мира. Для христиан II–III вв.

отказ от компромиссов во взаимоотношениях с римской властью, как известно, мог закончиться мученической смертью.

Апологеты в своих сочинениях цитируют фрагменты священных текстов, соответствующие по духу основополагающему тезису апостола Павла: «...нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» (Рим 13:1). Например, Тертуллиан приводит в «Апологетике» слова из послания апостола Павла к Тимофею (1 Тим 2:2), в которых содержится призыв молиться за «царей, за начальников и власти» (*Tert. Apol.* 31.3). Иустин пересказывает в «I Апологии» известную евангельскую историю про вопрос фарисеев к Христу, завершающуюся принципом «кесарю кесарево и Божие Богу» (*Iust. I Apol.* 17.2). Афинагор Афинский пишет, что императоры получили свою власть свыше и цитирует Книгу Притчей: «душа царя в руке Божией» (Притч 21:1; *Athen. Leg.* 18). Во всех приведенных выше примерах авторы прямо указывают на то, что они цитируют священные для христиан тексты. Вероятно, это должно было придать убедительности рассуждениям о политической лояльности христиан и, равно как и в предыдущем случае, могло работать в обе стороны: как для подкрепления своих рассуждений перед лицом внешнего читателя, так и для убеждения самих христиан в правильности подобной позиции. Таким образом, исключительная позиция императора в христианской модели общественного устройства подкрепляется в апологетике ссылками на наиболее авторитетные для христиан источники.

Вопрос о взаимоотношениях христианства с римскими властями достаточно хорошо изучен в историографии, так что останавливаться на этом подробно в настоящей статье будет излишним¹¹. Отметим только некоторые особенности того, как в апологетике происходит «христианизация» образа императора. Вполне естественно, что в прошениях о справедливости постоянно подчеркивается гуманность и рассудительность тех, к кому авторы обращаются за защитой (*Iust. I Apol.* 12.5; *Athen. Leg.* 1, 18; *Eus. Hist. Eccl.* IV. 26.11; *Tert. Apol.* 5.5–7). Однако апологеты этим не ограничиваются.

Показательны в этом отношении два места в «Предстательстве за христиан» Афинагора Афинского, в которых в одном случае соотношение между миром и сотворившим его Богом поясняется на примере отношения подданных к императорскому дворцу и самому императору (*Athen. Leg.* 16). В другом же случае читателю предлагается прямо сопоставить власть Бога и власть императора: «Подобно тому (ὥς), как у вас отцу и сыну все покорны, ибо царская власть дана вам свыше... точно так же (οὕτως) единственному

Богу и Слову Его, нераздельно мыслимому Сыну все подчинено» (*Athen. Leg.* 18; пер. А.В. Муравьева). Это, конечно, риторические приемы, но повторное использование подобных сравнений формирует определенную модель восприятия и показывает направление мысли христианского интеллектуала второй половины II в. н. э.

Гораздо дальше границы возможного раздвигает яркий христианский мыслитель и апологет Тертуллиан. Данный автор легко может написать, что «[императоры] знают, что Я дал им власть» (*sciunt, quis illis dederit imperium*), «чувствуют, что Он – единственный Бог, в чьей власти они пребывают» (*sentiunt eum esse deum, solum, in cuius solius potestate sint*), «постигают Бога» (*deum intellegunt*) и т. д. (*Tert. Apol.* 30.1–2; пер. А.Ю. Братухина). В «Апологетике» также встречается фраза, ставшая частью заглавия настоящей статьи: «Я с полным основанием мог бы сказать: “император больше наш, чем ваш, так как он поставлен нашим Богом”» (*ut merito dixerim: «Noster est magis Caesar, a nostro deo constitutus»*) (*Tert. Apol.* 33.1)). Император, как и у Афинагора, показательно оказывается в одном ряду с Богом, и оба они могут рассматриваться для христианского автора как «наши» (*noster*).

Действительно, христианские авторы словно «присваивают» себе фигуру принцепса, что хорошо заметно в рассказах о симпатиях к христианству со стороны отдельных императоров. Вслед за римской традицией в апологетике прохристиански настроенными императорами оказываются положительные персонажи римской истории, а в число гонителей записываются «плохие». Мелитон из Сард и Тертуллиан единодушно обвиняют в преследовании христиан Нерона и Домициана (*Eus. Hist. Eccl.* 4.26.9; *Tert. Apol.* 5.3–4, *Ad Nat.* 1.7), а Тертуллиан затем еще и восклицает: «из стольких последующих принцепсов вплоть до нынешнего... укажите хоть одного, кто преследовал бы христиан» (*Tert. Apol.* 5.5). Мелитон из Сард также пишет, что сложившийся из-за «плохих» императоров «нелепый обычай» (*ἀλόγῳ συνηθείᾳ*) в отношении христиан «пытались исправить» (*ἐπληρωθήσαντο*) «благочестивые предки» Марка Аврелия (*οἱ σοὶ εὐσεβεῖς πατέρες*): Адриан и Антонин Пий (*Eus. Hist. Eccl.*, IV.26.10). Адриана положительно выделяет в своей апологии также Иустин Философ, представляющий этого императора защитником христиан (*Iust. I Apol.* 68). При этом, как известно, во II–III вв. сам факт принадлежности к христианству уже считался в римском суде достаточным основанием для казни, и ни один из императоров этой практики не отменил¹².

Ряд аналогичных примеров конструирования христианского варианта истории взаимоотношений церкви с императорской вла-

стью можно обнаружить в «Апологетике» Тертуллиана¹³. В указанном сочинении встречается наиболее яркая и впечатляющая реплика о возможности существования христианского императора: «да и императоры могли бы поверить в Христа, не будь они необходимы миру или если бы и христиане могли быть императорами» (*sed et Caesares credidissent super Christo, si aut Caesares non essent necessarii saeculo, aut si et Christiani potuissent esse Caesares; Tert. Apol. 21.24*). В приведенном высказывании используется особый вид условного придаточного предложения – *casus irrealis*, когда подразумевается, что говорящий рассматривает как условие, так и следствие из него невозможными и неисполнимыми. Однако при этом следует заметить, что Тертуллиан едва ли не первым из христианских авторов ставит вопрос о возможности христианина стать императором. Хотя ответ на этот вопрос пока является отрицательным и формулируется в виде *casus irrealis*, тем не менее само появление подобной мысли в литературном произведении говорит о расширении границ возможного и допустимого для христианского интеллектуала в конце II – начале III в.

Конечно, внимание современного историка это место из апологии Тертуллиана привлекает в силу искушения провести прямую линию между *casus irrealis* в вышеприведенном предложении конца II в. и вполне реальным принятием христианства императором Константином в начале IV в. Так или иначе, эти события разделяют всего 100 с небольшим лет. Образ симпатизирующих христианам императоров, к которым наравне со всеми остальными жителями империи можно обратиться с прошением и рассчитывать быть услышанными, в творчестве апологетов II–III вв. предвосхищает реальность и прокладывает символический путь для будущего союза церкви и светской власти. Конструирование образа христианского императора являлось для христианских интеллектуалов одним из способов выстраивания групповой идентичности и интеграции в социокультурное пространство Римской империи.

Примечания

¹ См., например: *Jacobsen A.-C. Apologetics and Apologies – Some Definitions // Continuity and Discontinuity in Early Christian Apologetics / Ed. by J. Ulrich, A.-C. Jacobsen, M. Kahlos. Frankfurt a/M.: Peter Lang, 2009. P. 5–21.*

² *Болотов В.В. Лекции по истории Древней Церкви: В 4 т. Т. 2. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1910. С. 165–166; Керн К.Э. (архим. Киприан). Патрология. Т. 1. М.; Париж: Изд-во Православного Свято-Тихоновского богословского ин-та, 1996.*

- С. 143–145; *Вдовиченко А.В.* Христианская апология: Краткий обзор традиции // Раннехристианские апологеты II–IV вв.: Переводы и исследования. М.: Ладомир, 2000. С. 5, 22, 27, 29; *Муравьев А.В.* «Этот муж проповедовал христианство, сохраняя мантию философа...» // Там же. С. 41–42; *Братухин А.Ю.* Рождение стиля христианской литературы (Климент Александрийский и Тертуллиан): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2016. С. 16; *Fiedrowicz M.* Apologie im frühen Christentum. Die Kontroverse um den christlichen Wahrheitsanspruch in den ersten Jahrhunderten. Paderborn: Schöningh, 2001. S. 15; Justin, Philosopher and Martyr: Apologies / Ed. by D. Minns, P. Parvis, Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. P. 45–46; *Ulrich J.* Apologists and apologetics in the second century // In Defence of Christianity: Early Christian Apologists / Ed. by J. Engberg, A.-C. Jacobsen, J. Ulrich. Frankfurt a/M.: Peter Lang, 2014. P. 30.
- ³ См., например: *MacMullen R.* Christianizing the Roman Empire (A.D. 100–400). New Haven, L.: Yale Univ. Press, 1984. P. 20–21; *Buck P.L.* Athenagoras's Embassy. A Literary Fiction // Harvard Theological Review. 1996. Vol. 89. P. 209–226; *Idem.* Second-century Greek Christian apologies addressed to emperors: Their form and function. PhD thesis, Univ. of Ottawa. Ottawa, 1998. P. 240.
- ⁴ См., например: *Benko S.* Pagan Rome and the Early Christians. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1984. P. 42; *MacMullen R.* Op. cit. P. 21; *Edwards M. et al.* Introduction: Apologetics in the Roman World // Apologetics in the Roman Empire: Pagans, Jews, and Christians / Ed. by M. Edwards, M. Goodman, S. Price. Oxford: Clarendon Press, 1999. P. 8–9; *Kannaday W.C.* Apologetic Discourse and the Scribal Tradition. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2004. P. 35; *Jacobsen A.-C.* Op. cit. P. 13–17.
- ⁵ *Pattison S.E.* A Study of the Apologetic Function of the Summaries of Acts. PhD thesis, Emory Univ. Atlanta, GA, 1990. P. 392; *Gamble H.Y.* Books and Readers in the Early Church. A History of Early Christian Texts. New Haven: Yale Univ. Press, 1995. P. 112–113; *Rhee H.* Early Christian Literature: Christ and Culture in the Second and Third Centuries. N.Y.: Routledge, 2005. P. 28; *Rankin D.* From Clement to Origen: The Social and Historical Context of the Church Fathers. Aldershot, Burlington, VT: Ashgate, 2006. P. 44; *Wilhite D.E.* Tertullian the African: An Anthropological Reading of Tertullian's Context and Identities. Berlin: Walter de Gruyter, 2007. P. 62–63; *Jacobsen A.-C.* Op. cit. P. 9.
- ⁶ *Cortés-Copete J.M.* Governing by Dispatching Letters. The Hadrianic Chancellery // Political Communication in the Roman World / Ed. by C. Rosillo-Lopez. Leiden, Boston: Brill, 2017. P. 112–113, 115, 133–134.
- ⁷ «Мы обратились к вам не с тем, чтобы льстить вам... но требовать, чтобы вы судили нас по строгому и тщательному исследованию» (Iust. I Apol. 2.3; пер. П.А. Преображенского); «все подданные Империи наслаждаются безмятежным миром благодаря вашей просвещенности. Мы же, называемые христианами, обойдены вашей заботой» (Athen. Leg. 1; пер. А.В. Муравьева). См. также: *Nasrallah L.S.* Christian Responses to Roman Art and Architecture. The Second-

century Church amid the Spaces of Empire. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010. P. 28.

⁸ См. также: Iust. I Apol. 1.1, 12.5, II Apol. 2.1.

⁹ См. также: Athen. Leg. 2, 6, 7, 9, 11.

¹⁰ *Пантелеев А.Д.* Самоопределение христианства как философского течения // Жебелевские чтения—II: Тезисы докладов научной конференции 26–27 октября 1999 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 73–76; *Сидоров А.И.* Христианство как философия или любомудрие по Христу по свидетельству греческих отцов Церкви и церковных писателей II–VIII вв. // Анастасий Синаит. Избранные творения. М.: Паломник, 2003. С. 459–476; *Mason S.N.* Philosophia: Graeco-Roman, Judean and Christian // Voluntary Associations in the Graeco-Roman World / Ed. by J.S. Kloppenborg, S.G. Wilson. L.: Routledge, 1996. P. 33; Justin, Philosopher and Martyr... P. 60; *Karamanolis G.* The Philosophy of Early Christianity. Durham: Acumen, 2013. P. 2–3, 237–240; *Malherbe A.J.* Light from the Gentiles: Hellenistic Philosophy and Early Christianity. Collected essays, 1959–2012: In 2 vols. / Ed. by C.R. Holladay et al. Leiden, Boston: Brill, 2014. P. 781.

¹¹ См., например: *Свенцицкая И.С.* Первые христиане и Римская империя. М.: Вече, 2003; *Пантелеев А.Д.* Христианство в Римской империи во II–III вв.: К проблеме взаимоотношений новых религиозных течений и традиционного общества и государства: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004; *MacMullen R.* Christianizing the Roman Empire (A.D. 100–400). New Haven, L.: Yale Univ. Press, 1984; *Brent A.* A Political History of Early Christianity. L.: T&T Clark, 2009; *Cook J.G.* Roman Attitudes Toward the Christians. From Claudius to Hadrian. Tübingen: Mohr Siebeck, 2010.

¹² См., например: Plin. Ep. 10.97. Подробнее см.: *Croix G.E.M., de Sainte.* Why were the Early Christians Persecuted? // Past and Present. 1963. Vol. 26. 6–38.

¹³ См., например: Tert. Apol. 5.2–7.

Историк и правитель: интерпретация действительности

В статье анализируется изображение Аммианом Марцеллином деятельности императора Констанция II, отношение к которому в антиковедении достаточно неоднозначно. Автор стремится понять истоки иногда противоречивых суждений выдающегося римского историка об этом правителе.

Ключевые слова: Аммиан Марцеллин, Констанций, Юлиан, Урзицин, император, деяния, биография, историография.

Аммиан Марцеллин был современником и свидетелем правления нескольких римских императоров. Их деятельность получила освещение в труде этого выдающегося историка. Наибольшее внимание в нем уделено Констанцию II, так как он достаточно долго находился у власти: с 323 г. в должности цезаря вместе со своими братьями Константином и Криспом, в 337 г. вместе с Константином II и Константом был провозглашен Августом, с 350 по 361 г. правил единолично. И на период единоличного правления Констанция приходится служба Аммиана в римской армии, когда у него были довольно широкие возможности по сбору информации, что и нашло отражение в тексте «Деяний».

Фигура Констанция II, находившегося в тени затмевавшего его современника Юлиана, который получил в христианской литературе прозвище Отступника, до последнего времени привлекала мало внимания исследователей, а в общих работах достаточно часто оценивалась негативно¹. В последнее время в антиковедении наблюдается больший интерес к этому правителю, удовлетворить который в значительной степени может труд Аммиана Марцеллина, бывшего свидетелем, а иногда и участником описываемых событий.

Сочинение Аммиана – сложное произведение, впитавшее в себя лучшие античные традиции, сочетает историографические начала и биографические элементы. В антиковедении продолжается дискуссия о том, к какому из этих жанров ближе «Res gestae»². Представляется, что правы те исследователи, кто считает стиль «Деяний» оригинальным и независимым³, труд Аммиана Марцеллина историческим, но, конечно, с биографическими моментами. Не только потому, что в императорский период значимые явления концентрируются вокруг персоны правителя, но и из-за не прямых способов создания автором портретных характеристик через описание жизненного пути субъекта, его отношения к событиям, его речей, опыта, действий и достижений, что рисует более реалистичскую и полную, и вместе с тем более детальную, картину действительности⁴. Впрочем, и характером политических деятелей Аммиан тоже интересуется, но только в так называемых эпилогах⁵.

У Аммиана Марцеллина встречается довольно много негативных суждений об императоре Констанции, поскольку именно этот период его правления освещен в сохранившейся части текста «Деяний». Главные обвинения, которые историк предъявляет правителю, сводятся к его чрезвычайной подозрительности, склонности верить любому слуху о злоумышлении против его власти, зависимости от мнения приближенных. Две трети описания пороков в некрологе Констанция занимает его реакция на подозрения или попытки узурпации⁶. Аммиан утверждает: «Всякий донос, сомнительный или даже заведомо ложный, он принимал за чистую монету <...>. И как на болезненный организм сильно действуют даже ничтожные потрясения, так он, при своей ограниченности и подозрительности, все, о чем ни доходили до него вести, считал совершенным или задуманным на гибель ему, и убийствами невинных делал кровавым свое торжество. Стоило только возникнуть слуху, что кто-нибудь из военных чинов или гражданских властей, или просто какой-нибудь видный в своей среде человек стоял на стороне вражеской партии, как его заковывали в цепи и тащили, как дикого зверя, хотя бы с обвинением выступал личный недруг данного человека, или даже не оказывалось обвинителя вовсе; словно было достаточно, что его называл слух, что был сделан донос, что он отдан под суд, чтобы произнести над ним смертный приговор, присудить к конфискации имущества или к ссылке на острова. К жестокости императора в случаях, когда речь шла об умалении или оскорблении величества, и к его вспыльчивости и возбужденной подозрительности присоединялась кровавая лезть придворных, которые преувеличивали разные случайные происшествия и притворно выражали глубокую скорбь

по поводу опасности для жизни государя, от благоденствия которого, по их льстивым заявлениям, непосредственно зависит благосостояние вселенной. Поэтому когда ему подносили на утверждение, согласно обычаю, приговор, он никогда, как рассказывают, не миловал осужденных за эти и тому подобные проступки» (*Amm. Marc.* XIV. 5. 1–5; 9. 1; XV. 5. 5; 9. 3; XVI. 8. 10; 12; XIX. 12. 5; 9; 16; XX. 2. 2; XXI. 16. 8–10). Еще один повторяющийся мотив в характеристике Констанция – его победы в борьбе с соперниками за власть и постоянные поражения в конфликтах с другими народами: «Самолично он не победил никакого народа, находившегося в войне с Римом, не получил также вести о поражении какого-нибудь народа благодаря доблести своих полководцев, не прибавил новой области к римской державе, никогда не видели его в трудную минуту на поле брани первым или в числе первых» (*Amm. Marc.* XVI. 10. 2); «Насколько во внешних войнах этот государь терпел урон и потери, настолько он возносился удачами в междоусобицах и был весь забрызган гноем, истекавшим из внутренних нарывов государства» (*Amm. Marc.* XIV. 10. 16; XVI. 10. 2; XXI. 16. 15; XIX. 12. 16; XX. 11. 32; XXI. 1. 2). Иногда Аммиан Марцеллин умалчивает о фактах, положительно характеризующих императора. Так, он не сообщает о желании последнего отменить смертный приговор цезарю Галлу и о том, что приказ был послан, но опоздал⁷.

При анализе суждений подобного рода возникает вопрос о степени их объективности. Проблема достоверности исторического источника всегда имеет первостепенное значение. Если же таковым является историческое сочинение, то чрезвычайно важно попытаться понять, почему его автор в тех или иных случаях мог быть субъективен, так как полностью беспристрастных текстов не существует.

По мнению многих авторитетных исследователей творчества Аммиана Марцеллина, его труд в целом достоверен и объективен, трактовка событий, как правило, основывается на очевидных доказательствах⁸.

Большое значение историк придает источникам изложенной им информации и утверждает, что свой труд (по крайней мере, его сохранившуюся часть, освещающую события времени его сознательной, взрослой жизни) он писал как на основе того, что довелось ему видеть как современнику, так и того, что можно было узнать у непосредственных свидетелей при тщательном опросе (*Amm. Marc.* XV. 1. 1; 9. 6; XXII. 8. 1; XXII. 15. 1; XXVII. 4. 2). Глубокая осведомленность в делах империи и компетентность в их интерпретации обусловлены служебной деятельностью Аммиана Марцеллина, который в течение не менее семи лет был протектором-доместиком под началом маги-

стра конницы на Востоке Урзицина и был чрезвычайно ему предан (*Amm. Marc.* XIV. 9. 1; XV. 5. 22; XVIII. 6. 5; XIX. 8. 12).

Но не всегда причастность Аммиана Марцеллина к тому, что он позже описывал, способствовала усилению объективности повествования. Видимо, против воли автора личные мотивы и пристрастия проникали в текст. Историк страстно обвиняет императора Констанция в недоброжелательном отношении к своему любимому командиру, а его окружение в злостных интригах против него, но степень их козней явно преувеличена, так как во всех действиях Констанция по отношению к Урзицину Аммиан усматривает тайный смысл. Он пишет: «возбуждено было обвинение в оскорблении величества против Урзицина, и зависть, враг всех хороших людей, все более настойчиво стала покушаться на его жизнь. Положение Урзицина было тем труднее, что император был глух к справедливой и основательной защите, но чрезвычайно восприимчив к разным тайным наветам интриганов, которые внушали ему, что имя Констанция совершенно забыто на Востоке империи и что там все с вожделием ожидают Урзицина как человека, внушавшего страх персам» (*Amm. Marc.* XV. 2. 1–6; XV. 5. 19; XX. 2). По словам Аммиана, «его завистники сумели возбудить тяжкое подозрение против него у Констанция, который вообще был сносный государь, но стоило кому-нибудь, хотя бы и безвестному человеку, шепнуть ему на ухо что-нибудь подобное, как он становился жесток, неумолим и вообще в делах подобного рода не похож на себя» (*Amm. Marc.* XIV. 9. 2).

Натянутые отношения непосредственного начальника с императором были не единственным фактором, усугублявшим негативное отношение историка ко всем действиям правителя. Признанным кумиром автора «Деяний» является Юлиан⁹. Аммиан горячо и страстно возмущается тем, что Констанций приписывал себе победы, одержанные Юлианом, впрочем, как и другими полководцами (*Amm. Marc.* XVI. 12. 69–70). Но это было обычным правилом по отношению к тем, кто сражался под auspiciis императора¹⁰. Да и сам Аммиан Марцеллин, сообщая о выигранных Валентинианом I сражениях, только в конце упоминает, что реально это было сделано его полководцами (*Amm. Marc.* XXX. 7. 7–11).

Несколько предвзятое отношение автора к отдельным лицам, вероятно, привело к тому, что не только изображение отдельных событий в «Деяниях» могло быть весьма односторонним и даже искаженным, но и сложилось общее представление о том, что главной причиной атмосферы тотальной подозрительности, неопределенности и жестокости был характер Констанция, что, по-видимому, явилось истинным отражением собственного опыта историка¹¹.

Свидетельством того, что Аммиан – выдающийся историк и труд его в целом, действительно, достоверен и объективен, является то обстоятельство, что, несмотря на его враждебность к Констанцию, которого он, видимо, считал архетипичным тираном¹², в его собственном труде можно найти опровержения суждений об этом императоре. Давно доказано, что встречающиеся в сочинении Аммиана противоречия не были следствием механического соединения предшествующих источников¹³, а являются результатом борьбы искреннего стремления к объективности в описании событий и определенной пристрастности, от которой он был несвободен. Вряд ли можно согласиться с тем, что антихристианская составляющая усугубила субъективность некоторых частей текста «Деяний», как считают некоторые исследователи¹⁴, скорее сыграли свою роль личные мотивы.

Так, Аммиан Марцеллин неоднократно сообщает о дельных распоряжениях Констанция во время военных действий. Он свидетельствует: «И вот император, решив совершить действительно необходимое дело, выступил, как я сказал, в поход, прекрасно его подготовив» (*Amm. Marc.* XIX. 11. 4; XIV. 10. 12; 15; XVII. 13. 6). Историк пишет о заботе Констанция II о безопасности государства: «Хотя император имел сильнейшее желание подольше побыть в этом священнейшем месте, чтобы наслаждаться невозмутимым покоем и всеми радостями, его тревожили непрерывные и вполне достоверные вести о том, что свевы делают набеги на Рецию, квады на Валерию, сарматы, наиболее поднаторевшее в грабежах племя, разоряют Верхнюю Мезию и Вторую Паннонию. Встревоженный этими вестями, Констанций покинул город на тридцатый день по прибытии туда» (*Amm. Marc.* XVI. 10. 20; XV. 8. 1–6; XIX. 11. 17). Аммиан не забывает о его победах над пограничными народами: «И вот... император собрал значительные военные силы и... отправился в поход. Дойдя до удобного пункта, он приказал навести мост на судах на реке Истр... Переправившись, император начал разорять земли варваров. Быстрота нашествия застала их врасплох... Не смея даже отдохнуть, не то чтобы выступить против, они рассыпались, чтобы избежать неожиданной гибели, и бросились в бегство. Большинство, однако, было перебито» (*Amm. Marc.* XVII. 12; 13.11; 24; XIX. 11. 15; XX. 11. 32). Историк сообщает о вполне справедливых судебных разбирательствах: «Среди последующих событий... были и такие, которые нельзя не признать вполне благоприятными, когда кара постигала людей действительно виновных, или же падали пустые и ни на чем не основанные обвинения» (*Amm. Marc.* XV. 2. 9), без которых в тогдашней политической обстановке было не обойтись: «ни один разумный человек не станет порицать

того, что эти дела вызывали строгие розыски. Мы не сомневаемся в том, что жизнь законного государя, защитника и охранителя всех добрых граждан, от которого зависит благополучие других, обязаны отстаивать все соединенными силами. Для большей ее обеспеченности в делах, где защищается от оскорбления священная особа императора, Корнелиевы законы не допускают освобождения от сысков, хотя бы и кровавых, ни для кого» (*Amm. Marc.* XIX. 12. 17)¹⁵. Оказывается, что Констанций обладал не только пороками, но и добродетелями, в частности не допускал засилья военных в провинциях, хотя был чрезвычайно заботлив в деле содержания армии, проводил очень разумную кадровую политику (*Amm. Marc.* XXI. 16. 1–7; XVI. 10. 10–14), пользовался расположением народа (*Amm. Marc.* XXI. 11. 2). Он старался украсить города новыми постройками, библиотеками, церквями, портиками, фонтанами, обелисками, оборудовал удобный порт для Антиохии (*Amm. Marc.* XVI. 10. 17; XVIII. 9. 1; XXI. 16. 15; *Lib. Or.* XI. 263–264)¹⁶.

Таким образом, при внимательном и непредвзятом чтении «Деяний» оказывается, что Констанций II был не таким уж плохим правителем, а Аммиан Марцеллин – серьезным историком.

Принятые сокращения

ВВ – Византийский временник.

Amm. Marc. – *Ammiani Marcellini. Rerum gestarum libri qui supersunt* / Ed. W. Seyfarth. Vol. 1–2. Leipzig, 1978. Перевод по изд.: *Аммиан Марцеллин. Римская история* / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. СПб.: Алетейя, 1996.

Lib. – *Libanii. Opera* / Rec. R. Foerster. Bd. 1–4. Lips., 1903–1908.

Примечания

¹ *Teitler H.C.* Ammianus and Constantius. Image and Reality // *Cognitio Gestorum: The Historiographic Art of Ammianus Marcellinus* / Ed. by J. den Boeft, D. Den Hengst, H.C. Teitler. Amsterdam: Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences, 1992. P. 117.

² *Pauw D.A.* Ammianus Marcellinus and Ancient Historiography, Biography and Character Portrayal // *Acta Classica*. 1979. Vol. 22. P. 121–125.

³ *Tränkle H.* Ammianus Marcellinus als römischer Geschichtsschreiber // *Antike und Abendland*. Bd. 22. 1962. S. 22–23; *Demandt A.* Zeitkritik und Geschichtsbild im Werk Ammians. Bonn: Rudolf Habelt Verlag, 1965. S. 99.

- ⁴ *Pauw D.A.* Methods of Character Portrayal in the “Res Gestae” of Ammianus Marcellinus // *Acta Classica*. 1977. Vol. 20. P. 182; *Idem.* Ammianus Marcellinus and Ancient Historiography... P. 129.
- ⁵ *Rosen K.* Studien zur Darstellungskunst und Glaubwürdigkeit des Ammianus Marcellinus. Heidelberg: Inaugural-Dissertation, 1968. S. 5.
- ⁶ *Kelly G.* Constantius II, Julian, and the Example of Marcus Aurelius (Ammianus Marcellinus XXI, 16, 11–12) // *Latomus*. 2005. T. 64. F. 2. P. 410.
- ⁷ *Blockley R.C.* Constantius Gallus and Jullian as Caesars of Constantius II // *Latomus*. 1972. T. 31. Fasc. 2. P. 438.
- ⁸ *Gimazane J.* Étude sur le quatrieme siècle. Ammien Marcellin, sa vie et son oeuvre. Toulouse, 1889. P. 320; *Dautremere L.* Ammien Marcellin. L'étude d'histoire littéraire. Lille: Le Bigot Frères dans Travaux et Mémoires de l'Université de Lille, 1899. P. 115; *Thompson E.A.* The Historical Work of Ammianus Marcellinus. Cambridge: Cambridge Univ. press, 1947. P. 125; *Laistner M.L.* The Greater Roman Historians. Los Angeles: Univ. of California Press, 1947. P. 158–161; *Conduché D.* Ammien Marcellin et la mort de Julien // *Latomus*. 1965. T. 24. Fasc. 2. P. 379; *Удальцова З.В.* Мирозозрение Аммиана Марцеллина // *ВВ*. 1968. Т. 28. С. 39; *Syme R.* Ammianus and the Historia Augusta. Oxf.: Clarendon press, 1968. P. 94–96; *Momigliano A.* The Lonely Historian Ammianus Marcellinus // *Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa, Classe di Lettere e Filosofia*. Vol. 4. № 4. Pisa, 1974. P. 1405; *Jacob-Karau L.-U.* Warum Ammian-Forschung heute? // *Klio*. 1976. Vol. 58. S. 95–96; *Sabbah G.* La méthode d'Ammien Marcellin: Recherches sur la construction du discours historique dans les Res Gestae. P.: Les Belles Lettres, 1978. P. 255; 403; *Matthews J.F.* Ammianus Marcellinus // *Idem.* Political Life and Culture in Late Roman Society. L.: Variorum Reprints, 1985. P. 1118; *Teitler H.C.* Op. cit. P. 119.
- ⁹ *Thompson E.A.* Op. cit. P. 72; *Athanassiadi-Fowden P.* Julian and Hellenism: an Intellectual Biography. Oxf.: Clarendon press, 1981. P. 78; *Teitler H.C.* Op. cit. P. 119; *Kelly G.* Ammianus Marcellinus the Allusive Historian. Camb.: Cambridge Univ. press, 2008. P. 255; *Dmitriev S.* “Good Emperors” and Emperors of the Third Century // *Hermes*. 2004. Bd. 132. H. 2. P. 214.
- ¹⁰ *Blockley R.C.* Op. cit. P. 452.
- ¹¹ *Matthews J.F.* The Roman Empire of Ammianus. L.: Duckworth, 1989. P. 34.
- ¹² *Tougher S.* Ammianus Marcellinus on the Empress Eusebia: a Split Personality? // *Greece and Rome*. 2000. Vol. 47. № 1. P. 98, 100.
- ¹³ *Thompson E.A.* The Historical Method of Ammianus Marcellinus // *Hermathena*. 1942. № 59. P. 47.
- ¹⁴ *Morley N.* Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality by T.D. Barnes // *The Classical Review*. 2000. New Series. Vol. 50. № 1. P. 86; *Mellor R.* Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality by Timothy D. Barnes // *The Classical World*. 2000. Vol. 93. № 5. P. 551.
- ¹⁵ *Matthews J.F.* The Roman Empire of Ammianus... P. 34.
- ¹⁶ *Henck N.* Constantius ó Φιλοκρίστης // *Dumbarton Oaks Papers*. 2001. Vol. 55. P. 280–302.

Идея о верховенстве церковной власти над светской в проповедях английских миноритов XIII в.

В статье рассматривается идея о приоритете церковной власти над светской в представлениях английских миноритов XIII в. Одним из способов распространения и утверждения данной идеи были проповеди. Анализ «примеров» из сборника для проповедников «Liber exemplorum» позволяет выявить то, каким образом теоретические построения интеллектуалов об исключительном авторитете церкви декларировались среди широкой аудитории.

Ключевые слова: орден миноритов, проповедь, «Liber exemplorum», дихотомия «auctoritas» – «potestas».

На протяжении всего Средневековья проповедь занимала важное место в практике церкви. Однако XIII в. можно назвать веком возрождения проповеди во многом благодаря деятельности мендикантов. Проповеди миноритов, представителей одного из крупнейших нищенствующих орденов Западной Европы, пользовались большой популярностью. На них собирались люди самых разных социальных слоев.

В 1238 г. Роберт Гроссетест писал папе Григорию IX о том, что «братья минориты приносят людям неоценимые выгоды... Они [минориты] освещают всю нашу страну ярким светом их проповедей и учения... Если бы Ваше Святейшество могло видеть, с какой преданностью и смирением люди бегут, чтобы услышать от них слово жизни, исповедать свои грехи»¹.

Проповедническая деятельность становилась важнейшим инструментом как в расширении влияния ордена, так и в распространении

христианского вероучения, утверждении доктрины о верховенстве церковной власти над светской.

Представление об исключительном авторитете церкви формировалось по мере того, как светская власть стремилась к признанию своего сакрального характера, а потому нуждалась в поддержке апостольского престола. Это определенно подпитывало устремления церкви к безоговорочному примату по отношению к светской власти.

Существует целый комплекс исследований, посвященных развитию политической мысли в Средние века. Значительный вклад в изучение истории политических идей Средневековья внес Д. Каннинг², Дж. Коулман³, Э. Канторович⁴.

Отдельную группу составляют исследования по истории церкви и ордена миноритов, где также поднимается проблема доктринального оформления идеи об иерархии властей. Классические работы отечественной историографии представлены трудами С.А. Котляревского⁵, Л.П. Карсавина⁶, С.Г. Лозинского⁷, среди зарубежных исследований – А.Г. Литтла⁸, Дж. Мурмана⁹, Б. Роста¹⁰.

Однако в историографии при детальном рассмотрении истории формирования идеи о верховенстве церковной власти над светской, не уделяется достаточного внимания способам ее распространения, в частности, тому, как она декларировалась вне стен университета или папской канцелярии.

Таким образом, целью статьи является анализ идеи об исключительном авторитете церкви в проповедях английских миноритов XIII в. Такая постановка проблемы позволяет проследить, как в процессе проповеднической деятельности доктрина о приоритете церковной власти над светской была адаптирована для широкой аудитории.

Исключительный интерес как самый ранний сборник для проповедников, написанный монахом-миноритом, представляет «Liber exemplorum»¹¹. Имя автора «Liber exemplorum» неизвестно, но, возможно, оно было написано в утерянном прологе или колофоне. При этом принадлежность автора к ордену «братьев меньших» не вызывает сомнений. В сборнике существуют многочисленные упоминания о монахах-миноритах, которых автор называет «братья ордена нашего»¹².

Из материалов сборника мы также узнаем, что автор был студентом в Париже. Он сообщает: «Как ужасны споры и разногласия, они похожи на историю, рассказанную моим сокурсником в Париже братом Бонавентурой из Тосканы. Он поведал, что маг однажды призвал своего демона, чтобы спросить его, знает ли он что-нибудь о Мерли-

не, демон ответил: «Вашего Мерлина я хорошо знал, и в ближайшем будущем Британия будет биться под предводительством Эдуарда, как это было при Мерлине». Далее автор «*Liber exemplorum*» пишет, что это было за несколько лет до войны в Англии, в которой был убит благословенной памяти Симон де Монфор¹³.

Скорее всего, брат Бонаventura рассказал эту историю, когда уже началась Вторая баронская война. На основе этого можно сделать вывод о том, что в Париже автор «*Liber exemplorum*» был около 1264/1265 г.¹⁴ Данный эпизод дает сведения, позволяющие внести бóльшую ясность в вопрос о датировке «*Liber exemplorum*». Сборник был составлен не ранее времени пребывания автора в Париже.

Более точное время написания «*Liber exemplorum*» определил специалист по истории ордена миноритов А.Г. Литтл. Исследователь написание сборника проповедей датировал между 1275 г. и 1279 г.¹⁵ А.Г. Литтл сделал такой вывод на основании упоминания в «примерах» об Одо Ригальди и Томасе де Окуне. Автор «*Liber exemplorum*» пишет: «в то время Одо Ригальди был архиепископом Руана»¹⁶. Это позволило А.Г. Литтлу предположить, что Одо Ригальди, который занимал архиепископство с 1248 г. по 1275 г., был уже мертв, когда составлялся сборник. Ссылка на Томаса де Окуня, епископа монастыря в Клонмакнойсе (1252–1279 гг.), свидетельствует о том, что он был еще жив: «Брат Томас де Окун, брат ордена нашего... является епископом Клонмакнойса»¹⁷. Следовательно, «*Liber exemplorum*» была написана не ранее 1275 г. и не позднее 1279 г.

Сборник «*Liber exemplorum*» состоит из двух частей. В первой части говорится «О высших вещах», где в упорядоченном виде рассказывается о Христе, Пресвятой Деве, Ангелах. Вторая часть – «О низших вещах», в ней содержатся «примеры» из повседневной жизни. Все сюжеты расположены в алфавитном порядке. Манускрипт завершается буквой М. В сборнике присутствуют перекрестные ссылки на сентенции, которые могли проиллюстрировать описываемый эпизод, что для проповедника должно было облегчить его использование.

В «примерах» первой части сборника «О высших вещах» особое место занимают рассказы о заступничестве Пресвятой Богородицы. Богоматерь в представлениях средневекового человека обладала силой умолять о милосердии своего Сына в его суровой справедливости. Заступничество Святой Девы распространялось даже на преступников и грешников, чьи деяния и грехи считались непростительными.

Автор рассказывает историю вора, который был искренним почитателем Девы Марии и имел обыкновение молиться ей наиболее набожно когда воровал. Будучи пойманным в акте кражи, он был приговорен к смертной казни через повешение. Но Богородица явилась вору и, подняв ему ноги, спасла осужденного от смерти. После этого вор принял монашеское одеяние¹⁸.

Этот «пример» является иллюстрацией того, что Пресвятая Дева выступала в роли защитницы одновременно перед судом небесным и земным. Разграничение природы правосудия на небесное, абсолютное, и земное, несовершенное, которое воплощается в законах человеческих, вполне соответствовало латинской традиции, нашедшей отражение в христианских доктринах¹⁹.

Посредником же между небесным и земным правосудием выступала церковь. На утверждение этого положения огромное влияние оказал IV Латеранский собор, который обязывал каждого верующего принимать причастие и давать исповедь не реже одного раза в год. В «примерах» сборника неоднократно говорится о печальных последствиях нарушения этого распоряжения.

В «*Liber exemplorum*» описана история, произошедшая вблизи Дублина с бейлифом по имени Турви, который давно не исповедовался. Однажды, идя по безлюдной дороге, Турви увидел, как к нему приближается ужасный зверь. Зная, что это был дьявол, он сделал своим топором круг вокруг себя и тотчас поспешил исповедать свои грехи Богу. Вокруг него стала возвышаться стена, которая росла с каждым произнесенным грехом. На эту стену дьявол тщетно кинулся, но мог лишь устроить бедного грешника, показывая свое лицо сверху. Рассказав эту историю, автор добавляет: «Итак, ты видишь, христианин, какая сила (*virtus*) против дьявола является во время исповеди, сделанной священнику в соответствии с установлениями церкви, если даже исповедь, сделанная Богу в открытом поле, обладала таким весом»²⁰.

В комментарии к данному «примеру» автор обращает внимание аудитории на особую роль служителя церкви. Совершение покаяния при свидетеле, священнике, иными словами, через посредничество церкви предпочтительнее, чем непосредственное обращение к Богу.

Примечательна также терминология, обозначающая власть и силу. В сборнике «примеров» для обозначения власти дьявола, демонов, магов используется понятие «*potestas*», что означает силу, возможность совершать какое-либо действие, то есть власть исполнения²¹. Для обозначения Божественной силы²², силы креста²³, крещения²⁴, вместе с тем и для церковной власти²⁵, применяется понятие «*virtus*», обозначающее добродетельную силу.

Важно отметить, что автор «*Liber exemplorum*» не использует понятие «*auctoritas*», означающее авторитет, социально признанную власть, и «*potestas*», власть исполнения, ни для светских, ни для духовных институтов. Таким образом, в текстах «примеров» отсутствует устоявшаяся дихотомия «*auctoritas*» – «*potestas*», которая определяла институциональные отношения между церковью и мирянами. Это деление впервые было использовано Геласием в конце V в. Наиболее четкое оформление оно получило в IX–XII вв. и продолжало использоваться до конца Средневековья для обозначения права обладателя «*auctoritas*» в лице церкви легитимировать действия светских правителей, обладающих «*potestas*».

Вместо этого мы видим трансформацию известной формулы «*auctoritas*» – «*potestas*» в «*virtus*» – «*potestas*», где низшей властью наделены силы зла. Такое изменение показывает, как плод ученых споров об иерархии между церковной и светской властью был адаптирован под проповедническую деятельность. Первоочередной задачей проповедника было усилить представление о практической и духовной значимости церкви для прихожан, вместо обоснования верховенства апостольского престола над светской властью. В связи с этим в «примерах» церковная власть выступает в образе защитницы грешников от сил зла, что было показано в пассаже про бейлифа Турви и превентивной силе исповеди, произнесенной священнику.

Очевидно, что такое разграничение власти на «*virtus*» и «*potestas*» отражает представление о том, что священник и церковь выступают в роли проводника на пути к добродетели (*virtus*) и нравственному совершенствованию.

Среди «примеров» сборника в большом количестве присутствуют назидательные рассказы о силе слова священника, укрепляющего веру человека и ограждающего его от греха.

Автор «*Liber exemplorum*» приводит эпизод из книги «Повесть о Варлааме пустыльнике и Иоасафе царевиче индийском». Он описывает сюжет о том, как сын индийского царя Авенира – Иоасаф, получив наставления в христианской вере от пустытника Варлаама, решил принять христианство. После этого индийский царь Авенир, чтобы отвратить сына от христианства, обратился к магу Февде. Маг наслал на юношу демонов, искушавших его. Однако Иоасаф успешно противостоял проiscaм Февды и в конце концов принял христианство.

В данном «примере» на первый план выведена фигура наставника в христианской вере в лице пустытника Варлаама. Служитель

церкви обладает бóльшим иммунитетом к силам зла, чем светский правитель, находящийся в уязвимом положении.

В не менее выраженном виде противопоставление светской и церковной власти можно найти в «примерах» о Карле Великом и его воинах, искушаемых демонами²⁶, короле Нортумбрии Освальде и его смерти от рук язычника Пенды²⁷, конфликте между Генрихом II и Томасом Бекетом²⁸.

При этом автор не изображает светских правителей в негативном свете. Он лишь отмечает их слабость в противостоянии порокам и соблазнам. Даже при описании конфликта Генриха II с Томасом Бекетом поведение короля Англии автор объясняет тем, что Генрих II находился под влиянием злых сил.

Итак, на основе анализа «примеров» из сборника «Liber Exemplorum» можно сделать следующие выводы.

Церковь в XIII в. обращалась к гораздо более широкому социальным слоям и более разнообразными способами, чем когда-либо раньше, стремясь увеличить свое влияние над христианским миром. Одним из способов реализации этой задачи была популярная проповедь братьев-миноритов.

Проповедь миноритов адаптирует ученый дискурс церковной доктрины об иерархии властей под широкую аудиторию, заменяя известную в кругах интеллектуалов формулу «auctoritas» – «potestas» на «virtus» – «potestas». При этом использование определенных понятий для обозначения власти не было сугубо контекстуальной моделью. Их смысловая нагрузка позволяла проповеднику подчеркнуть идею о том, что в отличие от светской власти церковь неотделима от добродетели.

Подбор «примеров» для проповедей также имел существенное значение для обоснования идеи об исключительном авторитете церкви. В центре повествования преимущественно находится светский мир. При этом в тексты «примеров» через назидательные комментарии автора встроены доктринальные положения о значении церковных таинств и слове священника, проповеди.

Сюжеты для проповедей автор черпал из повседневной жизни, политических событий прошлого и настоящего. Однако, несмотря на то что на протяжении XIII в. не угасала критика нищенствующего образа жизни миноритов, обрушившаяся на них со стороны белого духовенства, а внутри ордена разгорелись споры относительно соблюдения заветов св. Франциска, в «Liber Exemplorum» эти события совершенно не упоминаются.

В сборнике проповедей нет каких-либо намеков на идеалы бедности, ссылок на легенды о св. Франциске, отсутствует антагонизм

по отношению к другим орденам или белому духовенству. Это, вероятно, связано с тем, что труд был предназначен для использования всех проповедников. Кроме того, отсутствие «примеров» о разногласиях среди духовенства и, напротив, изображение светской власти, представители которой постоянно враждовали между собой, укрепляло представление о церкви как едином и сильном институте.

Примечания

- ¹ Roberti Grosseteste Episcopi quondam Lincolniensis Epistolæ / Ed. by H.R. Luard. L.: Longman, Green, Longman and Roberts, 1861. P. 179–181.
- ² *Canning J.* A History of Medieval Political Thought (300–1450). L.: Routledge, 1996.
- ³ *Coleman J.* A History of Political Thought. 2 vols. L.: Blackwell, 2000.
- ⁴ *Канторович Э.* Два тела короля: Исследование по средневековой политической теологии / Пер. с англ. М.А. Бойцова, А.Ю. Серegiной. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.
- ⁵ *Котляревский С.А.* Францисканский орден и римская курия в XIII и XIV вв. М: Товарищество скоропеч. А.А. Левенсон, 1901.
- ⁶ *Карсавин Л.П.* Монашество в средние века. М.: Высшая школа, 1992.
- ⁷ *Лозинский С.Г.* История папства. М.: Политиздат, 1986.
- ⁸ *Little A.G.* The Grey Friars in Oxford, Oxford: Oxford Historical Society, 1892; *Idem.* Studies in English Franciscan History. Manchester: Manchester Univ. Press, 1917; *Idem.* Franciscan papers, lists and documents. Manchester: Manchester Univ. Press, 1943.
- ⁹ *Moorman J.R.H.* The Foreign Element among the English Franciscans // English History Review. 1947. P. 289–303; *Idem.* The Grey Friars in Cambridge. 1225–1538. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1952; *Idem.* A History of the Franciscan Order. Oxford: Clarendon, 1968.
- ¹⁰ *Roest B.* A History of Franciscan Education: C. 1220–1517. Leiden: Brill, 2000; *Idem.* Franciscan Literature of Religious Instruction before the Council of Trent. Leiden: Brill, 2004.
- ¹¹ Liber exemplorum ad usum praedicatorum saeculo XIII compositus a quodam fratre minore anglico de provincia Hiberniae / Ed. A.G. Little. Aberdoniae, 1908.
- ¹² Ibid. P. 85.
- ¹³ Ibid. P. 59–50.
- ¹⁴ Подробнее об авторе сборника проповедей см.: Liber exemplorum P. 7–9.
- ¹⁵ Ibid. P. 8–9.
- ¹⁶ Ibid. P. 41–42.

¹⁷ Ibid. P. 85.

¹⁸ Ibid. P. 24–25.

¹⁹ *Канторович Э.* Два тела короля: Исследование по средневековой политической теологии. М.: Эксмо, 2005. С. 130–131.

²⁰ *Liber exemplorum ...* P. 52–53.

²¹ Ibid. P. 15, 51, 111.

²² Ibid. P. 16, 39, 52.

²³ Ibid. P. 14–15.

²⁴ Ibid. P. 45.

²⁵ Ibid. P. 97.

²⁶ Ibid. P. 36, 83.

²⁷ Ibid. P. 71.

²⁸ Ibid. P. 48, 83, 105.

Сосуществование евреев и христиан в Чешском королевстве в XIII–XIV вв.

Данная статья посвящена аспектам совместного мирного проживания евреев и христиан на территории Богемии и Моравии в Средние века. В отличие от других европейских территорий на Чешское королевство не распространились в полной мере практики кровавых наветов и погромов. Целью статьи является описание и анализ причин нетрадиционного для Средневековья достаточно мирного сосуществования этих двух групп населения.

Ключевые слова: Средневековье, иудаика, Богемия, Моравия, погромы, кровавый навет, интеграция.

Чешское королевство во многом не похоже на другие королевства Европы. Отличия заключаются не только в особенностях местной культуры, сочетании отсталости в развитии с невероятным богатством. Отдельного упоминания заслуживают иудео-христианские отношения в средневековой Чехии, которые по сравнению с иудео-христианским диалогом во Франции или Англии представляются исключительно мирными.

Английская еврейская история является отдельным предметом изучения в иудаике, так как на территории Норвича родилась практика кровавого навета – обвинения евреев в ритуальном убийстве христиан; первый подобный случай датируется 1144 г. в рамках расследования убийства подмастерья кожевника, мальчика Уильяма¹. Судебный процесс над норвичскими евреями проходил поспешно, и даже король Стефан решил не вступать в конфликт с церковным судом Норвича².

Обвинения французских евреев в ритуальных убийствах появились после норвичского суда. Несколько схоластов, изучавших дело Уильяма Норвичского, зафиксировали в своих хрониках слухи, что еврейская община в Нанте через подобные жертвоприношения собирается приобрести силу, с помощью которой евреи завоюют Израиль³. Первый французский кровавый навет датируется 1171 г. – в Блуа еврей был обвинен христианином в том, что тот выбросил ребенка в колодезь⁴.

Дальнейшая история кровавых наветов обширна и охватывает всю Европу. Во Франции, Испании, Италии и Германии они стали частым явлением, за которыми всегда следовали погромы и казни. Кровавые наветы обросли собственными легендами – например о еврейской мужской менструации⁵ и об оскверненных просфорах⁶. Однако как бы распространены они ни были, на территории Чешского королевства кровавые наветы и подобные преследования евреев не приобрели такого массового характера.

Здесь следует отметить, что в Богемии и Моравии случались погромы, но их было меньше, чем в Германии или Франции, и носили они иной характер. Например, первый погром на территории Чешского королевства – Пражский погром 1096 г. – устроили крестоносцы, проходившие через чешские земли. Архиепископ Козьма Пражский, как и большая часть чешского клира, негативно оценили действия крестоносцев в отношении евреев и призывали прекратить насилие⁷.

Это лишь один из примеров более благоприятного отношения к евреям со стороны властей (церковных и светских) в Чешском королевстве. В 1200-е годы в Иглаве еврейская община практически стала равноправной частью общества, получив права и обязанности рядовых горожан⁸.

XIII век в Богемии и Моравии был периодом относительного благополучия для евреев. Ключевой фигурой для иудео-христианских отношений стал Пржемысл Отакар II, правивший с 1233 по 1278 гг. Его предшественник увеличил подушную подать, взимаемую с еврейских общин, что повысило заинтересованность короны в их благосостоянии. Согласно недатированному обращению Пржемысла Отакара II в канцелярию Папы Римского, он воспринимал евреев не только как прямых подданных чешской короны, но и как важнейший гарант королевской казны⁹. Кульминацией королевской благосклонности к евреям стала жалованная грамота евреям, подписанная Пржемыслом Отакаром II 29 марта 1254 г. Она была создана по образцу грамоты Фридриха II Австрийского и расширила права и привилегии еврейства, адаптировав австрийский

аналог к новым условиям. Например, убийство еврея приравнивалось к убийству христианина, похищение еврейских детей становилось преступлением, как и осквернение еврейских кладбищ и синагог. Другим немаловажным положением стал запрет обвинения евреев в употреблении христианской крови в ритуальных целях¹⁰.

Вскоре после дарования чешским евреям вышеперечисленных привилегий, Отакар II поддержал распространение среди церковного клира буллы папы Иннокентия IV¹¹. Эта булла утверждала, что христиане не имеют права насильственно крестить евреев, грабить их, наносить какой-либо урон как отдельным лицам, так и всей общине. Булла Иннокентия IV объявляла неправомерность обвинений в ритуальных убийствах, а также приравнивала к преступлениям разрушение еврейских кладбищ и эксгумацию еврейских останков.

Любопытна для изучения иудео-христианских отношений хартия Пржемысла Отакара II от 1264 г., которая накладывала запрет на прием залога после наступления темноты, а также на покупку лошадей и коров. Преамбула хартии утверждает, что эти меры вводятся для обеспечения безопасности самих евреев после учащения случаев обвинения евреев в краже скота и на незаконность сделок, заключенных после захода солнца. Другим пунктом этой хартии стало обязательство евреев оплачивать четверть стоимости обслуживания городских укреплений¹².

Специалисты по иудаике начала XX в. полагали, что причиной включения подобного положения в хартию было стремление Пржемысла Отакара II снизить нарастающую враждебность горожан к еврейским общинам. По всей Европе того периода прокатывалась волна изгнания евреев из городов, не только из религиозной ненависти, но и из-за общего недовольства – евреи проживали на территории городов, но не вносили средств в обслуживание городских служб. Горожане считали, что им приходится платить за комфорт евреев, никак не способствовавших процветанию местного сообщества. В период между 1264 и 1275 гг. Отакар II полностью освободил евреев от всех налогов сроком на один год для привлечения изгнанных евреев с территории Германии¹³.

В этот период происходили странные события в Оломоуце, где в 1267 г. епископ города, Бруно, отказался посещать Вьеннский собор, где планировалось принять целый ряд антиеврейских постановлений. Но уже в 1273 г. он написал жалобу Иннокентию IV о нарушениях евреями установленных норм иудео-христианских отношений; Бруно фактически попросил разрешения Папы Римского на изгнание евреев из Оломоуца, однако получил отказ и призыв

в случае обнаружения подобных неповиновений сообщать о них королю Богемии и Моравии¹⁴.

Другим свидетельством благосклонности Пржемысла Отакара II к еврейскому населению его земель стало строительство здания Староновой синагоги и выделение участка земли под еврейское кладбище. Его строили королевские каменщики, выстроившие здания конвента Св. Агаты, которым управляла сестра короля. Тогда это здание называлось Новой синагогой, а сейчас – Староновой¹⁵.

Примечательной в Староновой синагоге является сама архитектура здания. Она построена по адаптированным чертежам, по которым строились христианские храмы – с апсидами и нефами, с колоннами и вытянутыми вверх окнами. При этом христианская составляющая архитектуры пронизана отсылками к еврейской принадлежности здания – в каждом декоративном элементе повторяется мотив двенадцати виноградных лоз, на каждой из которых висит по двенадцать гроздей из двенадцати виноградин каждая.

Староновая синагога была завершена в 1270 г. и с тех пор стала образцом чешского синагогального строительства. Приемы, придуманные строителями Пржемысла Отакара II (например, направление основного потока света на биму – возвышение, с которого читается Тора по субботам, и на арон кодеш – хранилище свитков Торы и ритуальных предметов общины) повторялись затем во всех известнейших синагогах Праги – Майзельской, Испанской и Иерусалимской синагогах¹⁶.

Протекционистскую политику проводил и сын Отакара II, Вацлав II. В 1283 г., сразу после вступления на престол, Вацлав II издал грамоту, подтверждающую все положения грамоты 1254 г. В 1290-х гг. по немецким землям прокатилась очередная волна кровавых наветов и изгнаний евреев из городов, а Риндфлейшские рыцари преследовали бежавших евреев до самых границ Чешского королевства. Согласно еврейским хроникам, чешские еврейские общины тогда выплатили королю большую сумму денег в качестве взноса за покровительство, и ни один рыцарь Риндфлейша не попал в чешские земли¹⁷.

Вацлав II погиб в 1305 г. вскоре после победоносной обороны Буды, а правление его наследника, Вацлава III, продлилось чуть больше года¹⁸. Несмотря на то что последний унаследовал невероятно мощное и богатое королевство, молодой монарх не совладал со всеми обратившимися против него силами¹⁹.

Примечательно, насколько положительные явления в жизни чешского еврейства были связаны с династией Пржемысловичей. Воцарившийся после Вацлава III Генрих Хорутанский все три года

своего правления провел в противостоянии с Рудольфом I Габсбургом и представителями усилившегося чешского дворянства. Иоганн Люксембургский, ставший королем Чехии благодаря женитьбе на Элишке Пржемысловне, не интересовался делами Богемии²⁰.

Именно в период правления Иоганна Люксембургского в Чехии случился единственный случай классического кровавого навета. В 1336 г. некий Ян²¹, «князь на земле», приговорил нескольких евреев к смерти через сожжение по обвинению в употреблении христианской крови в пищу. После этого он якобы напал на синагогу, в которой обнаружил огромное количество денег. Согласно распространенному среди специалистов по иудаике XIX–XX вв. мнению, этим Яном являлся сам Иоганн Люксембургский²², разорвавший синагоги в поисках ценных предметов для наполнения опустевшей королевской казны.

Вступление Карла IV на королевский престол изменило положение Праги в Европе, да и всего Чешского королевства в целом. Авторитет молодого монарха и популярность его политики привели к тому, что Прага стала центром политической и умственной жизни Германии.

В 1346 г. Карл IV издал Золотую Буллу – документ, определивший конституционную структуру Священной Римской империи на протяжении четырех столетий вплоть до 1806 г. Особенно выделяются Главы 8 и 11 Золотой Буллы – «Об иммунитете короля Богемии и его подданных» и «Об иммунитете короля Богемии и обитателей его королевства».

Обе эти главы устанавливают, что никто из Чешского королевства и всех принадлежащих ему земель, вне зависимости от ранга, положения, звания или состояния, не может быть вызван на суд или трибунал никуда и никем, кроме как в суды короля Богемии или в суды его королевской курии. Подданный короля Богемии, вызванный в любой другой суд в качестве обвиняемого или свидетеля, может игнорировать этот вызов. Подданный короля Богемии также не может преследоваться любыми другими судами, а также не может быть принужден к уплате начисленных штрафов или исполнению любого приговора.

Стоит отметить, что, так как евреи Праги были прямыми подданными короля, Золотая Булла стала дополнительной защитой для чешского еврейства, и для пражской общины в особенности. Когда в 1347 г. архиепископ Пражский Арнест обвинил евреев в огромном количестве преступлений, Карл IV запретил Арнесту распространять призывы к расправе над евреями. Он ссылался на принятую годом ранее Золотую Буллу, по которой все евреи явля-

лись слугами казны, над которыми Карл IV имел право вершить суд²³. Архиепископ был вынужден капитулировать.

В 1356 г. Карл IV подтвердил привилегии евреям и общинам Отакара II, а уже к 1361 г. он способствовал устранению невозвратных долгов еврейских ростовщиков – закладные альтштадских должников были изучены лично Карлом и его советниками, после чего все долги были выплачены.

Здесь необходимо отметить, что Карл IV был прагматичным правителем, в первую очередь действовавшим в интересах государства и самого себя. Так как евреи рассматривались как слуги казны, нередко к ним относились как к части казны. Карл IV часто от имени еврейских ростовщиков прощал долги своих союзников и любимцев, а после вспышки чумы 1348–1349 гг. имущество умерших от болезней евреев было разделено между казной и ближайшими друзьями Карла IV²⁴.

Для оценки роли Праги в период правления Карла IV нельзя обойти вниманием Карлов университет, основанный в 1348 г. и быстро набравший популярность среди схоластов после его уравнивания в правах со всеми остальными европейскими университетами. В 1366 г. Карл IV лично руководил передачей дома некоего еврея Лазаря, располагавшегося неподалеку от церкви Св. Николая, в пользу Карлова университета с полагавшейся за это компенсацией²⁵.

В 1378 г., вскоре после признания единственным наследником своего сына Вацлава, Карл IV Люксембург скончался. Вацлаву IV в наследство досталось сильное и процветающее государство, в котором тем не менее уже были заложены основы будущего разлада. Церковь продолжала бороться за право прямого распоряжения церковной десятиной и за признание привилегий церкви в решении определенных вопросов. Усиливавшаяся аристократия также вступила в борьбу за лидерство в светской жизни государства.

Вацлаву IV обвиняли во многих недостатках и называли бледной тенью его отца. Его обвиняли в нетрезвости и в недостатке дисциплинированности, его описывали излишне добродушным и вспыльчивым. Он увлекался охотой, покровительствовал искусствам, не любил замки и предпочитал жить в городских домах. Современниками Вацлава IV негативно воспринимались его привычка советоваться с людьми низкого происхождения и присутствие среди его придворных таких людей, как еврейский поэт и мыслитель Авигдор Кара²⁶.

В 1389 г. произошла крупнейшая трагедия пражского еврейства в средневековый период, но и она не являлась результатом

кровавого навета. В Великую Субботу некие еврейские дети бросили камень в сторону священника, совершавшего ход с просфорами²⁷. В ответ на это чешский церковный клир во главе с Йесеком Ктырханным призвал наказать евреев за столь дерзкий поступок. 18 апреля 1389 г. разъяренный народ напал на пражское гетто. 3 тыс. евреев были убиты и местная община была уничтожена почти полностью²⁸. Авидгор Кара пережил этот погром и написал, что не было страшнейшей трагедии для евреев в Богемии. В память о событиях этого года он написал элегию, до сих пор читающуюся на День Искупления²⁹.

Отношения между евреями и христианами продолжили ухудшаться. В 1391 г. произошел еще один погром из-за обвинения евреев в отравлении колодцев. Тогда пострадал авторитет среди раввинов, Липман из Мюльхаузена, более известный как Йомтов Липман бен Соломон³⁰.

Резко ухудшающееся положение еврейских общин в Чехии нанесло сильный удар по королевской казне и по некоторым ремеслам, в которых доминировали евреи. В отчаянной попытке спасти чешское еврейство, в 1393 г. Вацлав IV подтвердил привилегии, данные евреям его предком, Пржемыслом Отакаром II. Этим жестом он пытался провозгласить преемственность своей еврейской политики, однако этот жест оказался недостаточным для восстановления пражской еврейской общины.

Примечания

- ¹ См.: *Rose E.M. The Murder of William of Norwich: The Origins of the Blood Libel in Medieval Europe.* Oxford: Oxford Univ. Press, 2015.
- ² Король Стефан Блуанский (1092–1154) был известен поддержкой политики своего деда, Вильгельма Завоевателя, в отношении евреев. См.: История Европы: с древнейших времен до наших дней: В 8 т. / Отв. ред. М.А. Барг. М.: Наука, 1988–2000. Т. 4–5.
- ³ Подобные слухи записаны Фомой Монмутским и Гервасием Кентерберийским. См.: *Thomas of Monmouth. The Life and Miracles of St. William of Norwich.* 1173 [Электронный ресурс] // Internet Medieval Source Book. URL: <http://sourcebooks.fordham.edu/halsall/source/1173williamnorwich.asp> (дата обращения: 25.05.2017).
- ⁴ Тело убитого ребенка не было найдено, однако вина в ритуальном убийстве была все равно возложена на еврейскую общину. См.: *Mindel N. Martyrs of Blois* [Электронный ресурс] // Website of the Chabad-Lubavitch Hasidic movement. URL:

http://www.chabad.org/library/article_cdo/aid/112387/jewish/The-Martyrs-of-Blois.htm (дата обращения: 03.06.2017).

- ⁵ Данная легенда берет свое начало в расследовании убийства ребенка в Трнавe (Словакия). См.: *Хвольсон Д.А.* О некоторых средневековых обвинениях против евреев: Историческое исследование по источникам. М.: Текст, 2010. С. 196.
- ⁶ Осквернение просфоры – одно из распространенных обвинений. Обычно оно включало обвинение евреев в краже просфор из церкви, после чего они якобы пронесли их своими кинжалами, в результате чего просфоры начинали кровоточить.
- ⁷ *Козьма Пражский.* Чешская Хроника. III. 4 / Пер. и коммент. Г.Э. Санчука; отв. ред. Л.В. Разумовская, В.С. Соколов. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 175.
- ⁸ По результатам голосования иглавского сейма еврейской общине была дана возможность платить налоги в городскую казну в обмен на право занятия общественных должностей. См.: *Gottheil R., Grunwald M., Kurrein A.* Bohemia [Электронный ресурс] // Jewish Encyclopedia. URL: <http://www.jewishencyclopedia.com/articles/3472-bohemia> (дата обращения: 23.01.2011).
- ⁹ Пржемысл Отакар называет немецких евреев «сокровищем, которое немцы выкинули, не зная, от чего отказываются». См.: *Gottheil R., Grunwald M., Kurrein A.* Op. cit.
- ¹⁰ *Haas A.* Codex iuris municipalis regni Bohemiae. Praha: Nakladatelstvi ceskoslovenske akademie ved, 1960. Vol. 5. P. 77.
- ¹¹ *Jirecek H.* Codex Juris Bohemici. Pragaе: Typographia I.L. Kober, 1867. Vol. 1. P. 131–143.
- ¹² Аналогичное постановление Рудольфа I Габсбурга обязывало евреев Оломоуца оплачивать часть расходов города с 1278 г.; однако в Оломоуце евреи не получали права на участие в городском самоуправлении или права на несение службы в городе. См.: *Boczek A.* Codex Diplomaticus et epistolaris Moraviae. Olomoucii: Typographia Aloysii Skarnitzl, 1845. Vol. 4. P. 218–276.
- ¹³ Этот же документ озвучивает следующую мысль Отакара II: «...мы вскоре должны получить от них выгоду, поскольку евреи являются... нашей казной». См.: *Boczek A.* Op. cit. Vol. 14. P. 17–22.
- ¹⁴ *Pertz G.H.* Scriptorum, Leges und Diplomata. Berlin, 1829. Vol. 3. P. 426.
- ¹⁵ Подробнее о Староновой синагоге см.: *Benešovská K., Durdík T., Chotěbor P.* Architektura gotická. Praha, Správa pražského hradu, 2011.
- ¹⁶ *Meek H.A.* The Synagogue. Berlin, Phaidon Press Ltd, 1995. P. 95.
- ¹⁷ *Gottheil R., Grunwald M., Kurrein A.* Op. cit.
- ¹⁸ Вацлав III был убит неизвестным убийцей в 1306 г. при загадочных обстоятельствах. См.: *Zemlicka J.* Premyslovici: Jak zili, vladili, umirali. Praha: Nakladatelstvi Lidove noviny, 2005. P. 234–238.
- ¹⁹ Во время правления Вацлава II были обнаружены залежи серебра на Кутной Горе. Чехия стала крупнейшим экспортером и основным поставщиком серебра на территории Европы. См.: *Лантвева Л.П.* История Чехии периода феодализма (V – середина XVII в.). М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 51–57.

- ²⁰ Иоганн Люксембургский практически не посещал Чешского королевства во время своего правления, спровоцировав недовольство со стороны чешского дворянства. Как только его сын Вацлав (впоследствии – Карл IV Люксембургский) достиг 15-летнего возраста, Иоганн поручил ему управление Чешским королевством.
- ²¹ См.: *Deutsch G., Ochser S.* Prague [Электронный ресурс] // Jewish Encyclopedia. URL: <http://www.jewishencyclopedia.com/articles/12329-prague#anchor11> (дата обращения: 03.06.2017).
- ²² *Grun N.* Sage und Geschichte aus der Vergangenheit der Israelitischen Gemeinde in Prag. Prague: Afike Jehuda, 1888. P. 17.
- ²³ *Wertheimer J., von.* Die Juden in Osterreich. Leipzig: Weigand, 1842. P. 173.
- ²⁴ Ibid. P. 176.
- ²⁵ Архив Карлова Университета в Праге. Хартия №1/17. Л. 2.
- ²⁶ Авигдор Кара – известный еврейский мистик, каббалист и поэт, упоминается как один из первых сторонников идей Джона Уиклифа на территории Чешского королевства, из-за чего его иногда причисляют к предвестникам гусизма.
- ²⁷ *Salfeld S.* Das Martyriologium der Nurnberger Memorbuches. Berlin, 1898. P. 306.
- ²⁸ Кара описывает в элегии, что стены Староновой синагоги окрасились в красный цвет из-за рек крови евреев.
- ²⁹ См.: *Zunz L.* Literaturgeschichte der synagogalen Poesie. Hildesheim: G. Olms, 1966.
- ³⁰ *Salfeld S.* Op. cit. P. 322.

Договор в Труа глазами авторов французской пропагандистской литературы первой половины XV в.

Цель статьи – на примере антианглийских трактатов и памфлетов первой половины XV в. показать, как воспринимали договор в Труа (1420 г.) современники событий, и как стремление оспорить династические требования короля Англии способствовало развитию идеи публично-правовой основы королевской власти.

Ключевые слова: Столетняя война, договор в Труа, антианглийская пропаганда, королевская власть.

Одной из тем, широко обсуждаемой российскими и зарубежными исследователями в контексте истории западноевропейских государств первой половины XV в., является тема договора в Труа, который был подписан 21 мая 1420 г. между королями Англии и Франции, Генрихом V и Карлом VI, и который подготовил создание объединенного англо-французского королевства под эгидой династии Ланкастеров в лице Генриха V и его детей от брака с французской принцессой Екатериной, дочерью Карла VI¹.

Возникшая вследствие договора в Труа «двуединая монархия» оказалась непрочным эфемерным образованием, что определила целая совокупность объективных и субъективных факторов. В англоязычной историографии высказывалось мнение об ограниченности финансовых ресурсов Англии², французские и российские авторы предлагали искать причины краха «союза двух корон» в уровне развития государственности и степени зрелости национально-патриотического сознания в Англии и Франции³.

В связи с тем что данный сюжет вызывает чрезвычайно оживленную дискуссию в историографии, было бы интересно проследить,

как относились к договору в Труа его современники. Наиболее полно этот вопрос отражен во французской пропагандистской литературе первой половины XV в., а именно в сочинениях, которые примыкают к разряду «военной пропаганды». Эти произведения были созданы в условиях и по поводу франко-английского противостояния. Они отличаются заметным полемическим характером и яркой антианглийской направленностью. Общей их целью является демонстрация незаконности английских претензий на корону Франции и территории королевства, а также утверждение представления о «правильности» и «справедливости» французского народа и его действий.

Из данной группы сочинений нами использовались четыре анонимных трактата – «Споры и соглашения»⁴, «По прошествии двух лет»⁵, «Ответ доброго и истинного француза народу Франции всех сословий»⁶ и «Истина все побеждает»⁷; произведения Жана Жувенала дез Юрсена «Внемлите, небеса»⁸ и «Краткий трактат о войне Франции против англичан»⁹; сочинения Жана де Монтрейя «Ко всему рыцарству»¹⁰ и «Трактат против англичан»¹¹, а также «Обвинительный диалог» Алена Шартье¹², который не относится к собственно военной пропаганде, но вся суть которого также подчинена идее спасения Франции.

Все эти авторы так или иначе касаются темы договора в Труа. Более того, через доказательство его недействительности полемисты выходят на вопросы, связанные с пониманием «королевского достоинства», нетождественности личности конкретного монарха, восприятием королевской власти как общественного служения, идеей неотчуждаемости домена и короны, детализацией прав и обязанностей, которые она налагает на монарха. При этом необходимо учитывать специфику такого вида литературы, как антианглийская пропаганда. Вне зависимости от степени ее реального распространения и влияния, она, несомненно, создавала определенную атмосферу в обществе. И с этой точки зрения ее вполне можно считать одним из факторов эфемерности идеи «двойной монархии».

Приступая к анализу договора в Труа, свою цель полемисты видят в том, чтобы, по словам дез Юрсена, выявить «подлинную» сущность предлагаемого королем Англии мира¹³ и продемонстрировать его «несправедливость» и «незаконность», поскольку от лица французской стороны он был подписан «по принуждению» (Карла VI насильно удерживали в Труа), к тому же душевнобольным королем, который страдал расстройством рассудка и был объективно неспособен ориентироваться в таких сложных вопросах, как порядок престолонаследия во Франции и передача прав на

французскую корону. Указание на физическое состояние короля Франции и его положение пленника у англичан присутствует в качестве неотъемлемого элемента во всех произведениях, касающихся этого соглашения, приобретая по сути характер штампа¹⁴.

Обоснованием недействительности договора в Труа, с точки зрения полемистов, служит также отсутствие у Генриха V прав на Французское королевство. Авторы пишут о «несправедливой узурпации» и «тираническом могуществе» Генриха, имея в виду, что передача короны и королевства Франция англичанам, согласно условиям этого мира, осуществляется через тиранию, поскольку в договоре нет никакого упоминания ни о 12 пэрах, ни о Парижском парламенте, ни о Генеральных штатах, тогда как «то, что касается всех, должно быть одобрено всеми»¹⁵.

Единственным законным наследником короля Франции и истинным суверенным сеньором всех его подданных, по единодушному мнению полемистов, является дофин Карл¹⁶. Отстаивая его права на французский престол, авторы прибегают к доводам самого различного характера. Прежде всего, они обращаются к божественному закону. Так, создатель “Réponse d’un bon et loyal François”, отказывая Генриху V в возможности быть регентом королевства, пишет: «Поскольку король (Карл VI. – В. Б.) ...публично мертв и совершенно не подходит для того, чтобы править, единственный сын в подходящем возрасте, мудрый и доблестный, должен, согласно божественному и человеческому праву, управлять королевством вместо своего отца, ибо сказано, “если сын, то и наследник, который и является господином для всех”»¹⁷. Та же мысль встречается у автора памфлета “Super omnia vincit veritas”: «Господин дофин есть и, по правде сказать, должен (считаться. – В. Б.) господином Французского королевства, поскольку он единственный сын короля и его законный наследник, ведь, согласно апостолу, “если сын, то и наследник”... наследник, даже малолетний и живущий при опекуне, тем не менее является господином всего»¹⁸. Жан Жувеналь дез Юрсен, в свою очередь, также отмечает: «и говорит Апостол: “сын является наследником через Бога”. Так как названный король Карл – сын, поэтому он и наследник»¹⁹.

В доказательство легитимности наследственных прав дофина Карла полемисты апеллируют к римскому праву. Ссылаясь на Дигесты 28.2.11, дез Юрсен утверждает: «Что касается сына, совершенно ясно, как гласит закон In suis, что уже при жизни отца он рассматривается и считается господином»²⁰.

В поисках аргументов, способных защитить «дело» Карла VII, авторы пропагандистских сочинений опираются на обычай. Так,

согласно выражению анонимного создателя «Истина все побеждает», «по праву и по принятому обычаю королевства, который является законом, наследовать королевство должен сын короля или ближайший родственник королевской крови по мужской линии»²¹. Автор трактата «Споры и соглашения» со ссылкой на некий эдикт, который «был принят королем Франции после долгого обсуждения и с согласия всех в названном королевстве так давно, что никто не помнит обратного», заявляет, что «корона может переходить только к наследникам мужского пола, принадлежащим к прямой либо боковой ветви, и никак иначе»²². С ними соглашается Жан Жювенель, утверждая, что «в отношении короны и королевства необходимы наследники мужского пола по крови»²³. «И тот, кто хочет взять и посмотреть хроники Франции и Англии и все другие, совсем не найдет там того, чтобы в этом королевстве (Французском. – В. Б.) охраняли и соблюдали противоположное»²⁴.

Наконец, полемисты используют то, что анонимный создатель «Ответа доброго и истинного француза» назвал «человеческим правом», в соответствии с которым любящие родители не лишают наследства своих детей²⁵.

Таким образом, вместе с правом дофина наследовать королевство после смерти отца, полемисты в равной степени отстаивают идею того, что он должен считаться полноправным соправителем монарха уже при жизни последнего. Особенно актуальной эта мысль выглядела в контексте претензий, выдвинутых на регентство при душевнобольном Карле VI со стороны короля Англии Генриха V Ланкастера. Создатель памфлета «*Super omnia vincit veritas*» так прямо и заявляет, что это именно дофин Карл является «истинным регентом для всех вассалов и подданных королевства»²⁶, а в «*Repons d'un bon et loyal François*» утверждается, что «монсеньор дофин – регент королевства по праву и разуму»²⁷.

Признавая за дофином Карлом законное право наследования французским престолом, авторы обращаются к проблеме невозможности для короля распоряжаться короной по своему собственному усмотрению и совершать действия, которые могли бы ей навредить. Создатель «Ответа доброго и истинного француза» в этой связи отмечает, что даже если бы король Карл VI подписывал этот договор по собственной воле, «он все равно не обладает таким могуществом и властью по отношению к королевству и короне, чтобы самому передавать их к своему ущербу, ущербу всех представителей рода лилий и всего королевства»²⁸. В анонимном памфлете «Истина все побеждает» говорится, что «король не может по своей собственной воле законным образом постановить что-либо, что

идет вразрез этому закону»²⁹. Жан Жувеналь дез Юрсен соглашается: «Кем бы ни был король, он не может наносить вред своему наследнику и преемнику, отчуждать или передавать королевство в другие руки кроме того, кому оно должно перейти по наследованию, и... если он имеет сына, он не может его лишить наследства и сделать так, чтобы он не владел королевством после него»³⁰.

Таким образом, вопрос отстранения от престолонаследия сына, по мнению создателей антианглийской пропагандистской литературы, лежит вне компетенции самого правящего короля. Обоснованием данного утверждения в их сочинениях выступает идея того, что монарх есть лишь пользователь, а не владелец короны, и управляющий королевством, а не его собственник. «Прямо говоря, – замечает Дез Юрсен, – у короля есть лишь способ управления и пользования (королевством. – В. Б.) и только в течение своей жизни»³¹. Корона – это константа, величина постоянная, которая не зависит от личности того, кто в данный момент находится у власти. Корона – не частное имущество, поэтому она не принадлежит конкретному монарху. Это не он получает корону при своей коронации, но, по сути, короне «дается» очередной правитель, который становится ее «обладателем». Отсюда проистекает, что король является лишь временным носителем вневременного «королевского достоинства», которое воспринимается как «должность» в значении, близком к римской магистратуре, и «служба», подразумевающая наличие и исполнение королем определенных обязанностей. Что касается самой короны, то она выступает не только олицетворением власти каждого конкретного монарха, но также в силу причастности к ней всех бывших и будущих правителей государства, олицетворением непрерывности и преемственности королевской власти. Так в творчестве французских пропагандистов первой половины XV в. находит отражение принципиально новое отношение общества к короне и престолу.

Поскольку корона Франции не является личной собственностью государя, право дофина, по утверждению Жана Жювенеля, не может быть отнято у него без его же согласия. Более того, замечает Дез Юрсен, сам дофин мог бы «законно» согласиться на подобное отчуждение, но «только в отношении своей собственной персоны, поскольку причинять вред другим лицам королевской крови он не имел бы права»³². С ним солидарен автор “Réponse d’un bon et loyal François”: «Право короны Франции, – подчеркивает аноним, – не может и не должно передаваться... против его (дофина. – В. Б.) согласия, а также согласия тех, кто на законных основаниях имеет право и может претендовать на корону или быть заинтересован в ее

сохранении»³³. Им вторит создатель трактата «Истина все побеждает», который пишет, что король Франции не мог и не имел права одобрить этот договор «без обсуждения и согласия тех, кто заинтересован в настоящем деле, особенно без согласия дофина»³⁴.

Корона – это не частное владение конкретного монарха, в очередной раз подчеркивают полемисты, поэтому он не может распоряжаться ею, исходя из одного своего решения. Права короны, с точки зрения авторов, распространяются не только на короля, но также на дофина, его сына и наследника. Кроме них, что важно, к правам короны оказываются причастны и все «другие королевские родственники». Создатель трактата «Ответ доброго и истинного француза» прямо заявляет, что «честь лилий и короны Франции принадлежат не только королю, королеве, и их детям, но также всем членам французского королевского дома, настоящим и будущим, а именно племянникам, кузенам, племянницам и кузинам и вообще всем трем сословиям Французского королевства, согласно различным степеням и обязанностям»³⁵. Аналогичного мнения придерживается и автор памфлета “*Super omnia vincit veritas*”. Он говорит, что готовящийся договор с Англией непосредственно затрагивает «королевских кровных родственников, которые в будущем по праву могли бы рассчитывать на корону»³⁶. Жан Жювенель дез Юрсен, в свою очередь, пишет: «Если бы король и его дети, которых хранит Господь, скончались, какое преступление совершили бы монсеньоры Орлеанский и Ангулемский, если бы в случае необходимости не получили корону один за другим, а после них – представители Анжуйского дома? Ни ты (Англия. – В. Б.), ни другие не смогли бы назвать причину, по которой они должны были бы ее (короны. – В. Б.) лишиться»³⁷. Благодаря идее о причастности к короне всех поколений королевского рода и даже больше – всех сословий, т. е. жителей Французского королевства, в рассматриваемых сочинениях еще заметнее становится мысль о принципиальной невозможности для правящего монарха распоряжаться короной как своим частным наследством.

Таким образом, для отстаиваемой полемистами точки зрения характерно акцентирование внимания на публично-правовой природе королевской власти, основанной на праве и законе «для всех». Под действие этого закона подпадает в первую очередь сам король. Он не является безусловным владельцем и хозяином короны, поскольку корона – категория постоянная, существующая в неизменном виде и качестве, раз и навсегда установленная, в то время как правители с той или иной периодичностью чередуются и меняются. Каждый последующий монарх «получает доступ» все

к тому же вечному и несменяемому «королевскому достоинству», по отношению к которому он в силу указанного положения одного из многих выступает лишь временным держателем и хранителем. Следовательно, король не вправе распоряжаться короной как ему вздумается, руководствуясь только собственной волей, но, наоборот, он ограничен в своих поступках идеей короны и ответственен перед ней. Мысль об ответственности каждого монарха перед своей «службой» должна была, в глазах полемистов, действовать в первую очередь применительно к законам престолонаследия. Кроме того, эти идеи в творчестве французских пропагандистов были напрямую связаны с представлениями о неотчуждаемости короны и неотчуждаемости, т. е. незаконности отторжения, домена, под которым подразумевалось все Французское королевство³⁸. Неслучайно Жан Жувеналь дез Юрсен пишет, что «король не может отчуждать часть своего королевства или наследства... он ясно клянется в этом при своем миропомазании, что не будет ничего отчуждать от своего наследства; по этому поводу существуют королевские ордонансы, охраняемые и соблюдаемые с таких давних времен, что никто уже не помнит обратного. И таким образом утверждать, что король Карл мог передать названное королевство упомянутому Генриху и лишиться наследства Карла, своего сына, есть не что иное, как насмешка и издевательство»³⁹. Ведь у короля в своем королевстве меньше прав, чем у простого жителя, который может отчуждать свое имущество, король же нет⁴⁰.

Убежденность авторов в том, что монарх не может распоряжаться короной как своим личным имуществом, используется во французской пропагандистской литературе первой половины XV столетия в качестве эффективного довода против английских династических требований, оформленных договором в Труа. Соглашение Карла VI с пунктами предложенного ему и подписанного им соглашения было в глазах полемистов незаконным прежде всего в силу болезни короля, утратившего рассудок, и его положения пленника, при котором он не обладал свободной волей и потому не мог делать никаких уступок своему противнику. С точки зрения права, римского и обычного, условия этого мира также считались недействительными. Однако главное, почему договор в Труа представляется авторам пропагандистских трактатов и памфлетов нелегитимным, заключается в том, что он противоречит самой идее французской короны, которая не является частной собственностью конкретного правителя, но воспринимается в качестве общественного института. Помимо короля и его прямого наследника, дофина, к короне причастны также все, настоящие и будущие, поколения

королевской семьи, которые могли бы на нее претендовать, но права которых, как и право самого дофина, вследствие этого соглашения оказываются ущемлены. «Честь лилий» и права французской короны, согласно аргументации полемистов, не принадлежат одному лишь монарху, но касаются «всех верных и истинных подданных этой короны», которые обязаны ее поддерживать, охранять и следить за тем, чтобы в отношении короны не совершалось действие, могущее нанести ей вред, т. е. быть в какой-то степени даже поручителями того, чтобы корона досталась истинному наследнику. Все это свидетельствует о том, что договор в Труа является незаконным соглашением, поскольку он действует к ущербу слишком большого количества людей, к тому же в интересах англичан, то есть иностранцев, которые одновременно являются «древними и смертельными врагами» Французского королевства. Единственным законным преемником и регентом королевства «по праву и разуму» для рассматриваемых нами авторов является несправедливо лишенный своего наследства дофин Карл.

Примечания

- ¹ *Cosneau E.* Les grands traités de la guerre de Cent Ans. Paris, 1889. P. 100–120.
- ² *Steel A.* The financial Background of the War of the Roses // *History*. 1955. Vol. 40. P. 18–30; *Allmand Ch.* Henry V. L.: The Historical Association, 1968; *Idem.* The Hundred Years War: England and France at War, 1300–1450. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988; *Armstrong C.-A.* England, France and Burgundy in the XVth century. L.: Hambledon Press, 1983 и др.
- ³ *Jouet R.* La résistance à l'occupation anglaise en Basse-Normandie (1418–1450). Caen: Annales de Normandie, 1969; *Bourassin E.* La France anglaise, 1415–1453: Chronique d'une occupation. P.: Tallandier, 1981; *Contamine Ph.* "La France Anglaise" au XV siècle: mythe ou réalité? // La "France anglaise" au Moyen Age. Actes du 111e Congrès nat. des sociétés savants (Poitiers, 1986). T. 1. P.: CTHS, 1988. P. 17–29; *Histoire militaire de la France: Des origins à 1715 / Sous la direction de Ph. Contamine.* P.: PUF, 1992; *Басовская Н.И.* Освободительное движение во Франции в период Столетней войны // Вопросы истории. № 1. М., 1987. С. 48–66; *Она же.* Столетняя война и рост социально-политической активности городского сословия // Городская жизнь в средневековой Европе. М., 1987. С. 220–238; *Она же.* Освободительное движение во Франции и формирование национального самосознания (вторая половина XIV – первая половина XV в.) // Из истории социальных конфликтов и народных движений в средневековой Европе. М.: ИВИ РАН, 2001. С. 47–57; *Она же.* Столетняя война:

леопард против лилии. М.: АСТ, 2003; *Цатурова С.К.* Офицеры власти: Парижский парламент в первой трети XV века. М.: Логос, 2002; и др.

- ⁴ Débats et appointements // “L’Honneur de la couronne de France”. Quatre libelles contre les Anglais (1418–1429) / Ed. by N. Pons. P., 1990. P. 32–88 (далее – Débats et appointements).
- ⁵ Fluxo biennali spacio // “L’Honneur de la couronne de France”... P. 173–201 (далее – Fluxo biennali spacio).
- ⁶ Réponse d’un bon et loyal François au peuple de France de tous estats // “L’Honneur de la couronne de France”... P. 122–137 (далее – Réponse d’un bon et loyal François).
- ⁷ Super omnia vincit veritas // “L’Honneur de la couronne de France”... P. 113–121 (далее – Super omnia vincit veritas).
- ⁸ *Juvénel des Ursins J.* Audite celi // Juvénel des Ursins, J. Ecris politiques / Ed. by P.S. Lewis. T. 1. P.: Klincksieck, 1978. P. 145–278 (далее – Audite celi).
- ⁹ *Juvénel des Ursins J.* Traictié compendieux de la querelle de France contre les Anglois // Juvénel des Ursins, J. Ecris politiques / Ed. by P.S. Lewis. T. 2. P.: Klincksieck, 1985. P. 13–177 (далее – Traictié compendieux).
- ¹⁰ *Montreuil J., de.* A toute la chevalerie // Montreuil J., de. Opera. Vol. 2: L’oeuvres historiques et polemiques. P., 1963. P. 89–149 (далее – A toute la chevalerie).
- ¹¹ *Montreuil J., de.* Traicté contre les Anglais // Montreuil J., de. Opera. Vol. 2: L’oeuvres historiques et polemiques. P., 1963. P. 159–236 (далее – Traicté contre les Anglais).
- ¹² *Chartie A.* Le Quadrilogue invectif. P., 1923 (далее – Quadrilogue invective).
- ¹³ Audite celi. P. 184.
- ¹⁴ Réponse d’un bon et loyal François. P. 123, 127–128; Super omnia vincit veritas. P. 119; Audite celi. P. 185; Traictié compendieux. P. 59–60.
- ¹⁵ Repons d’un bon et loyal François. P. 122, 129, 132; Super Omnia vincit veritas. P. 115, 117.
- ¹⁶ Дофин Карл лишился всех прав на французский престол за соучастие в убийстве герцога Бургундии Жана Бесстрашного (см.: *Bonenfant P.* Du meurtre au Montereau au traité de Troyes. Bruxelles, 1958. P. 128–135). Патентными письмами от 23 декабря 1420 г. Карл VI объявил организаторов этого убийства недостойными всякого наследования (Audite celi. P. 189. п. 3). Король запретил своим подданным называть дофина «принцем или сеньором каких-либо земель, поскольку из-за того, что он так очевидно нарушил свою клятву и слово принца, он сам лишился упомянутой чести» (*Guenée B.* Un meurtre, une société. L’assassinat du duc d’Orléans 23 novembre 1407. P.: Gallimard, 1992. P. 284).
- ¹⁷ Ibid. P. 128.
- ¹⁸ Super omnia vincit veritas. P. 114.
- ¹⁹ Audite celi. P. 187, 56.
- ²⁰ Audite celi. P. 187; Traictié compendieux. P. 56.
- ²¹ Super omnia vincit veritas. P. 120.
- ²² Débats et appointements. P. 60.
- ²³ Audite celi. P.186; Traictié compendieux. P. 55.

- ²⁴ Audite celi. P. 156–157.
- ²⁵ Repons d'un bon et loyal François. P. 124.
- ²⁶ Super omnia vincit veritas. P. 114.
- ²⁷ Repons d'un bon et loyal François. P. 124.
- ²⁸ Ibid. P. 123, 131.
- ²⁹ Super Omnia vincit veritas. P. 120.
- ³⁰ Audite celi. P. 186; Traictié compendieux. P. 55.
- ³¹ Audite celi. P. 187; Traictié compendieux. P. 57.
- ³² Audite celi. P. 187, 188–189; Traictié compendieux. P. 56.
- ³³ Réponse d'un bon et loyal François. P. 131.
- ³⁴ Super omnia vincit veritas. P. 118.
- ³⁵ Réponse d'un bon et loyal François. P. 131.
- ³⁶ Super omnia vincit veritas. P. 118.
- ³⁷ Audite celi. P. 192.
- ³⁸ Подобные взгляды были характерны в это время для ведущих государственных институтов страны. В частности, поборниками сильной королевской власти, отстаивающими принцип целостности территорий королевства и невозможности отчуждения короны и ее прав на том основании, что король является лишь исполняющим свои обязанности, выступали члены Парижского парламента (см.: *Bossuat A.* L'idée de la nation et la jurisprudence du Parlement de Paris au XV siècle // *Revue historique*, 1950. Т. 204. P. 54–61; *Idem.* Le Parlement de Paris pendant l'occupation anglaise // *Revue historique*, 1963. Т. 229. P. 19–41; *Autrاند F.* Naissance d'un grand corps de l'Etat: Les gens du Parlement de Paris, 1345–1454. P.: Publications de la Sorbonne, 1981; *Цатурова С.К.* Указ. соч.).
- ³⁹ Audite celi. P. 187–188; Traictié compendieux. P. 57.
- ⁴⁰ *Pons N.* La propagande de guerre française avant l'apparition de Jeanne d'Arc // *Journal des Savants*, 1982. Vol. 2. P. 191–214.

Г.А. Шатохина-Мордвинцева

Две ветви власти и первые лица государства в Республике Соединенных провинций: великий пенсионарий и статхаудер

В статье идет речь о некоторых аспектах функционирования достаточно сложного механизма управления Республикой Соединенных провинций Нидерландов, прежде всего о двух ветвях власти: политической власти Генеральных штатов и военной – статхаудерата, а также о конфронтации первых лиц государства – пенсионарии Йохане ван Олденбарневелте и статхаудере Морице Нассауском.

Ключевые слова: Нидерланды, Соединенные провинции, великий пенсионарий, статхаудер, Йохан ван Олденбарневелт, Мориц Нассауский.

Нидерланды как государственное образование начали формироваться в ходе Нидерландской революции XVI в. и последовавшей затем длительной войны с Испанией. Первым этапом на пути становления нового государства была Республика Соединенных провинций, объединившая на основе Утрехтской унии от 23 января 1579 г. в единое целое отложившиеся северо-нидерландские области. Формально Республика ведет отсчет своего существования с 1588 г., когда Генеральные штаты отказались от поисков нового суверена и взяли на себя управление страной. На правах провинций в Республику вошли семь не схожих между собой своими законами и общественным устройством исторических областей: герцогство Гелдерн, приморские графства Голландия и Зеландия, сеньория Фрисландия, провинция Утрехт, а также бедные восточные провинции Оверэйссел и Гронинген. Государственное устройство складывалось постепенно, центральным органом

управления с первых дней существования молодого государства были Генеральные штаты, считающиеся одним из старейших органов сословного представительства в Европе¹. Многие проблемы, с которыми Нидерланды сталкивались в ходе своего развития, уходят своими корнями в годы, предшествовавшие Мюнстерскому миру (30 января 1648 г.) и Вестфальским мирным договорам 1648 г., когда была признана окончательно самостоятельность республики. Именно в начале XVII в. проходила эволюция ее системы государственного управления и выработывался внешнеполитический курс. Механизм управления республикой был достаточно сложен, решения принимались представителями провинций на основе единогласия. Путь к нему был подчас долог, препятствиями являлись не только различие в интересах провинций, но и противоборство двух ветвей власти, возглавляемых великими пенсионариями Голландии и статхаудерами из династии Оранских-Нассау. Мы коснемся лишь первого эпизода в длинной цепи их столкновений – противостояния пенсионария Йохана ван Олденбарневелта и статхаудера Морица Нассауского.

Один из самых известных нидерландских государственных деятелей Нового времени, сыгравший важную роль в организации государственного устройства молодой Республики, Йохан ван Олденбарневелт родился 14 сентября 1547 г. в Амерсфорте в семье скромного достатка, не имевшей дворянских корней². Отец Йохана – Геррит ван Ауденбарневелт (Oudenbarnevelt) был купцом и управляющим секвестрованным имуществом. В юношеском возрасте Йохан от родственников по линии матери получил наследство, что позволило обрести независимость от отца. В 1564 г. он переехал в Гаагу, где получил работу у одного гаагского адвоката. Чтобы состояться в юриспруденции, в 1566 г. Йохан отправился изучать право в Лувен (там же поменял фамилию на Олдербарневелт), затем до 1569 г. продолжил учебу сначала в Бурже, затем в Кёльне, Гейдельберге и Падуе. В 1568 г. в Гейдельберге он перешел в кальвинизм. По возвращении на родину в 1570 г. Олденбарневелт занял должность адвоката в Суде Голландии. Стремительно развивавшаяся в стране революционная ситуация заставляла высокопоставленных чиновников быстрее определиться с политической ориентацией. Не стал исключением и Олденбарневелт, переехавший в г. Делфт и примкнувший в 1572 г. к вернувшемуся в Нидерланды Вильгельму I Оранскому. Но в вооруженных выступлениях против испанских властей участвовал он лишь эпизодически: в 1573 г. в период осады Харлема входил в состав гражданской милиции, а в 1574 г. – руководил операцией по разрушению плотин и

открытию шлюзов в Южной Голландии, что позволило «морским гёзам» оказать помощь в снятии осады Лейдена. В 1575 г., женившись на богатой девушке из Делфта Марии ван Утрехт (внебрачной дочери регента и единственной наследнице многочисленных земельных владений), Олденбарневелт стал состоятельным человеком. В определенной мере благодаря этому в 1576 г. он был избран городским адвокатом (пенсионарием³) Роттердама, в то время еще маленького, но динамично развивавшегося города в провинции Голландия. Находясь на этом посту до 1586 г., он участвовал в важнейших переговорах, которые вели провинциальные Штаты Голландии и Западной Фрисландии, в 1579 г. вошел в комиссию штатов по вопросам финансов и морских дел провинции, сыграл важнейшую роль в выработке окончательного текста Утрехтской унии. А после того как в 1582 г. Олденбарневелт стал доверенным лицом Вильгельма I Оранского, обосновавшегося в Делфте, где расположились и Генеральные штаты Нидерландов, он был уже делегирован представлять Голландию в собрании Генеральных штатов.

В 1584 г. после гибели Вильгельма I Оранского Олденбарневелт взял на себя функции наставника и помощника в политических делах его сына Морица Нассауского (Морица, графа Нассау; титул принца Оранского он унаследовал только в 1618 г.). Мориц Нассауский, матерью которого была вторая жена Вильгельма I Оранского Анна Саксонская, родился 14 ноября 1567 г. в Дилленбурге. Воспитывался в семье дяди Яна Нассауского, а в возрасте десяти лет был перевезен в Нидерланды, где на момент гибели отца учился в основанном им Лейденском университете⁴. Олденбарневелт поддерживал в 1584 г. кандидатуру Морица на пост председателя только что сформированного Государственного совета, занимавшегося военными делами и финансами, а в 1585 г. способствовал тому, чтобы достигший совершеннолетия Мориц был назначен на должность статхаудера⁵ провинций Голландии и Зеландии, а Генеральные штаты объявили его командующим армией этих провинций. На уровне местного управления статхаудер хотя и подчинялся провинциальным штатам, но обладал значительной личной властью, прежде всего, правом назначать на различные должности в провинциальные органы управления. Статхаудер председательствовал в судах провинций, в случае разрешения внутренних конфликтных ситуаций в провинциях и запуска процедуры принудительного арбитража ему отводилась роль арбитра. На республиканском уровне он участвовал в заседаниях Генеральных штатов, однако имел лишь право совещательного голоса, и занимал пост председателя Государственного совета.

В 1587 г. после отъезда из Нидерландов английского наместника графа Лестера Мориц Нассауский сосредоточил в своих руках общее руководство военными действиями нидерландской армии в борьбе с Испанией, в 1590 г. на него были возложены обязанности главнокомандующего армией и флотом Республики (в период войны это была прерогатива статхаудера). Талантливый полководец, он значительно улучшил организацию военного дела в стране (усовершенствовал применение артиллерии и ведение осадных работ, разработал тактику действия небольшими подразделениями, способными маневрировать и пр.). В 1590-е годы голландской армии под его командованием удалось отвоевать оккупированные испанцами земли Республики, овладеть цепью важных крепостей и начать военные действия на территории Южных Нидерландов.

В эти же годы усилилась и позиция Олденбарневелта, который с 1586 г. занимал должность государственного адвоката Штатов Голландии (пенсионария Голландии) и представлял провинцию в Генеральных штатах. Заседания Генеральных штатов на основании существовавшей очередности вели главы делегаций от разных провинций (пенсионарии провинциальных штатов): поскольку постоянного председателя не было, каждый из них председательствовал в течение одной недели. Но с конца XVI в. функции пенсионария Голландии постепенно расширялись. Как глава самой богатой провинции Олденбарневелт все чаще вел работу Генеральных штатов, постепенно сосредоточив в своих руках всю полноту власти в стране: руководил финансами и внешней политикой, сыграл важную роль в организации государственного устройства республики, добился признания (де-факто) Соединенных провинций союзниками – Англией и Францией, а успешные военные операции Морица Нассауского на суше и совместные – англо-голландские – на море (наиболее крупной стало взятие Ньюпорта в 1600 г.) упрочили независимость республики. Представляя правящую купеческую олигархию Голландии, Олденбарневелт выстраивал политику страны, прежде всего, в интересах этой провинции, заботился об увеличении ее богатства (например, был одним из инициаторов учреждения 1602 г. нидерландской Ост-Индской компании)⁶.

Однако по мере успехов армии Республики возрос не только авторитет главнокомандующего Морица Нассауского, но и расширялись его должностные полномочия: в 1589 г. Мориц был избран статхаудером провинции Оверэйссел, в 1590 г. – Утрехта, в 1591 г. – Гелдерланда. Уже после битвы у Ньивпорта, когда Морицу Нассаускому, вынужденному следовать советам все еще имевшего на него влияние Олденбарневелта и подчиниться решению Генеральных

штатов развернуть активные военные действия против испанцев в Северной Фландрии, с величайшим трудом удалось одержать победу, отношения главных лиц государства начали ухудшаться.

Проводимый Олденбарневелтом внешнеполитический курс стал одной из важнейших причин углубления конфликта между двумя ветвями власти. Успешные военные действия обеспечили Республике выгодные условия для заключения перемирия с Испанией, но Мориц Нассауский был противником этого. Как ранее и Вильгельм I Оранский, он надеялся, что возможно сохранить целостность страны, освободив и Южные Нидерланды, считал, что Испания достаточно слаба и победа будет на стороне республики. Однако право принимать окончательные политические решения принадлежало не статхаудеру, а Генеральным штатам и пенсионарию, представлявшему «партию мира» и стремившемуся, чтобы поправить финансовое положение страны, к компромиссу с Испанией. Усилиями Олденбарневелта в 1609 г. было заключено двенадцатилетнее перемирие⁷.

Помимо того что и в период перемирия в республике не прекращали обсуждать вопрос о необходимости продолжения войны с Испанией до победного конца, Мориц Нассауский, глава зарождавшейся партии оранжистов, опираясь на дворянство и кальвинистские консистории, начал борьбу за достижение верховной власти в стране и формирование унитарного государства. Он стремился стать первым лицом государства, а следовательно, и Штатов. Этому всячески противился поддерживаемый республиканцами Олденбарневелт – сторонник сохранения баланса сил между двумя ветвями государственной власти и традиционной автономии провинций в решении внутренних дел (при сохранении в то же время гегемонии провинции Голландия в Республике). Только в четком и гармоничном взаимодействии федеральных и провинциальных структур, разделении политической власти Штатов и военных функций статхаудерата, он видел средство для бесперебойной работы республиканской государственной машины, сохранения единства отложившихся областей и свободы совести на территории республики⁸.

После 1610 г. борьба за власть между Морицем Нассауским и Олденбарневелтом, а фактически возглавляемым им голландским купечеством, имевшим наибольшее влияние в Генеральных штатах, тесно переплелась со вспыхнувшими в стране религиозными спорами между арминианами и гомаристами. Арминиане, умеренные кальвинисты, последователи лейденского профессора теологии Арминия (Якоба Херманса, 1560–1609), выступали за

веротерпимость и ограничение вмешательства церкви в вопросы политики. Гомаристы, возглавляемые проповедником из Лейдена Гомаром (Францем Гомаром, 1563–1641), как ортодоксальные кальвинисты, считали веротерпимость ересью, требовали усиления центральной власти над провинциями и влияния церкви в государственных делах. Статхаудер, в противовес симпатизировавшему арминиянам пенсионарию, в целях ослабления Генеральных штатов открыто принял сторону гомаристов. Олденбарневелт расценил это как вызов, и поскольку религиозные споры между сторонниками арминиян и гомаристов вызвали разногласия в работе многих городских магистратов и даже привели к волнениям в ряде городов Голландии и Западной Фрисландии, инициировал принятие Штатами Голландии указа (так называемой Жесткой резолюции от 04.08.1617 г.), который, помимо прочего (в том числе отказа созвать синод кальвинистской церкви), не только позволял городам самостоятельно формировать отряды наемных войск с целью наведения порядка и предотвращения возможного расширения волнений, но и обязывал глав подразделений регулярных войск действовать совместно с ними. Главнокомандующий армией статхаудер расценил это как ущемление его полномочий и в ответ на действия пенсионария предпринял попытку государственного переворота. При поддержке Амстердама, регулярной армии и части депутатов Генеральных штатов, представлявших провинции и недовольных доминирующим положением Голландии в Унии, в течение 1618 г. статхаудер распустил все сформированные в провинциях на основании «Жесткой резолюции» военные отряды и изгнал арминиян из магистратов городов. 29 августа 1618 г. Олденбарневелт и его соратники, среди которых было много известных нидерландцев, в том числе и Гуго Гроций, занимавший тогда пост пенсионария Роттердама, были арестованы. На проходившем 13 ноября 1618 г. – 9 мая 1619 г. в Дордрехте национальном синоде учение арминиян было осуждено церковью. Суд, начавшийся 20 февраля 1619 г., обвинил Олденбарневелта в государственной измене (речь шла о якобы имевших место его тайных связях с испанцами) и 12 мая вынес смертный приговор. Никто из друзей и коллег пенсионария не осмелился выступить в его защиту, и 13 мая 1619 г. в Гааге Олденбарневелт был казнен на площади в Бинненхофе⁹.

Казалось бы, Мориц одержал победу и даже расширил свои полномочия (в 1620 г. стал статхаудером еще одной провинции – Гронингена), а в 1621 г. по истечении срока перемирия возобновил активные военные действия против Испании. Но внутри страны унитаризму статхаудера противостояло стойкое нежелание про-

винций, и прежде всего Голландии, уступать часть своей власти федеральным структурам. Свидетельством этого жесткого противодействия стало произведенное в 1623 г. неудавшееся покушение на жизнь Морица, организованное сыновьями Олденбарневелта и помогавшими им арминиянами¹⁰.

Мориц Нассауский скончался в Гааге 23 апреля 1625 г. Он покинул мир морально надломленным, обессиленным и в конечном счете проигравшим: внутри страны – набиравшей силу купеческой олигархии, на поле брани – испанскому полководцу Амброзио Спиноле, под командованием которого испанской армии удалось на нидерландском театре военных действий овладеть рядом важных крепостей, в том числе Бредой (захваченной испанцами после девятимесячной осады в начале мая 1625 г.), что на некоторое время даже создало угрозу самому существованию республики.

После смерти Морица Нассауского должность главнокомандующего армией и флотом перешла к его сводному брату Фредерику Хендрику, принцу Оранскому (1584–1647), в 1625 г. занявшему пост статхаудера в Голландии, Зеландии, Утрехте, Гелдерланде и Оверэйсселе. Фредерик Хендрик, снискавший, как и его предшественник, славу опытного полководца, успешно завершил борьбу за независимость Соединенных провинций от Испании и его завоевания позволили заложить основные линии границы между Северными и Южными Нидерландами. В период статхаудерства, а в действительности почти монархического правления Фредерика Хендрика, роль пенсионария Голландии в республике ощутимо уменьшилась, а Генеральные штаты были фактически отстранены от решения внешнеполитических вопросов¹¹. Усилив свои позиции в стране во время войны с Испанией и в европейских войнах XVII в., нидерландские статхаудеры стали обладать большой военной и административной властью, занимать пост статхаудера одновременно в нескольких провинциях, а династические узы связывали их с главными монаршими домами Европы (Вильгельм III Оранский был даже королем Англии).

Но менялся и характер должности главы исполнительной власти богатейшей провинции страны – пенсионария Голландии. После 1619 г. за ним постепенно закрепился титул «великий пенсионарий провинции Голландия»¹². Он избирался сроком на пять лет (с правом переизбрания) из числа наиболее видных представителей голландской купеческой олигархии (как правило, из Дордрехта – «первого города Голландии»). За период существования Республики на этом посту сменилось двадцать человек, практически все они были связаны родственными узами. Со второй половины

XVII в. великий пенсионарий провинции Голландия – по сути, председатель правительства и первый человек в аппарате Генеральных штатов (он вел заседания, готовил и вносил на рассмотрение различные предложения). В его руках сконцентрировались все важнейшие вопросы управления республикой, но главной сферой деятельности были финансы и внешняя политика (на практике он являлся министром иностранных дел). Поскольку функции статхаудера в мирное время не были четко определены, частые политические разногласия между представлявшими «партию мира» великими пенсионариями и стремившимися вовлечь страну в военные конфликты и таким образом обрести практически монархическую власть статхаудерами дважды приводили к упразднению этой должности. В так называемые бесстатхаудерные периоды нидерландской истории (1650–1672 гг. и 1702–1747 гг.) великие пенсионарии Голландии управляли страной.

В 1748 г. статхаудерство было объявлено передающимся по наследству, а принцы Оранские с этого времени титуловались статхаудерами Соединенных провинций. В образованной в январе 1795 г. Батавской республике институт статхаудерства был ликвидирован, как упразднена и должность великого пенсионария Голландии¹³.

И все же формировавшаяся еще Й. ван Олденбарневелтом и действовавшая в стране система разделения властей, как и постепенно отлаженный механизм сдержек и противовесов, не позволявший одной ветви государственной власти возобладать над другой, способствовали столь продолжительному существованию на политической карте Европы самобытного государства – Республики Соединенных провинций.

Примечания

- ¹ О раннем процессе складывания нидерландских областей и о Генеральных штатах см.: *Шатохина-Мордвинцева Г.А.* Нидерланды с древнейших времен до конца XVI века. М.: ИВИ РАН, 2004; *Она же.* Генеральные штаты Нидерландов в XVII–XIX веках // Новая и новейшая история. 2009. № 5. С. 100–114.
- ² О Й. ван Олденбарневелте см.: *Knapen B.* De man en zijn staat. Johan van Oldenbarnevelt, 1547–1619. Amsterdam: Bakker, 2005.
- ³ Должность восходит еще к римскому праву, по одному из положений которого местные власти должны были брать себе в помощь правоведа. Пенсионарий (от лат. *pensum* – платеж) был первоначально юрисконсультom городской управы, затем – на уровень выше – штатов провинции. Практически на жаловании штатов в одном лице был прокурор и адвокат, осуществлявший надзор в правовых

вопросах и отстаивавший права этого органа управления (см.: *Gosses I.H., Japikse N.* Handboek tot de Staatkundige Geschiedenis van Nederland. 's-Gravenhage: Martinus Nijhoff, 1947).

- ⁴ О Морице Нассауском см.: *Deursen A.Th., van.* Maurits van Nassau, 1567–1625: De winnaar die faalde. Amsterdam: Bakker, 2005.
- ⁵ Статхаудер (нидерл. *stadhouder*, от *stad* – место, город, и *houder* – держатель, обладатель) – в исторических Нидерландах в XV–XVI вв. наместник государя или правитель области. Должность статхаудера в Нидерландах учреждена в 1448 г. герцогом Бургундским Филиппом Добрым, назначившим в нидерландских областях Голландия, Зеландия и Фрисландия своего наместника. При Габсбургах статхаудеры являлись наместниками государя в провинциях, а генеральный статхаудер от имени императора управлял всеми Нидерландами. В Соединенных провинциях должность статхаудера, которую занимали теперь только представители династии Оранских-Нассау, была сохранена, хотя страной уже не управлял государь, чьи интересы он раньше представлял. (См.: *Fockema Andreae S.J.* De Nederlandse Staat onder de Republiek. Amsterdam: Noord-Hollandsche Uitgevers Maatschappij, 1961. P. 6–11; *Raynal G.T.* Histoire du stathouderat depuis son origine jusqu'à présent. Amsterdam, 1849).
- ⁶ *Groenveld S.* Het Twaalfjarig bestand, 1609–1621: De jongelingsjaren van de Republiek der Verenigde Nederlanden. Den Haag: Haags Historisch Museum, 2009. P. 26–27.
- ⁷ *Deursen A.Th., van.* Op. cit. P. 69–75, 201–215; *Groenveld S.* Op. cit. P. 35–40, 52–55.
- ⁸ *Fockema Andreae S.J.* Op. cit. P. 12–14.
- ⁹ *Deursen A.Th., van.* Op. cit. P. 267–275; *Groenveld S.* Op. cit. P. 82–89.
- ¹⁰ *Deursen A.Th., van.* Op. cit. P. 286–287. (Старший сын Олденбарневелта был казнен, второму удалось бежать в Брюссель.)
- ¹¹ *Groenveld S.* Op. cit. P. 21–128; См. также: *Vorstelijk Vertoon. Aan het hof van Frederik Hendrik en Amalia* / Red. M. Keblusek, J. Zijlmans. Zwolle: Waanders, 1997.
- ¹² Заимствование пришло из французского языка, в котором, согласно дипломатическому этикету эпохи, при титуловании этого должностного лица добавлялось прилагательное *Grand* (фр. *Grand-pensionnaire* – великий пенсионарий), что подчеркивало значимость функций именно пенсионария Голландии и его превосходство над пенсионариями других провинций. Нидерландский вариант – рапенсионарий (нидерл. *Raadpensionaris*, досл. – советник-пенсионарий, статс-секретарь).
- ¹³ Введена вновь в 1805–1806 гг., когда председателя правительства именовали великим пенсионарием Батавской республики.

Борьба за власть во Франции 1584 г. и политический идеал лидеров Католической лиги

Статья посвящена династическому кризису в начале «Войны трех Генрихов» во Франции и анализу политических идей дворянской элиты Католической лиги 1584–1592 гг. С этой целью исследуются официальная декларация союза, философско-политический трактат аббата Розьера и письма Генриха де Гиза. Их анализ показывает, что политическим идеалом дворянского крыла Лиги было не свержение монарха с целью установить собственное правление, а ограничение власти короля, передача значительных полномочий высшей знати и изменение религиозной политики двора.

Ключевые слова: гражданские (религиозные) войны во Франции, Католическая лига, Генрих де Гиз, политические идеи.

Вторая Католическая лига во Франции образовалась в 1584 г. как ответ на политический кризис, возникший после смерти младшего Валуа, Франсуа Алансонского, герцога Анжуйского. Династия лишилась прямых наследников престола, а правящий монарх не отличался крепким здоровьем. Таким образом, смерть младшего Валуа «стала детонатором, высвободив те силы, которые надеялись на его скорое восшествие на престол»¹. Первым в ряду возможных наследников правящей династии стоял Генрих Наваррский, неоднократно менявший свои религиозные пристрастия, но на тот момент – протестант и фактический лидер французских кальвинистов, к тому же бывший в достаточно дальнем родстве с правящим королем, что позволяло противникам ставить под сомнения его права на престол. Эти обстоятельства и стали причиной так называемой «Войны трех Генрихов» и возникновения Лиги

31 декабря 1584 г., когда в столице владений Гизов, Жуанвиле, было заключено соглашение между представителями этой династии и испанского короля о том, что они будут всячески препятствовать воцарению Генриха Наваррского и признают будущим королем его дядю, кардинала Шарля де Бурбона.

Союз, называемый Католической лигой, был сложным явлением. Историки даже говорят о «двух Лигах» (по аналогии с Фрондой – принцев и парламентской, или городской), так как в самом начале 1585 г. или ранее Шарль Отман де Ла Рошблон, парижский сборщик налогов, явился инициатором городского движения, ставящего своей целью защиту религии и недопущения на трон короля-еретика. Эта разветвленная организация, которая не ограничилась Парижем, созданная священниками и судейскими, включавшая адвокатов, торговцев, ремесленников, студентов и преподавателей Сорбонны, монахов, по мнению исследователей, была действительно грозной силой, в отличие от Лиги принцев, являвшейся, по словам одного из ведущих специалистов, «банальным разговором знати, каких во Франции начиная с XIV в. было немало»².

Католическая лига – тема не очень популярная в исторической науке, однако в последние десятилетия наблюдается оживление интереса к ней, некоторые аспекты истории этого союза вызывают горячие споры³. Требования радикального крыла Лиги часть исследователей считают началом французского конституционализма⁴. Еще в конце XVIII–XIX вв. в исторической науке был выдвинут тезис о том, что парижская и провинциальные лиги вовсе не были консервативными религиозными организациями, а носили демократический и революционный характер⁵. Их обширная программа политических преобразований, включавшая такие требования, как регулярный созыв Генеральных штатов, контроль над финансами, сокращение налогов, права назначать министров, правосудие над чиновниками, разбогатевшими за счет государства, действительно были достаточно радикальными. Популярными становятся идеи выборности власти, а отдельные города, опираясь на накопившийся опыт городского самоуправления и стремясь защитить себя от влияния враждующих группировок, объявляли себя свободными республиками. Некоторые современные историки оспаривают тезис о революционном характере программы Парижской лиги, поскольку они скорее апеллировали к традиции, но ее радикализм не вызывает сомнения⁶.

Однако оба эти движения не были разобщены: городскую и дворянскую Лиги удалось объединить Генриху де Гизу, который, благодаря своей харизме, авторитету и приверженности общему

делу, стал общепризнанным лидером. Благодаря ему, а также при поддержке церкви и городских структур движение было хорошо организовано, спонсировано, вооружено, налажена пропаганда и информирование, армия лигёров вела успешные военные действия. При этом дворянская верхушка Лиги продолжает считаться в историографии консервативной группой, политическая культура которой не выходила за рамки традиционных ценностей этой среды.

Формирование Лиги в 1584 г. происходило на фоне политической борьбы и интриг вокруг французского престола, поэтому программа Лиги, выдвинутая дворянской элитой, включала вопросы, связанные с престолонаследием. Фактически на тот момент образовалось несколько возможных претендентов на трон. Царствующий Генрих III был достаточно молод, но слаб здоровьем, поэтому после смерти последнего наследника династии Валуа активизировалась закулисная борьба за власть, некоторые соперники выдвигали свои программы и образовывали собственные «партии», а длившиеся уже более четверти века религиозные войны превратили эту «холодную войну» в открытое вооруженное противостояние. Самым вероятным преемником был Генрих Наваррский, будущий король Генрих IV, но он приходился нынешнему королю родственником в 22-й степени, кроме того, периодически менявшим конфессиональные предпочтения. По мнению католической партии, он был еретиком, права которого на престол можно было оспорить. Официальной кандидатурой Лиги являлся кардинал Карл (Шарль) де Бурбон (1523–1590), престарелый дядя Генриха Наваррского, многие его не принимали в расчет в силу возраста и болезней, но в 1589 г. Парижский парламент официально признал его королем и чеканил монеты с его изображением. Считается, что на трон предъявлял права и глава католической Лиги Генрих (Анри) де Гиз (1549–1588), неформальный лидер радикальных католиков, претендовавший на происхождение от Карла Великого. Согласно некоторым свидетельствам эпохи, он делал попытки взойти на французский престол и имел массовую поддержку в разных слоях французского общества. В частности, многие исследователи традиционно считают, что Лига была удобным инструментом этих личных амбиций, тогда как другие отвергают этот факт⁷.

В настоящей статье я попытаюсь реконструировать идеи дворянской верхушки Лиги, опираясь на несколько источников: письма Генриха де Гиза периода второй Лиги, теоретический трактат «Шесть книг о политике»⁸, автором которого являлся аббат Франсуа де Розьер, а также «Перонскую декларацию»⁹ – программный

документ, подготовленный совместно Гизами и Парижской лигой. Эти источники вышли из-под пера лидеров союза или людей, близко с ними связанных, поэтому могут дать некоторое представление как о целях и задачах лигёрской верхушки, так и о связанных с ними политических ценностях и представлениях.

Через несколько месяцев после образования дворянской Лиги, Шарль де Бурбон, ее официальный претендент на престол, выступил с политическим заявлением, получившим название «Пероннская декларация» (или «Пероннский манифест»). Вероятно, это плод совместного творчества сторонников Лиги, которых собрал Генрих де Гиз, общая «декларация принцев, пэров и прелатов», обоснование целей Лиги и оправдание ее действий как «желания противодействовать тем, кто хочет ниспровергнуть основы церкви и государства»¹⁰. Она была провозглашена в Перонне 21 марта 1585 г., однако сохранились минимум два издания манифеста, их содержание немного отличается.

Помимо объяснения причин и целей заключенного союза – не допустить на престол монарха-протестанта, «прийти на помощь католической, апостольской, римской религии этого христианнейшего королевства», поскольку подданные «не обязаны терпеть власть принца, не разделяющего их веры»¹¹ – декларация содержит критику политики Генриха III: неспособность урегулировать затянувшийся религиозный конфликт, который «уже двадцать четыре года истощает страну», разорительные и неизвестные ранее налоги, продажа должностей, фаворитизм, пренебрежение мудрыми советами, нарушение традиционного порядка, установленного в королевстве из-за формирования королем своего окружения в обход людей, которые заслужили это¹². Выходом является незамедлительный созыв Генеральных штатов, этого «древнего средства от домашних язв», «совещание между принцами и их подданными, с целью вместе достигнуть решения... опираясь на фундаментальные законы французского королевства»¹³. Но король должен быть открыт переговорам и избегать дурных советов, которые необходимо выявлять и раскрывать.

Понимание природы монархии в тексте документа базируется на разделении фундаментальных законов королевства и законов короля. Ограничение власти монарха – средство сохранения основ государства. Однако Генеральные штаты, которые позиционируются авторами как необходимое средство для примирения враждующих партий, в реальности могли стать неплохим инструментом католического влияния на короля. Несмотря на то что к важности этого института часто апеллировали и протестанты, на предыду-

щих Штатах 1576 г. значительное большинство получили католики, поэтому они рассматривали этот орган в качестве канала поддержки и передачи оппозиционных требований. Таким образом, в официальном манифесте содержалась не только критика королевской власти, но и была намечена программа реформ, в центре которой – ограничение всевластия короля традиционными институтами, избавление от фаворитов и «недостойных людей».

Генрих де Гиз, несмотря на обвинения в заговоре и собственных претензиях на престол, официально поддерживал кандидатуру кардинала де Бурбона. Политическая программа или идеи, лежащие в основе действий самого герцога, так и остаются некоторой загадкой для исследователей. Несколько десятков писем Генриха де Гиза хранятся в различных архивах, прежде всего в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (далее – РНБ)¹⁴ и Национальной библиотеке Франции (далее – BN)¹⁵. Они практически не изучены, даже авторы немногочисленных биографических обзоров почти никогда не ссылаются на его эпистолярное наследие. Это личная и деловая переписка, военные распоряжения и указания агентам, в которых взгляды автора отражены слабо. Однако анализ писем ставит под сомнение популярное мнение о заговоре с целью захвата власти, в переписке со своими сторонниками герцог избегает даже открыто критиковать действия и личность монарха. В эпистолярном наследии де Гиза мы встречаем уже знакомые по другим документам оппозиционные мотивы: жалобы на пренебрежение со стороны короля хорошими советами, обязанностями защищать истинную религию, которую исповедуют большинство французов, забвение фундаментальных законов королевства, и самый яркий мотив – необходимость подавить смуту и объединить народ, страдающий от войны. «Нельзя допустить к власти принца-протестанта, в силу того, что необходимо избежать всеобщего взрыва и укрепить фундамент, нужно верить, что Франция найдет возможность, чтобы стать сильнее»¹⁶, – утверждает он в одном из писем.

Французский историк Ж.М. Констан предпринял интересную попытку описать политическую культуру Генриха де Гиза, опираясь на поведение, отражающее ценности. Он приходит к выводу, что можно выделить три элемента, лежавшие в основе его социальной роли: модель типичного рыцаря, любящего приключения, наследника своего отца, одержимого жаждой мщения и главы партии, приверженной определенным религиозным и политическим традициям¹⁷. Несмотря на бесспорность основных выводов, они требуют уточнения и дополнения. Несомненно, что герцог де Гиз был

не теоретиком, а практиком и его политическая культура формировалась под сильным влиянием окружения, семейных традиций и клановой солидарности. Однако как в более ранних произведениях и требованиях, так и в письмах этого периода просматривается представление о политических задачах Лиги, собственной роли и той политической модели, которую было необходимо реализовать для успешного управления государством. Его переписка с представителями самых разных групп, обращение к тем или иным проблемам свидетельствуют о том, что он рассматривал свои действия не только в качестве инструмента укрепления собственного влияния, но и как реализацию представлений о посреднической роли знати в обществе, стремлении закрепить и расширить эту роль с опорой на некий идеал политической и социальной организации.

Некоторое представление об этих политических идеалах можно составить по произведениям известных теоретиков, например, Франсуа де Розьера, французского каноника и архиепископа Туля. Вероятно, он был активным участником Лиги и человеком, близким к семье Гизов. По просьбе герцога и используя записки его дяди, кардинала Лотарингского, он написал труд о происхождении Гизов от Карла Великого¹⁸. Авторитет автора среди лидеров Лиги делает его произведения важными для изучения политических ценностей этой группы. В своем философско-политическом трактате «Шесть книг о политике...» Ф. Розьер рассуждает об общих принципах власти в обществе. В противовес популярному мифу о приверженности богословов Лиги схоластической традиции с ее обращением к авторитету Аристотеля, Розьер апеллирует намного чаще к наследию Платона, мнению Марсилио Фичино, Эразма Роттердамского и современных философов.

Первая книга трактата, посвященная монархии, начинается с исторического экскурса. По мнению богослова, «если обратиться к прошлому, определенно видно, что титул герцога (Duc) был наиболее древним из всех»¹⁹. Три потомка Ноя, утверждает автор, стали первыми герцогами до появления королевского титула и, более того, этот период для многих государств был наиболее счастливым. Подобный вывод был призван подчеркнуть достоинство герцогского титула и необходимость вернуть политические полномочия высшей знати.

В отличие от многих своих современников, как протестантов, так и католиков, аббат Розьер не был сторонником убийства тиранов и выборов монарха, только наследственную власть автор считает естественным этапом развития политических институтов общества и предпочтительной формой правления. Но монархия

должна быть управляема «хорошими законами» и «хорошими людьми», именно они могут сохранить государство от беззаконий и коррупции – одного из главных врагов правления²⁰. Продажность и алчность чиновников волновали тогда разные слои населения и были широко отражены в наказах 1576 г., неслучайно они становятся одним из пунктов критики власти со стороны лигёров²¹. «Я не хочу, – оправдывается автор, – ...склонять к неповиновению королям и принцам, которые являются законными наследниками своих отцов, но хочу сказать, что лучше для короля иметь всегда мудрых благонадежных людей»²². Таким образом, наследственный монарх, чья власть ограничена законами королевства и коллегиальными органами, является легитимным и лучшим правителем для государства.

Отдельная глава посвящена противопоставлению тирана истинному королю. Эта популярная политико-философская проблема актуализировалась в период гражданских войн, династического кризиса и борьбы за власть. «Король берется за оружие только чтобы защитить своих подданных, тиран же – чтобы выступить против собственных врагов, ведомый своими страхами. Истинный король не принуждает силой к выполнению закона, а ...защищает своих граждан»²³. Автор выделяет признаки, по которым можно отличить тиранию: жестокость, подозрительность самого правителя и отсутствие свободы у подданных. Такое государство неизбежно ждет распад, а тиранов – гибель. Не призывая открыто к перевороту, Розьер показывает, что следствием такого правления становится неповиновение и мятеж, тем самым фактически оправдывая подобные действия подданных. Не склонный к радикализму, автор, однако, открыто критиковал недостатки власти в тот период, когда король стремился к формированию новых структур: фаворитизм, увеличение налогового бремени, сосредоточение основной власти в руках короля, пренебрежение советами и ролью Штатов. В противовес такой политике он обосновывал важную роль дворянства, военных руководителей, королевского совета.

Несомненно, мы не можем сделать окончательных выводов об истинных целях и мотивах дворянских лидеров Лиги. Опираясь на данные источники, можно сделать предположение, что их политический идеал по некоторым пунктам сближался с требованиями городского крыла, частично расходился. В целом он был более умеренным, требования выборности монарха и республиканские идеалы горожан были чужды лидерам Лиги из среды высшей знати. Одной из целей союза являлось объединение католиков и недопущение на престол короля-протестанта, попытки найти реальную

альтернативу кандидатуре Генриха Наваррского в рамках действующих норм права. Нельзя отрицать и то, что политический идеал данной группы базировался на традиционной дворянской культуре, но в силу стремления королевской власти к централизации он принял оппозиционный и даже революционный характер. Однако имеющиеся в нашем распоряжении источники могут служить косвенным подтверждением уже высказанного в исторической литературе мнения о том, что лидеры Лиги, прежде всего Генрих де Гиз, не стремились совершить переворот и захватить власть в собственные руки. Их целью были консервативные реформы, направленные на передачу значительных полномочий на местах и при дворе высшему дворянству, усиление влияния Генеральных штатов и укрепление религиозного единства государства.

Примечания

- ¹ *Constant J.-M.* Les Guise. Paris: Hachette, 1984. P. 116.
- ² *Констан Ж.М.* Повседневная жизнь французов во времена Религиозных войн. М.: Молодая гвардия, 2015. С. 217.
- ³ *Уваров П.Ю.* Борьба тенденций в новейшей историографии Католической лиги конца XVI в. // Средние века. 1988. Вып. 51. С. 181–200; *Constant J.-M.* La Ligue. P.: Fayard, 1996. P. 467–475.
- ⁴ *Эльфонд И.Я.* Эволюция идей конституционализма во Франции XVI в. // Искусство власти: сб. в честь проф. Н.А. Хачатурян. СПб.: Алетейя, 2007. С. 286–301; *Pichot Ph.* La pensée constitutionnelle des premiers Etats généraux de Blois à partir des Instructions données par les députés à une ambassade dépêchée auprès du Roi de Navarre // Association française de droit constitutionnel. [Электронный ресурс] URL: <http://www.droitconstitutionnel.org/congresNancy/comN9/pichotTD9.pdf> (дата обращения: 30.08.2017).
- ⁵ *Anquetil L.P.* L'esprit de la ligue ou Histoire politique des troubles de France, pendant les XVI et XVII siècles. Т. 3. P.: Bossange, 1797; *Labitte Ch.* De la démocratie chez les predicateurs de la Ligue. P.: Durand, 1865.
- ⁶ *Barnavi E.* Le parti de Dieu: Etude sociale et politique des chefs de la Ligue parisienne (1585–1594). Bruxelles; Louvain, 1980. P. 189–190.
- ⁷ *Constant J.-M.* Les Guise. P. 193–209; *Jouanna A.* Le devoir de Révolte. La noblesse française et la gestation de l'État modern (1559–1661). P.: Fayard, 1989. P. 185–200.
- ⁸ *Rosières Fr., de.* Six livres des politiques, contenant l'origine et estat des cités, condition paix que de guerre... par François de Rosières. Rheims, 1574.
- ⁹ *Bourbon Ch., de.* Declaration des causes qui ont meu Monseigneur le Cardinal de Bourbon, et les Princes, Pairs, Prelats de s'opposer à ceux qui veulent subvertir la Religion, et l'Etat. Péronne, 1585.

- ¹⁰ Ibid. P. 3.
- ¹¹ Ibid. P. 4.
- ¹² Ibid. P. 3–8.
- ¹³ Ibid. P. 8.
- ¹⁴ РНБ. Отдел рукописей. Собрание П.П. Дубровского: Автограф 51, № 24, 43–44, 92, 106–107, 109, 117.
- ¹⁵ BN. Département des manuscrits. Documents originaux et copies, mémoires et extraits tirés de la Bibliothèque du Roi, fonds de Béthune, Brienne, etc., pour servir aux études d'histoire du Dauphin sous la direction de Bossuet, et concernant les règnes de François Ier à Henri III, avec une suite de Henri IV à Louis XIV (1610–1710). XLVII: Règne de Henri III. 1583–1587. P. 419–421; XLVIII: Règnes de Henri III et Henri IV. 1588–1595. P. 1–4, 25, 28–31.
- ¹⁶ Lettre de M. de Guise à M. le Duc de Lorraine. 1587 // BN. Département des manuscrits. Documents originaux... XLVII: Règne de Henri III. 1583–1587. P. 2.
- ¹⁷ *Constant J.-M.* La noblesse en liberté XVIe – XVIIe siècles. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2004. P. 217–225.
- ¹⁸ *Rosières Fr., de.* Stemmatum Lotharingie ac Barri ducum tomi septem. P., 1580.
- ¹⁹ *Rosières Fr., de.* Six livres des politiques... P. 7.
- ²⁰ Ibid. P. 24r.
- ²¹ О наказах Генеральным штатам 1576 г. см.: *Констан Ж.М.* Повседневная жизнь французов... С. 180–214.
- ²² *Rosières Fr., de.* Op. cit. P. 47v.
- ²³ Ibid. P. 48r.

Образ власти императора Николая I в представлениях современников-французов

Цель статьи заключается в реконструкции образа власти императора Николая I в представлениях современников-французов: маркиза А. де Кюстина, совершившего путешествие по России в 1839 г., барона П. де Баранта, в 1835–1841 гг. занимавшего пост посла Франции в Российской империи, и художника О. Верне, в 1836 и 1842–1843 гг. работавшего в России по личному приглашению императора. То есть это люди разных политических убеждений; разного рода занятий, по-разному воспринимавшие российскую действительность. Но при этом образ власти Николая I и образ самого государя у всех троих вырисовывается сходный, и в целом – весьма привлекательный. Статья выполнена в методологии междисциплинарного синтеза с опорой на имагологический подход.

Ключевые слова: российско-французские отношения, маркиз А. де Кюстин, барон П. де Барант, О. Верне, император Николай I, взаимные представления, стереотипы восприятия.

«Когда говорят о России, то при этом
говорят об императоре Николае»
(Из письма князя К. фон Меттерниха
посланнику в Петербурге
К.-Л. Фикельмону)¹

После окончания Наполеоновских войн позиции России в Европе значительно окрепли: Россия внесла решающий вклад в разгром Наполеона и в формирование послевоенного устройства, оформившегося в рамках Венской системы международных отношений. Политика «европейского концерта» предусматривала сохранение баланса сил. Однако в 1830 г. европейская стабильность

была нарушена, а Европу накрыла революционная волна. Император Николай I, ревностный защитник принципа легитимизма, воспринял это чуть ли не как личное оскорбление, поскольку с особым трепетом относился к тому, что считал «завещанием» своего брата Александра I. Стремлением восстановить легитимный порядок было продиктовано намерение Николая Павловича подавить революцию во Франции, организовав туда вооруженную интервенцию. Несмотря на то что император, поразмыслив, остыл и признал режим Июльской монархии, во Франции, да и в целом в Европе, намерение государя «спасти Францию» породило страх. По сути, были возрождены опасения 1814–1815 гг., когда французы, надлежащим образом обработанные наполеоновской пропагандой, боялись вторжения полчищ ужасных казаков и варваров. Теперь Николая сравнивали с Атиллой, а русских – с новыми гуннами, жаждущими покорить Европу. Особенно репутацию Николая подмочило польское восстание 1831 г. и его подавление русскими войсками. Западноевропейская пресса, публицистика и поэзия, причем не только революционного направления, рисовала образ Николая – душителя демократии, «кроваждного медведя», стремившегося «запустить свои когти в Европу»². А польские эмигранты, осевшие во Франции и Англии, стали источником постоянных русофобских настроений. С одной стороны, эти настроения активизировались под влиянием успешной внешней политики России. С другой стороны, они являлись следствием традиционного многовекового противопоставления «цивилизованной» Европы и «варварской» России, управляемой самодержавным деспотом.

Однако при этом европейцев, в том числе и французов, всегда тянуло в Россию, а интерес к «загадочной русской душе» был неиссякаем, несмотря на ограничение контактов между Россией и Францией после Июльской революции 1830 г.: Николай шел на эти ограничения сознательно, дабы не допустить проникновения в Россию «революционной заразы».

Какой же образ власти императора Николая I сложился у французов, посетивших Россию? Примерно в одно и то же время в нашей стране оказались трое известных французов. Один – убежденный легитимист маркиз Астольф де Кюстин, отправившийся в Россию в 1839 г. искать доводов против представительного правления, а вернувшийся убежденным противником российского самодержавия, написавший книгу, на полтора столетия подмочившую репутацию России, создав образ «империи кнута» и «пустыни без отдыха». Второй – либерал-орлеанист барон Проспер де Барант, в 1835–1841 гг. занимавший пост посла России во Франции, сим-

патизировавший нашей стране, не считавший ее варварской и дикой, и тоже написавший книгу – «Заметки о России». Но если работа Кюстина стала бестселлером, то книга Баранта оказалась почти забыта: она была опубликована во Франции только однажды, в 1875 г., и на русский язык никогда не переводилась. И третий француз – наполеонист, прославленный художник-баталист, Рубенс XIX века, как его называли, Огюст Верне, дважды, в 1836 и 1842–1843 гг., посетивший Россию по личному приглашению императора Николая и оставивший свои письма, адресованные жене, но имевшие совсем не интимный, а политический характер и предназначавшиеся, вероятно, в том числе и королю Луи-Филиппу (на Верне была возложена неофициальная дипломатическая миссия склонить Николая I к нормализации отношений с Францией).

Таким образом, это люди разных политических убеждений; разного рода занятий, по-разному воспринимавшие российскую действительность. Но при этом образ власти Николая I и образ самого государя у всех троих вырисовывается сходный. И в целом – весьма привлекательный, даже у маркиза Кюстина.

Все трое были лично знакомы с Николаем Павловичем: Кюстину государь благопритствовал, именно он порекомендовал ему посетить Ярославль, Нижний Новгород, Москву, подчеркивая, что Петербург – это не Россия. Художнику Орасу Верне была оказана исключительная честь: ему было предложено сопровождать императора в путешествии по России вместе с царским фаворитом графом Орловым и начальником почт генерал-адъютантом Адлербергом³, а за свои живописные работы Верне был весьма щедро вознагражден.

Проспер де Барант часто встречался с государем по долгу дипломатической службы, а с Россией познакомился, возвращаясь в нашу страну из очередного отпуска морским путем, через Одессу, посетив многие русские города, включая Севастополь, Ялту, Симферополь, Харьков, Курск и Орел.

Конечно, именно император привлекал первостепенное внимание французозов: они прекрасно понимали, что все нити власти сходились в руках Николая, и именно он персонафицировал власть как таковую.

Проспер де Барант, едва оказавшись в России, очень быстро уловил главную особенность российской политики и механизм принятия политических решений в России: все важнейшие вопросы решались исключительно императором. Так, например, характеризуя личность генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича и отдавая должное его заслугам, Барант подчеркивал: «Это, без сомнения, достойный генерал, но ему, как и всякому другому в России, не дозволено быть политическим деятелем. Его поведение и даже его мысль – это

пассивное повиновение; ему незачем давать совет своему суверену, если он не совпадает с его настроениями и наклонностями»⁴.

Эту же важнейшую деталь подчеркивал и художник Орас Верне: «Все, что делается без участия общественного мнения, а лишь по воле одного человека, прекрасно организовано. Армия, школы, больницы приведены в образцовый порядок, и в них даже видна некоторая роскошь»⁵. Хотя, по его же словам, такой порядок наблюдается далеко не везде.

Кюстин, будучи представлен наряду с другими лицами императору, также точно подметил: «Все чувствовали, что императору довольно одного слова, одного взгляда, чтобы составить определенное мнение о каждом из гостей, а мнение императора – это мнение всех его подданных»⁶.

Николай, по мнению Кюстина, не просто решал абсолютно все; он, как Левиафан Гоббса, был всепроникающим: «Эта непрерывная царственность, которой все непрерывно поклоняются, была бы настоящей комедией, когда бы от этого всечасного представления не зависело существование шестидесяти миллионов человек, живущих потому только, что данный человек, на которого вы глядите и который держится как император, позволяет им дышать и диктует, как должны они воспользоваться его дозволением...»⁷.

Все французы подчеркивали предельную вежливость и любезность государя в общении. Верне откровенно восхищался Николаем, именуя его «Великим Человеком». Он писал жене: «Сам император, как всегда, являет собой образец совершенной красоты. Что я сделал для него? Пока еще совсем ничего, а он тем не менее обходится со мной так, словно сам обязан мне, да еще и почитает меня равным среди всех окружающих его персон!»⁸.

Маркиз де Кюстин, создавший крайне неприглядный образ России, лично к государю испытывал неизменное уважение и даже сочувствие: «Как бы там ни было, удивительная судьба российского императора внушает мне живой интерес и вызывает сочувствие: как не посочувствовать этому прославленному изгоя»⁹.

Все трое прекрасно понимали, что императора Николая на Западе плохо знали, больше на уровне слухов и домыслов. Верне писал: «...еще раз повторяю свое давнее убеждение: Европа глубоко заблуждается относительно характера его Величества»¹⁰.

Кюстин в своей книге приводит очень точное наблюдение императрицы Александры Федоровны, которая в разговоре с ним заметила: «Если мы вам понравимся, вы скажете об этом, но напрасно: вам не поверят; нас знают очень мало и не хотят узнать лучше»¹¹. Это весьма характерная деталь: она объясняет, почему из книги

Кюстина, где было сказано много хорошего о России, надергали нужных цитат, составив своеобразный дайджест, или пасквиль, растиражировав нужные клише и стереотипы.

Характеризуя личные качества Николая, французы, как, впрочем, и соотечественники императора, подмечали такое свойство его характера, как жестокость. Верне писал: «Я отдаю ему справедливость – это человек необыкновенный, но все-таки еще далекий от совершенства. Он обладает всем, чтобы завоевать сердца людей независимых; но когда у него есть хоть наималейшая власть, жестокость его такова, какой я не встречал ни у одного человека». Правда, отмечал Верне, «для поддержания всеобщего повиновения он и не может вести себя иначе». Художник связывал это с особенностями русского характера: «Русские во всех слоях общества настолько склонны к беспечности, что их можно сдерживать только страхом. Если русский не дрожит от страха – это самый ничемный человек в свете»¹².

Совсем иначе страх, присущий русским, трактовал Кюстин: «Страх в России замещает, то есть парализует, мысль; из власти одного этого чувства может родиться лишь видимость цивилизации; да простят меня близорукие законодатели, но страх никогда не станет душой правильно устроенного общества...»¹³.

Жестокость Николая подмечал и Барант, в целом оценивая образ правления позитивно. Он писал министру иностранных дел графу Луи Моле 22 декабря 1838 г.: «Его повеления могут быть суровыми, его воля – абсолютной и слишком быстрой, но у него больше, чем у всех окружающих, стремления к порядку, желания справедливости, любви к стране. Эти чувства бывают у него иногда дурно направлены, в его действиях нет иногда зрелого размышления, и это придает часто его правлению тираничный вид... Но, взятое в целом, его управление внутренними делами продолжает увеличивать силу и процветание империи и благосостояние его подданных»¹⁴.

Европейцами Россия часто воспринималась как восточное государство, более того, как восточная деспотия. Именно таковым считал правление Николая маркиз де Кюстин, подчеркивая неограниченный характер его власти: «Сегодня нет на земле другого человека, наделенного подобной властью и пользующегося ею, – нет ни в Турции, ни даже в Китае»¹⁵.

Восточным государством считал Россию и Орас Верне, отмечавший: «В сущности, разница между Россией и правлением Мехмет-Али не столь уж велика». Правда, это сходство он усматривал прежде всего не в деспотичности режимов, а в общности проблем: «Здесь, как и в Египте, внутри всего нарыв, который неизбежно прорвется»¹⁶.

Барант в этом плане был более сдержан. Он не считал Россию варварским, деспотичным государством, более того, подчеркивал общность путей развития России и Европы. В то же время он четко понимал, что Россия имеет собственную специфику, и ее нельзя подгонять под западные шаблоны и стереотипы. Об этом он писал графу де Моле 22 февраля 1838 г.: «Система управления и законы, действующие в [Российской империи], не могут сравниться с законами европейских государств. Их нужно рассматривать только применительно к русскому народу и к территории, на которой они действуют. Все и всегда там было отлично от того, что существует на Западе, и мы рискуем ничего не понять, если будем судить о русских по нашим меркам и представлениям»¹⁷.

Характеризуя состояние российской политической системы, Барант подчеркивал, что власть Николая I не имела своим началом «персональные фантазии» суверена: «Очевидно, между государем и подданными существует негласный договор, основанный на убеждении, что власть должна служить общественному благу, действовать в соответствии с разумом и справедливостью». Россия, по словам дипломата, прошла путь от «...абсолютной монархии, опирающейся на волю и страсти суверена», до монархии внешне также абсолютной, но «...ощущающей свой долг по отношению к стране и использующей свою власть во имя общественного блага»¹⁸. Более того, Барант, убежденный противник неограниченной власти, сам факт существования абсолютной монархии признавал совершенно необходимым для России. Это убеждение было свойственно едва ли не всем послам Франции в рассматриваемое время.

Россия в годы правления Николая I встала на путь активного реформирования общества. Это видели и французы, однако оценивали по-разному: если Барант и Верне позитивно воспринимали изменения, то Кюстин оценивал эти перемены настороженно. Барант, вовсе не идеализируя Россию и понимая, что ей далеко до цивилизованной Европы, видел главное: Россия встала на путь модернизации и медленно, но неуклонно двигалась в том же направлении, что и Европа. Он проводил водораздел между временем правления императора Павла I и николаевской Россией: «Между Россией 1801 г. и Россией 1837 г., между эпохой безумств Павла и царствованием императора Николая существуют важные различия, хотя форма правления и общественные классы внешне остались теми же»¹⁹.

Позитивные перемены в жизни России признавал и Верне: «...у меня нет никакого сомнения в том, что создаваемые правительством учреждения, несмотря ни на что, способствуют прогрессу»²⁰. Он, правда, подмечал военизированный характер преоб-

разований: «Здесь свобода вводится через армию. Каждый солдат становится свободным человеком, а его дети получают образование и достигают унтер-офицерских чинов...»²¹. И что особенно важно, Верне полагал, что преобразования – это те же «потемкинские деревни», лишь внешняя видимость.

Маркиз де Кюстин также видел серьезные изменения, происходящие в России, но последствия оных воспринимал как весьма опасные для Запада и самой России. Он усматривал гремучую смесь в активном заимствовании Россией как западных, так и восточных традиций: «Вообразите себе сноровку наших испытанных веками правительств, поставленную на службу еще молодому, хищному обществу; западные правила управления со всем их современным опытом, оказывающие помощь восточному деспотизму; европейскую дисциплину, поддерживающую азиатскую тиранию; внешнюю цивилизованность, направленную на то, чтобы скрыть варварство и тем продлить его, вместо того чтобы искоренить; узаконенную грубость и жестокость; тактику европейских армий, служащую к укреплению политики восточного двора; представьте себе полудикий народ, который построили в полки, не дав ни образования, ни воспитания, и вы поймете, какое моральное и общественное состояние русского народа»²². Кстати, эти опасения выражал и Верне: «Этой громадной армии когда-нибудь понадобятся враги, и чем больше завоеваний она делает, тем больший страх будет вызывать Россия у других стран»²³.

По-разному французы воспринимали и степень развития в России того, что на Западе уже называлось институтами гражданского общества. Барант был настроен весьма оптимистично. Он полагал, что в России не только власть изменила свое отношение к народу; изменились и сами люди. Несмотря на то что «...классы, составляющие нацию, остались в прежнем положении, без расширения их прав, без видимого изменения их положения, они уже далеко не те, какими были тридцать лет назад»²⁴.

Верне особенно поражало отсутствие в России социальной мобильности, лифтов: «Солдатские дети никогда не поднимутся выше унтер-офицеров... Здесь трудятся, не заботясь об урожае. Прививают апельсины к елям и надеются на добрые плоды»²⁵.

И совсем средневековую картину взаимоотношений подданных с властью представил Кюстин. По его мнению, для русских свойственно обожествление власти, ее восприятие как сакральной: «Русские почитают верховную власть как религию, авторитет которой не зависит от личных достоинств того или иного священника»²⁶. Соответственно все, происходящее от власти, священно, а ее

авторитет – непреерекаем; отсюда и рабская психология русского народа, и отношение власти к подданным как к рабам.

Если относительно степени развития институтов гражданского общества мнения французов расходились, то все они не принимали политику ограничения контактов с Западом, проводимую Николаем. И сдержанный Барант, и более эмоциональный Кюстин были в этом отношении единодушны. Барант писал: «Он уже преуспел в том, чтобы изолировать высшие классы не от нравов, не от моды, не от роскоши... Парижа и Лондона, но от обмена идеями и мнениями... Всякое подражание за границе, вместо того, чтобы быть разумно ограничено, запрещается при одном лишь намеке на сходство»²⁷.

По мнению же Кюстина, Николая и в целом русских даже преследовал призрак «злосчастного мнения Европы». Маркиз полагал, что русский человек в целом был подвержен ксенофобским настроениям: «Здесь правительство с его византийским духом, да и вся Россия всегда воспринимали дипломатический корпус и западных людей вообще как недоброжелательных и ревнивых шпионов. Между русскими и китайцами есть то сходство, что и те и другие вечно полагают, будто чужестранцы им завидуют; они судят о нас по себе»²⁸.

Важнейшая проблема, на которую не могли не обратить внимания французы – это крепостное право. Для Кюстина Россия в целом была страной рабов, несмотря на статус человека; Барант и Кюстин очень серьезно относились к проблеме крепостничества. Барант предостерегал, что нерешенность крестьянского вопроса могла привести Россию, правда, в «весьма отдаленном» будущем, к серьезным потрясениям: «Чем больше я об этом размышляю, тем больше мне кажется, что русское правительство, которое, нельзя сказать, что не предпринимает никаких мер для предотвращения восстаний, своими ошибочными действиями только готовит почву для будущих потрясений»²⁹.

Усилия императора по решению крестьянского вопроса были подмечены и Орасом Верне, писавшим на родину: «Убежден, что император ни к чему так не стремится, как к освобождению крепостных, но при столь развращенных нравах это невозможно... Для русских, от князя до мужика, совершенное счастье заключено в легкомыслии и безделье»³⁰. По опыту своей страны Верне отчетливо понимал, к чему может привести нерешенность насущных социальных проблем: «Как я уже говорил, в этой стране зреет нарыв, который, несомненно, прорвется, и все, у кого нет бороды, будут изничтожены»³¹.

Итак, какие же выводы делали французы, на чьи мнения мы ссылались относительно российской политической системы и перспектив развития России? Мнение Кюстина очень пессимистично:

«Россия – это безжизненное тело, колосс, который существует за счет головы, но все члены которого изнемогают, равно лишенные силы!..»³². Однако к русскому народу Кюстин относился с состраданием, а вовсе не с презрением: «Тяжелое чувство, владеющее мною с тех пор, как я живу среди русских, усиливается и оттого, что во всем мне открывается истинное достоинство этого угнетенного народа. Когда я думаю о том, что мог бы он совершить, будь он свободен, и когда вижу, что совершает он ныне, я весь киплю от гнева»³³. Эта проникнутая болью фраза может быть настоящим контраргументом другому, «растиражированному» Кюстином образу России, созданному по материалам его книги.

Щедро одаренный императором, Орас Верне покидал Россию с облегчением, воспроизводя в своих мыслях укоренившиеся клише: «О! Как жаль, что я не медведь! Эти существа знают свою страну и как в ней приспособиться: спят по полгода и сосут лапу, а живут только в остальные шесть месяцев. Но мы-то люди, и что нам здесь делать?»³⁴. И далее совсем уже безнадежно: «Нет, нет и тысячу раз нет – никакой цивилизации никогда не будет в этом гнусном месте. Самое большее, она может некоторое время прикидываться, будто существует здесь»³⁵.

Барон Проспер де Барант оказался, на первый взгляд, более оптимистичным: «...значительная часть нации... еще такая униженная и смиренная, значительно выросла в плане укрепления своего материального положения, приобщения к просвещению, осознанию своего достоинства. Она заслуживает лучшей доли и стремится к ней». Однако дальше оптимизма становится меньше. «...В это самое время правительство и часть высших слоев общества все больше и больше стремятся сохранить дистанцию и различия между собой и остальной страной. Они отказывают нации в правах, ставших справедливыми и законными. С помощью репрессивных мер они хотят сохранить тот порядок вещей, время которого уже прошло. Тем самым они готовят почву для революций. И чем больше эти революции будут сопряжены с изменениями не только власти, но и общества, тем более ужасными они будут»³⁶. И хотя в 1848 г. революция разразилась не в России, а во Франции, слова Баранта воспринимаются пугающе пророческими...

Примечания

¹ *Бре О., де.* Император Николай и его сподвижники // Николай I: pro et contra. Антология. СПб.: НОКО, 2011. С. 399.

² *Ляшенко Л.М.* Николай I: Случайный император. М.: АСТ-Пресс, 2013. С. 14.

- ³ *Верне О.* При дворе Николая I: Письма из Петербурга / Пер., вступ. ст. и коммент. Д. Васильева. М.: РОССПЭН, 2008. С. 105.
- ⁴ *Varante P., de.* Souvenirs du Baron de Varante: 1782–1866. Т. 1–8. Т. 5. Р.: Calmann Lévy, 1895. Р. 251.
- ⁵ *Верне О.* Указ. соч. С. 27–28.
- ⁶ *Кюстин А., де.* Россия в 1839 году. Т. 1–2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2008. Т. 1. С. 163.
- ⁷ Там же. С. 219.
- ⁸ *Верне О.* Указ. соч. С. 21.
- ⁹ *Кюстин А.* Указ. соч. С. 161.
- ¹⁰ *Верне О.* Указ. соч. С. 21.
- ¹¹ *Кюстин А.* Указ. соч. С. 163.
- ¹² *Верне О.* Указ. соч. С. 32.
- ¹³ *Кюстин А.* Указ. соч. С. 221.
- ¹⁴ *Тарле Е.В.* Император Николай I и крестьянский вопрос в России по неизданным донесениям французских дипломатов в 1842–1847 гг. // Тарле Е.В. Сочинения: В 12 т. М.: Изд-во АН СССР, 1957–1962. Т. 4. С. 572.
- ¹⁵ *Кюстин А.* Указ. соч. С. 219.
- ¹⁶ *Верне О.* Указ. соч. С. 12.
- ¹⁷ Цит. по: *Черкасов П.П.* Отмена крепостного права в России в донесениях французских дипломатов из Санкт-Петербурга (1856–1863) // Россия и Франция: XVIII–XX века. Вып. 8. М., 2008. С. 168.
- ¹⁸ *Varante P., de.* Notes sur la Russie. Р.: Michel Lévy frères, 1875. Р. 104–105.
- ¹⁹ Цит. по: *Черкасов П.П.* Указ. соч. С. 168.
- ²⁰ *Верне О.* Указ. соч. С. 22.
- ²¹ Там же. С. 22.
- ²² *Кюстин А.* Указ. соч. С. 219.
- ²³ *Верне О.* Указ. соч. С. 12.
- ²⁴ *Varante P., de.* Notes sur la Russie... Р. 108.
- ²⁵ *Верне О.* Указ. соч. С. 33.
- ²⁶ *Кюстин А.* Указ. соч. С. 160.
- ²⁷ *Varante P., de.* Notes sur la Russie... Р. 314–315.
- ²⁸ *Кюстин А.* Указ. соч. С. 221.
- ²⁹ *Varante P., de.* Notes sur la Russie... Р. 312.
- ³⁰ *Верне О.* Указ. соч. С. 50–51.
- ³¹ Там же. С. 33.
- ³² *Кюстин А.* Указ. соч. С. 221.
- ³³ Там же. С. 232.
- ³⁴ *Верне А.* Указ. соч. С. 71.
- ³⁵ Там же. С. 71–72.
- ³⁶ *Varante P., de.* Notes sur la Russie... Р. 315.

«Благородные защитники» и «неразумные дети»:
японская цветная гравюра конца XIX в.
как инструмент колониальной пропаганды

В статье рассматривается процесс формирования изобразительного канона пропагандистских изображений в Японии 1870–1890-х гг. Как и в других тоталитарных государствах первой половины XX в., в Японии создавалось огромное количество визуальной пропаганды, и стилистика изображения и избираемые сюжеты сходны с европейскими. Но и в ранний период становления японской колониальной империи в печати появляются сюжеты, создающие типично колониальный дискурс на дальневосточном материале. Мотив ребенка-варвара, которого спасает взрослый цивилизованный мужчина-японец, – один из наиболее популярных. В данной статье он рассматривается на примере ксилографий «Девочка из Ботан» (Хяккури Сандзин, 1874) и «Капитан Хигути» (Мидзуно Тосикага, 1895).

Ключевые слова: Япония, эпоха Мэйдзи, пропаганда, ксилография, колониальность.

С конца XIX в. в Японии формировались изобразительные каноны пропагандистских изображений, которые будут использоваться в почти неизменном виде до конца Второй мировой войны. Часто они исполняли роль своего рода агитационных материалов, призванных быстро обеспечить народную поддержку политики власти, в том числе захватнических войн и приращения сферы влияния за счет колоний и протекторатов. Помимо очевидно ожидаемых в таком контексте мотивов – например, батальных сцен или образа врага, – в изображениях обнаруживается часто повторяющийся мотив – это образы детей. Риторический прием, использующий семейную метафору, позволяет достичь поставленных

целей за счет обращения к эмоциям адресата при помощи легких для восприятия визуальных образов¹. На пропагандистских плакатах и открытках 1930-х гг. этот прием будет одним из основных. Но истоки метафоры «отца, поучающего неразумных детей», обнаруживаются уже в 1870-х гг. Рассмотрим это на примере двух необычных для того времени ксилографий.

Вторая половина XIX в. для Японии, как и для многих других стран Ближнего и Дальнего Востока, – время перемен. В японской историографии период с 1868 по 1912 г. принято называть эпохой Мэйдзи – по девизу правления императора Муцухито (его посмертное имя Мэйдзи), который правил в эти годы. В это время Япония вышла из режима добровольной самоизоляции, которую она поддерживала на протяжении более чем двух столетий, и околотельственные круги поставили своей целью модернизировать страну и превратить ее в «сильную державу», для того чтобы не стать колонией. За образец приняли европейские государства – Англию, Францию, Германию. Развитые страны того времени, как известно, представляли собой либо формирующиеся национальные государства, либо колониальные империи. Япония восприняла оба этих вектора. Несмотря на то что она не побывала ничьей колонией, с 1880-х гг. в стране возобладали антизападные националистические настроения, типологически сходные с теми, которые возникали в постколониальных государствах XIX–XX вв. И при этом Япония сама стала колониальной империей, которая вела захватнические войны и аннексировала территории в Юго-Восточной Азии. «Имперский» образ мысли затронул, конечно, не только политиков, но и широкие слои общества. В японской публицистике и литературе историософского толка на рубеже веков сформировалась колониальная концепция, включающая идею «варвара», нецивилизованного жителя окрестных стран, который только и ждет от Японской империи введения в просвещенный мир².

В дальнейшем японский колониализм получит теоретическое обоснование в виде доктрины паназиятизма, согласно которой народы Азии должны объединиться под началом Японии для того, чтобы противостоять «завоеванию Востока Западом». Основу этой идеологии составляли представления о превосходстве Японии над всеми остальными странами Азии и о том, что ее долг – указать им путь развития, поскольку только она сохранила в себе древнюю культуру Востока (в то время как Китай, прежний центр дальневосточной ойкумены, пришел в упадок) и одновременно восприняла достижения современной цивилизации³. В соответствии с древнекитайской концепцией пространства, которую взяли в качестве

базиса для теоретических построений авторы мэйдзийской имперской идеологии, другие народы Азии должны были стать варварским окружением, которое оттеняет культурность центра. Иерархия стран Востока (*Тоё:*) понималась как модель семьи в неоконфуцианском духе во главе с японским императором-отцом, т. е. как родительско-детские отношения⁴.

«Настоящей» колониальной империей Япония стала в 1895 г., когда в результате Первой японо-китайской войны (1894–1895) остров Тайвань стал первой японской колонией. Но история претензий Японии на эту территорию началась раньше. В конце 1871 г. поблизости от японских берегов произошел инцидент: несколько десятков рыбаков с архипелага Рюкю (в его состав входит остров Окинава) возвращались домой, их корабль потерпел крушение, и они были вынуждены высадиться на юге Тайваня, где подверглись нападению местных жителей. Правовой статус как королевства Рюкю, так и острова Тайвань на тот момент был неопределенным. Бывший в XVII в. голландской колонией под названием Формоза, с 1683 г. Тайвань формально считался подчиненным китайской империи Цин, но фактически не управлялся Китаем и не имел с ним существенных связей. Королевство Рюкю с начала XVII в. зависело то от Китая, то от Японии, бывало вассалом японского княжества Сацума и данником Цинского Китая. Но правительство в Токио приняло решение срочно объявить жителей Рюкю полноценными подданными императора Мэйдзи и получить таким образом «законное» право на военную операцию возмездия на Тайване. Эта военная операция, даже в самом японском правительстве многими не поддержанная, состоялась три года спустя: в 1874 г. японский отряд под командованием Сайго Цугимити (брата знаменитого Сайго Такамури, одного из ярких участников преобразований Мэйдзи, а затем – руководителя не менее известного антиправительственного самурайского мятежа) высадился на острове недалеко от деревни Ботан, чтобы наказать жителей этой деревни – предполагаемых виновных в убийстве рыбаков. Политическим итогом этого похода стало закрепление суверенитета Японии над архипелагом Рюкю⁵. Но для нас интереснее освещение этой операции в японской печати и его символический подтекст.

В состав карательной экспедиции Сайго Цугимити входил известный репортер «Токийской ежедневной газеты» (*То:нити симбун*, или полностью *То:кё: нитинити симбун*) Кисида Гинко (1833–1905). Поэтому различные события тайваньского похода, не вызвавшего сначала позитивного отклика ни среди элиты, ни в обществе в целом, нашли отражение на страницах этой крупной газеты.

В деревне Ботан военные захватили в плен девочку-подростка. Ее одели в японские (т.е. в «цивилизованные») одежды, а затем отвезли в Японию. Подразумевалось, что таким образом ей (а через нее – всем жителям Тайваня) покажут преимущества истинно просвещенной жизни. Прагматическая и более реалистичная цель, видимо, заключалась в том, чтобы продемонстрировать японцам зримый итог сомнительного Тайваньского похода. Затем ее вернули обратно, в деревню Ботан.

Этот визит освещался в печати. Так, в «Токийской ежедневной газете» (№ 726 от 26 июня 1874 г.) появилась статья, по мотивам которой несколько месяцев спустя была опубликована гравюра *нисики-э*⁶. На гравюре изображен момент, когда два японских солдата надевают на девочку пожалованное ей командиром отряда кимоно. Сопровождающая изображение надпись гласит:

Цветы ботан [пионы (кит.), омонимично названию деревни – *О.Л.*] кто-то стал называть двадцатидневной травой [*хаццука-гуса* (разг.)]. Девочка из Ботан стесняется говорить. Ее одежда – подарок генерал-губернатора, это не многослойное, а однослойное кимоно. Это изображение девочки, которая смиренно проделала долгий путь морем, наполненная раскрывшейся [*хиракэюку*; этот глагол регулярно используется в значении «просвещать», «окультуривать» – *О.Л.*] для нее императорской милости (*мэгуми*)⁷.

История с «приобщением варвара к цивилизации» вполне традиционна для западного колониального дискурса, и даже более раннего канона изображения «окультуривания» дикарей и миссионерства. Этот сюжет также прямо коррелирует с существовавшей на рубеже веков практикой колониальных выставок с «человеческими зоопарками», или «выставками людей». Также эту гравюру можно рассматривать как прототип для складывавшихся в то время канонов пропагандистских изображений, которые оказались тиражируемыми в условиях милитаристского централизованного государства 1890–1940-х гг.

Во-первых, на гравюре, изображающей девочку из Ботан, присутствует непосредственно момент «окультуривания» варвара подданными японского императора, символически обозначенный посредством смены одеяния. Одежда – это типичный как для церемониала дальневосточных культур, так и для визуальных искусств в целом маркер для обозначения статуса изображаемого человека. Мотив «просвещения» будет многократно повторяться в изображении событий японо-китайских войн, оккупированных Кореи и

Маньчжурии. Во-вторых, на роль варвара выбрана девочка, следовательно, гендер и возраст маркированы, отличаются от принятых по умолчанию – т. е. от зрелого мужчины. Таким образом, выбран тот типаж, который в риторике власти чаще предстает в качестве объекта, а не субъекта (т. е. служит для репрезентации желаемых качеств, приписываемых какому-либо социуму в целом, а не для изображения его активно действующего полноправного участника, обладающего индивидуальностью)⁸.

Изображение не-японца, варвара, в виде неспособного позаботиться о себе ребенка оказалось чрезвычайно популярным во время первой Японо-китайской войны (1894–1895). В японской прессе, а затем и в искусстве была широко растиражирована история капитана Хигути (неизвестно, существовал ли реальный прототип). Сообщалось, что некий капитан Хигути (в некоторых источниках у него есть и имя – Хигути Сэйдзабуро) услышал, что прямо на поле боя плачет маленький мальчик. Хигути подхватил ребенка на руки и вместе с ним повел своих подчиненных в атаку (в одной из версий есть уточнение, позволяющее предположить, что не из особого цинизма, а потому что на его отряд именно в этот момент напал неприятель), а после победы в битве вернул спасенного ребенка благодарным родителям⁹. В другом варианте истории говорилось, что Хигути передал мальчика пленнику-китайцу, чтобы тот вернул его родителям, а в награду затем был отпущен на свободу, в еще одной версии – что ребенок отказался покидать своего японского «спасителя», и Хигути был вынужден оставить его у себя на боевой позиции¹⁰. История капитана Хигути успешно вошла в нарратив военной пропаганды, так как иллюстрировала один из главных ее посылов: Японо-китайская война преподносилась как благородное стремление просвещенной и модернизированной Японии указать истинный путь своему косному и отсталому азиатскому соседу. Этот сюжет оказался воспетым в различных жанрах: в песне, на картине в западном стиле (художник направления *é:za* Асаи Тю написал в 1895 г. картину «Капитан Хигути, спасающий ребенка»)¹¹ и на многочисленных цветных гравюрах.

На гравюре художника Мидзуно Тосиката «Капитан Хигути» (1895) изображен самый драматичный эпизод истории: Хигути под градом стрел одной рукой прижимает к себе малыша, а в другой руке держит саблю, указывая путь своему отряду¹². Сопровождающая надпись гласит:

Командир 6-го батальона капитан Хигути, победив врага у Мотьянлина и продвигаясь к утесу высотой в 100 сяку, нашел на дороге покинутого ребенка, который плакал. Пожалев ребенка, который мог

бы замерзнуть до смерти, капитан Хигути подхватил ребенка на руки и продолжил движение. Неожиданно Хигути наткнулся на врага, и началась битва. Он обнял ребенка левой рукой, а правой выхватил саблю и повел своих людей в атаку. После он передал ребенка пленнику, чтобы он вернул его родителям, что показывает воинский дух и смелость наших солдат.

Другой часто изображенный эпизод истории – это момент возвращения ребенка отцу (или другому китайцу), передача его «на родину». Этот эпизод мы видим на гравюре художника Огата Гэкко «Капитан Хигути в разгар битвы самолично держит потерянного ребенка» (1895) и на вышеупомянутой картине Асаи Тю. Благодарно принимающий ребенка мужчина-китаец стоит перед Хигути на коленях, подразумевается, что он по недосмотру и из беспечности оставил мальчика в опасности. Таким образом, японские военные представляли не только смелыми воинами, но и благородными защитниками.

Примечательно, что противопоставление между японцами и китайцами, так же как и на гравюре, изображающей девочку из деревни Ботан, обозначено при помощи одежды. В изображении истории капитана Хигути все японцы в европейских мундирах и с отчасти европеизированными чертами лица, а китайцы, включая ребенка – в традиционном платье и с маньчжурской косичкой. Отметим, что двадцатью годами ранее на гравюре с девочкой из Ботан в качестве «цивилизующих» одежд изображалось японское кимоно, теперь же внешняя европеизация продвинулась дальше в сторону того, чтобы стать новой японской нормой.

Символические способы репрезентации «Сферы сопроцветания Великой Восточной Азии» (*Дайто:а кё:эйкэн*), которые представлены на пропагандистских открытках и плакатах в 1920–1930-е гг., будут использовать обе эти тенденции – изображение представителей других народов Азии как «варваров», которых обучают японцы, и выбор детских образов для более яркого обозначения их незрелости и подчиненности. Этот пропагандистский прием, безусловно, не уникален для Японии (ср., например, памятники солдату с ребенком на руках в Европе). Но в ранний период формирования изобразительных канонов японской пропаганды некоторые ее черты имели пока больше дальневосточной специфики, что можно видеть на рассмотренных ксилографиях.

- ¹ Ср.: Pozzi L. “Chinese Children Rise Up!”: Representations of Children in the Work of the Cartoon Propaganda Corps during the Second Sino-Japanese War [Электронный ресурс] // Cross-Currents E-Journal. 2014. No. 13 (December 2014). URL: <http://cross-currents.berkeley.edu/e-journal/issue-13> (дата обращения: 15.06.17).
- ² Подробнее см.: Tanaka S. Japan's Orient: Rendering Pasts into History. Berkeley: Univ. of California Press, 1993.
- ³ «Музеем азиатской цивилизации» называет Японию известный публицист Окакура Какудзо (1863–1913). См.: Окакура Какудзо. Идеалы Востока // Лебедева О.И. Искусство Японии на рубеже XIX–XX веков: взгляды и концепции Окакура Какудзо. М.: РГГУ, 2015. С. 88–92 (Orientalia et classica. LVIII).
- ⁴ Мещеряков А.Н. Быть японцем: история, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М.: Наталис, 2009. С. 314.
- ⁵ Подробнее о политической истории этого периода см.: Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2006. С. 315–328.
- ⁶ Hyakkuri Sanjin. Taiwan Botan girl [Электронный ресурс] // Tokyo nichinichi shinbun. No. 726 (26 June 1874). URL: http://www.nishikie.com/stories/TNS-0726_taiwan_botan_girl.html (дата обращения: 15.06.17).
- ⁷ Перевод ксилографической скорописной надписи выполнен в рамках семинара по чтению японских средневековых рукописей под руководством М.В. Торопыгиной (Институт востоковедения РАН, 2015).
- ⁸ Yuval-Davis N. Gender and Nation. L.: Sage Publications, 2012. P. 39.
- ⁹ Keene D. The Sino-Japanese War of 1894–95 and Its Cultural Effects in Japan // Tradition and Modernisation in Japanese Culture / Ed. by D. Shively. Princeton: Princeton Univ. Press, 1971. P. 140–141.
- ¹⁰ Eastlake F.W., Yamada Y. Heroic Japan: A History of the War between China & Japan. L.: Sampson Low, Maeston & Company, 1897. P. 333–334.
- ¹¹ Об исторической живописи ёга см.: Лебедева О.И. Историческая живопись ёга на рубеже XIX–XX веков // История и культура традиционной Японии. Вып. 9 (Orientalia et classica. LXV). М.; СПб., 2016. С. 323–333.
- ¹² Japanese Color Woodblock Print “Captain Higuchi” by Mizuno Toshikata, 1895 [Электронный ресурс] // The Lavenberg Collection of Japanese Prints. URL: <http://www.myanmarjapanesehanga.com/home/artists/mizuno-toshikata-1866-1908/captain-higuchi> (дата обращения: 15.06.17).

Салон Рахели Фарнхаген фон Энзе в контексте социокультурной жизни прусского общества в первой трети XIX в.

В статье рассматривается салон Рахели Фарнхаген фон Энзе – одной из самых известных женщин Пруссии первой трети XIX века – в контексте социокультурной жизни Германии указанного периода. Являясь распространенной формой коммуникации интеллектуалов, салоны стали площадками для свободного выражения мнений в условиях жесткой цензуры в Германском союзе, гарантом которой была Венская система. На основе источников личного происхождения – писем и дневников – будет определен круг лиц, принадлежавших к салону Рахели Фарнхаген фон Энзе и перечень обсуждавшихся в нем вопросов.

Ключевые слова: салон, Рахель Фарнхаген фон Энзе, зарождающееся гражданское общество, бидермейер, еврейский вопрос.

Первая половина XIX в. стала периодом тяжелых испытаний для Европы. Старый свет, переживший наполеоновские войны, несколько десятилетий жил в соответствии с принципами, провозглашенными на Венском конгрессе. При одобрении стран Священного союза подавлялись одна за другой революции в Европе и Латинской Америке, преследовалась либеральная печать.

Пруссия, пережившая в 1806–1815 гг. небывалый подъем патриотизма, жаждала социальных изменений. Проведенные Штейном, Гарденбергом и Вильгельмом фон Гумбольдтом реформы бюрократического либерализма означали начало перехода от Старого порядка к зарождающемуся индустриальному обществу.

Однако Карлсбадские решения 1819 г., направленные против университетских свобод и либеральной прессы, а также постановление Союзного сейма от 1832 г., принятое после разгона

участников демонстрации в Гамбахе, показали приверженность властей германских земель охранительным принципам политики Венского двора. Консервативный политический курс Фридриха Вильгельма III подвергался нападкам со стороны либеральной прессы¹. Надежды на принятие конституции и созыв народного представительства, о чем в годы войны с Наполеоном говорил прусский король, таяли на глазах.

На этом фоне любое проявление инакомыслия не могло остаться незамеченным. Именно тогда салоны, или «вечерние общества», стали прибежищами для оппозиционно настроенной интеллигенции.

Салон как форма общественной коммуникации зародился во Франции в XVII в. В доме великосветской дамы, наделенной обаянием и умением организовывать беседу, собирались люди разного социального происхождения². Главным критерием для участия в салонной жизни являлись хорошие манеры и умение поддерживать разговор³. Накануне революции 1789 г. салоны стали играть заметную роль в политической жизни Франции. В дома таких великосветских дам, как мадам Граммон и мадам Рошфор, стекалась политическая элита для обсуждения государственных дел, а в гостях у супруги министра финансов Франции Жака Неккера накануне революции бывали такие люди, как Кондорсе, Талейран, Сийес. Дочь супругов Неккер Анн-Луиз, известная как мадам де Сталь, благодаря своей неординарности обрела общеевропейскую славу, что сделало ее салон центром притяжения для членов правления Директории и многих выдающихся деятелей культуры со всей Европы⁴.

В Германию салонная культура пришла во второй половине XVIII в. В соответствии с теорией трансформации публичной сферы в Новое время, разработанной Ю. Хабермасом, салоны стали важным элементом зарождающегося в Германии конца XVIII в. гражданского общества, как противостоявшие государству объединения граждан⁵. На протяжении сорока лет – с 1790-х гг. по 1833 г. – одной из самых известных фигур салонной жизни Пруссии была Рахель Фарнхаген фон Энзе, урожденная Левин.

Рахель Фредерика Левин (1771–1833) родилась в семье прусского банкира и торговца ювелирными изделиями еврейского происхождения Маркуса Левина. В начале 90-х гг. XVIII в. Левин открыла свой первый салон, ставший одним из самых популярных в Берлине. В доме на Егерштрассе – улице, где проживала семья Левин – по вечерам собирался весь цвет немецкого общества. В разное время здесь бывали братья Вильгельм и Александр Гумбольдты, Фридрих и Август Шлегели, Тик, Новалис и др.

Юная Рахель Левин, резкая в суждениях и отличавшаяся оригинальностью мышления, вызывала интерес к своей персоне эрудицией и образом жизни⁶. Получая предложения о браке от таких людей, как граф Карл фон Филькенштейн, испанский дипломат Рафаэль д'Урквихо, Левин без колебаний разрывала помолвки⁷. Частыми гостями Левин были такие женщины, как графиня Пахта, состоявшая в гражданском браке с выходцем из бюргерской среды, и графиня Шлабрендофф, носившая мужскую одежду⁸. Ради встреч со своей возлюбленной, писательницей Паулиной Визель, в салон Рахели Левин часто заглядывал прусский принц Луи Фердинанд⁹.

Однако к 1806 г. блестящий век салонной культуры в Германии подошел к концу. Салон мадемуазель Левин, поражавший немецкую общественность плеядой выдающихся интеллектуалов, прекратил свое существование. Вторжение наполеоновской армии на территорию Пруссии заставило интеллектуальную элиту Берлина покинуть город.

В 1814 г., став женой своего давнего поклонника, видного дипломата и литератора Карла Фарнхагена фон Энзе, Рахель Левин сопровождала своего мужа в дипломатических поездках. Фарнхаген фон Энзе являлся пресс-секретарем прусской делегации при особе реформатора Гарденберга на Венском конгрессе, а затем и послом Пруссии в Бадене, где чета Фарнхагенов жила с 1815 по 1819 г.

1819 год был отмечен убийством популярного драматурга Августа фон Коцебу, выступавшего в своих памфлетах против академических свобод и радикального студенчества. Его смерть повлекла за собой разгон вышедших из-под контроля студенческих организаций и ужесточение цензуры. Карл Фарнхаген фон Энзе, впавший в немилость прусского двора из-за либеральных взглядов, после увольнения со службы вместе с супругой вернулся в Берлин. Здесь открыл свои двери второй салон Рахели Фарнхаген фон Энзе.

В Берлине чета Фарнхагенов принимала в своем доме высоких гостей. Ими были по большей части друзья Карла Фарнхагена по службе и писательскому ремеслу. Среди них был герой Лейпцига и Ватерлоо, генерал-фельдмаршал Август Вильгельм Гнейзенау, дипломат и один из составителей «Октябрьского эдикта» об освобождении прусских крестьян Фридрих фон Штегеман, братья Гумбольдты, историк Леопольд фон Ранке и правовед Карл фон Савиньи¹⁰.

Незадолго до выхода в свет в 1827 г. «Книги песен» выпускник Берлинского университета Генрих Гейне оказался вхож в салон Ра-

хели Фарнхаген. Сдружившись с хозяевами дома, Гейне познакомился с другим известным писателем еврейского происхождения – Людвигом Берне. Людвиг Берне, происходивший из семьи знаменитой банкирской династии Барухов из Франкфурта-на-Майне, семнадцатилетним юношей приехал в Берлин для обучения врачебному делу под руководством известного деятеля Хаскалы Маркуса Герца. Проживая в доме своего патрона, юный Берне приобщился к салону его жены – известной в интеллектуальных кругах красавицы Генриетты Герц (де Лемос), дочери сефардского еврея. В письмах, адресованных ей, проявилась вся экспрессивность его натуры¹¹.

В 1818 г. Берне заявил о себе как публицист. Его стиль отличали категоричность и прямолинейность. За нещадную критику Венской системы, при которой процветали доносительство и политическое интриганство, журналы, где печатались фельетоны Берне, закрывались. А в своем «Соденском дневнике» от 1830 г., куда вошли воспоминания и зарисовки о жизни курортного городка Соден, Берне совсем неместно отозвался о роли Гёте в жизни немецкого общества. Восседая на литературном олимпе, великий поэт, по мнению публициста, ни сделал ничего для борьбы за свободу и права¹².

Генрих Гейне и Рахель Фарнхаген обвинили Берне в крайнем субъективизме. Для поколения Левин Гёте был живой легендой, а его «Страдания молодого Вертера» и «Вильгельм Мейстер» считались вершинами литературного творчества. В памфлете, посвященном Берне после его смерти в 1837 г., Гейне обозначил антагонизм между Гёте и Берне как конфликт двух традиций, действующих в мировой истории – открытого миру, величественного эллинизма и замкнутого, склонного к спиритуализму назарейанства, воплощенного в иудаизме и христианстве¹³.

Берне, вплоть до своей эмиграции в Париж в 1830 г., бывал в доме Рахели Фарнхаген, несмотря на идейные разногласия между ними. В одном из писем к своей постоянной корреспондентке Жаннетте Воль он не скрывал своего разочарования от визита, нанесенного чете Фарнхагенов, державшихся подчеркнуто дипломатично, с некоторой боязливостью¹⁴. Разговоры о королевском дворе и благородных особах, которые заводил Фарнхаген, вызвали неприятие Берне, привыкшего в открытой форме обличать этих самых «душистей свободы»¹⁵.

Инертность и даже некоторая примирительная позиция по отношению к реальности, которую Берне отмечал у Фарнхагена, была свойственна и другим его современникам. Вильгельм фон

Гумбольдт, ярый защитник свободы личности, в свою бытность министром по делам вероисповеданий и просвещения считал целесообразным существование «действенной цензуры» в Германском союзе¹⁶. Следует отметить, что подобная позиция диктовалась ценностями эпохи бидермейер, отмеченной стремлением к обывательскому комфорту и индифферентностью к происходящему в обществе.

Тем не менее салон Рахели Фарнхаген фон Энзе притягивал к себе выдающихся интеллектуалов со всей Германии. Публика, собиравшаяся «на чай» к Рахели Фарнхаген, беседовала на самые разные темы. Ввиду жесточайшей цензуры подобного рода практика была одним из немногих способов обсудить актуальные общественно-политические вопросы. В один из вечеров, когда Рахель принимала в своем доме «общество», между ее гостями – доктором права, блестящим оратором Эдуардом Гансом и испанским послом вспыхнул конфликт. Убеденный либерал, Ганс, взгляды которого разделяли хозяева дома, выступил с жесткой критикой в адрес испанского короля Фердинанда VII, подавившего конституционное движение в Испании¹⁷. Опасаясь последствий, Рахель Фарнхаген сумела «молниеносной вспышкой своего непринужденного юмора» направить дискуссию в мирное русло.

Одной из насущных проблем прусской действительности эпохи Реставрации был рост религиозной нетерпимости. Времена, когда Берлин удивлял путешественников тем, что здесь евреи могли мирно сосуществовать с христианами¹⁸, канули в Лету вместе с идеалами, проповедовавшимися Лессингом в его «Натане Мудром»¹⁹. Патриотизм, охвативший прусскую интеллигенцию в годы борьбы с французской оккупацией, побудил пламенных романтиков Ахима фон Арнима и Клеменса фон Brentано учредить «Застольное общество», по уставу которого доступ в общество был закрыт для «французов, филистеров, евреев и женщин»²⁰. Эдикт от 1812 г., даровавший гражданские права еврейскому населению Пруссии, не вызвал одобрения в немецком обществе и крайне неохотно приводился в исполнение на вновь присоединенных к королевству по решению Венского конгресса территориях, а то и саботировался²¹. На этом фоне в 1819 г. Германию охватила волна антиеврейских выступлений²². На улицах Франкфурта-на-Майне, Дармштадта, Карлсруэ, Лейпцига, Дрездена и Гейдельберга в адрес евреев раздавались оскорбительные выкрики «хеп-хеп», что фактически являлось призывом к погромам еврейских жилищ, лавок и банкирских домов²³.

Рахель Левин, перешедшая в протестантизм ради брака с Карлом Фарнхагеном фон Энзе, чутко реагировала на происходящее

в обществе. Свою тревогу она разделяла с завсегдатаями своего салона – своим младшим братом, писателем и публицистом Людвигом Робертом, Генрихом Гейне и Эдвардом Гансом, также крещеными евреями. В письмах к Людовику Роберту, в 1819 г. находившемуся в Карлсруэ – одном из эпицентров антиеврейских настроений, – Рахель Фарнхаген писала: «...это не вина людей, которых научили выкрикивать “хеп”... Я знаю свою страну. К несчастью»²⁴. Всю вину за волну ненависти к еврейскому населению Фарнхаген возлагала, главным образом, на ультраправую прессу, регулярно выпускавшую листовки и статьи юдофобского содержания. К числу провокаторов она также относила Ахима фон Арнима и Клеменса фон Brentано – пламенных ораторов «Застольного общества», входивших в круг общения четы Фарнхаген и состоявших с ними в переписке²⁵.

В числе тех, кто защищал принцип веротерпимости, был и Фридрих Август фон Штегеман. Произведенный в чин статского советника после окончания войны с Наполеоном, Штегеман активно боролся за либерализацию законодательства Пруссии. В одном из писем Рахели Фарнхаген от 1816 г. он осудил действия Фридриха Вильгельма III, запретившего еврейское богослужение на немецком языке²⁶. Это решение, по мнению Штегемана, стало еще одним препятствием на пути интеграции евреев в немецкое общество.

Таким образом, салоны являлись популярной формой коммуникации интеллектуалов Германии первой трети XIX в. Рахель Фарнхаген была одной из самых заметных фигур салонной жизни Берлина на протяжении более чем сорока лет. В 1819–1833 гг., в обстановке всеобщей цензуры и контроля за обществом, в ее доме собирались виднейшие государственные деятели и писатели. Широкий круг лиц, принадлежавших к салону Рахели Фарнхаген фон Энзе, и острота обсуждавшихся в нем политических и социальных вопросов сделали его одним из самых популярных интеллектуальных сообществ Пруссии эпохи бидермейер.

Примечания

-
- ¹ Ростиславлева Н.В. Германские либералы первой половины XIX века. М.: РГГУ, 2010. С. 131.
 - ² Репина Л.П. Салонная культура XVII века и женское творчество // Идеи и люди: Интеллектуальная культура Европы в Новое время / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2014. С. 186.

- ³ *Неклюдова М.С.* Искусство частной жизни: Век Людовика XIV. М.: ОГИ, 2008. С. 25.
- ⁴ *Lund H.* Die ganze Welt auf ihrem Sopha. Frauen in europäischen Salons. Berlin: Trafo, 2004. S. 62.
- ⁵ *Habermas J.* The structural transformation of the public sphere. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1989. P. 46.
- ⁶ *Varnhagen von Ense К.А.* Denkwürdigkeiten des eigenen Lebens. Leipzig, 1871. Bd. 2. S. 89.
- ⁷ *Lund H.* Op. cit. S. 136.
- ⁸ *Ibid.* S. 132.
- ⁹ *Ibid.* S. 132.
- ¹⁰ *Wilhelmy-Dollinger P.* Die Berliner Salons. Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 2000. S. 139.
- ¹¹ См.: *Börne L.* Briefe des jungen Börne an Henriette Herz. Leipzig: Brockhaus, 1865.
- ¹² *Börne L.* Aus meinem Tagebuche // Börne L. Gesammelte Schriften. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1862. Bd. 3. S. 385.
- ¹³ *Heine H.* Über Ludwig Börne. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1840. S. 25.
- ¹⁴ Лüdwig Börne an Jeannette Wohl aus Berlin, den 18. Februar 1828 // Börne L. Nachgelassene Schriften: Briefe, 1824–1828. Mannheim: Bassermann, 1847. Bd. 3. S. 238.
- ¹⁵ *Ibid.* S. 239.
- ¹⁶ *Ростиславлева Н.В.* Идеи Вильгельма фон Гумбольдта в ракурсе понятия «бидермайер» // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. № 25/1. М., 2008. С. 388.
- ¹⁷ *Wilhelmy-Dollinger P.* Op. cit. S. 141.
- ¹⁸ Jean Paul an Karoline Herder, 12. Januar 1801 // Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen / Hg. von R. Schmitz. Berlin: Die Andere Bibliothek, 2013. S. 552.
- ¹⁹ Главным героем пьесы Г.Э. Лессинга «Натан Мудрый» (1779), действие которой разворачивается в Иерусалиме времен Крестовых походов, является еврейский купец Натан. Благодаря своей мудрости ему удается заслужить уважение рыцаря-храмовника и турецкого султана Саладина. Прообразом Натана Мудрого являлся друг Лессинга Мозес Мендельсон – лидер еврейского Просвещения (Хаскала) во второй половине XVIII в., пользовавшийся уважением как среди своих единоверцев, так и среди немецких интеллектуалов. См.: *Лессинг Г.Э.* Натан Мудрый // Лессинг Г. Избранное. М.: Худож. лит., 1980. С. 175–352.
- ²⁰ *Lund H.* Op. cit. S. 154.
- ²¹ *Gräfe T.* Antisemitismus in Deutschland: 1815–1918: Rezensionen-Forschungsüberblick-Bibliographie. Norderstedt: Books on Demand, 2010. S. 114.
- ²² *Tewarson H.T.* Jüdinsein um 1800. Bemerkungen zum Selbstverständnis der ersten Generation assimilierter Berliner Jüdinnen // Von einer Welt in die andere. Jüdinnen

im 19. und 20. Jahrhundert / Hg. von J. Dick und B. Hahn. Wien: Brandstätter, 1993. S. 59.

²³ Hertz D. How Jews became Germans. The History of Conversion and Assimilation in Berlin. New Haven: Yale Univ. Press, 2009. P. 160.

²⁴ Rahel Levin Varnhagen an Ludwig Robert in Karlsruhe, den 29. August 1819 // Rahel Levin Varnhagen: Briefwechsel mit Ludwig Robert / Hg. von C. Vigliero. München: Beck, 2001. S. 243.

²⁵ Ibid. S. 243.

²⁶ Friedrich Stägemann an Rahel Varnhagen aus Berlin, den 1. Februar 1816 // Aus dem Nachlass Varnhagen's von Ense. Briefe von Stägemann, Metternich, Heine und Bettina von Arnim. Leipzig: Brockhaus, 1865. S. 30.

Символы власти
в исторической памяти Германии
конца XIX – начала XX в.:
на примере культа Отто фон Бисмарка

В статье рассматриваются символы власти, сквозь призму которых историческая память представляла первого канцлера Германской империи Отто фон Бисмарка. Пристальное внимание автор уделила башням Бисмарка, которые были уникальным явлением на рубеже XIX–XX вв., важным символом единого государства и доказательством существования культа Бисмарка среди немецкой молодежи. Отмечаются также исторические основания мифологизации Бисмарка в конце XIX – начале XX в. Показано, что в современной Германии Бисмарк не воспринимается в исторической памяти в связи с политической символикой.

Ключевые слова: историческая память, Отто фон Бисмарк, политические символы Германской империи, феномен «Башен Бисмарка».

Историческая память всегда погружена в современность. Она актуализирует те события, те детали, которые ей удобны, отказываясь, таким образом, от груза прошлого. Алейда Асманн, признанный авторитет в изучении теории памяти, вспоминает на страницах своих работ важную дистинкцию выдающегося нидерландского историка Й. Хейзинги: тот называл историю духовной формой, в которой общество хранит свои отчеты о прошлом, принимая во внимание особенности внешней перспективы в формировании собственного образа¹. В работе «История в памяти» Алейда Асманн выделяет три измерения культуры памяти. Первый импульс – простое любопытство, ответом на которое являются публикации исторических книг, организация выставок, музеев². Вторым импульсом в измерении культуры памяти А. Асманн называет стремление «убедить в идентичности», замечая, что индивидуальная

и национальная идентичности доступны только благодаря истории, а воспоминания принадлежат к сути и потребности человека. Третье измерение – это универсальные, всеобщие, обобщенные, коммунитаризованные воспоминания³. В ходе изучения символов власти, связанных с первым канцлером Германской империи Отто фон Бисмарком, в исторической памяти Германии все эти измерения будут проявлять себя. Если иметь в виду актуализацию символов власти в культуре памяти, то наибольшее значение имеет второе измерение.

В 1885 г., в год 70-летнего юбилея Отто фон Бисмарка, была опубликована эпическая поэма Х. Хоффмейстера «Железный Зигфрид»⁴, которая «обыгрывала» биографию первого имперского канцлера в контексте классического германского сюжета о Зигфриде, героя «Песни о Нибелунгах». Бисмарк уже позиционировался как легендарный герой, способный духовно возродить нацию. Общекультурное прошлое стало основой начала мифологизации «железного канцлера». Что касается власти, то в поэме отстаивается идея независимости германцев от Римской империи, так как Зигфрид – это, в представлении Х. Хоффмейстера, Арминий, который одержал победу над легионами Вара в Тевтобургском лесу в 9 г. н. э. В 1875 г. Армию при финансовой поддержке самого кайзера Вильгельма I в Тевтобургском лесу, близ города Детмольд (земля Северный Рейн – Вестфалия), был водружен памятник. Стилистике этого памятника и особенно изображению Арминия (Германа) на обложке указанной книги Хоффмейстера будет более всего соответствовать сооруженный в 1906 г. памятник Бисмарку в Гамбурге, который стоит на холме парка на Эльбе и возвышается над рекой на 95 м, общая высота памятника 34,3 м.

После отставки Бисмарка, в 1895 г., с помпой был отпразднован его 80-летний юбилей. В ходе торжественных мероприятий мифологизация бывшего канцлера укрепилась. Кайзер Вильгельм II отправил Бисмарка в отставку и постарался предать его деятельность забвению, не желая публично и торжественно отметить его юбилей. Открытый посыл тогдашней власти – забвение. Состоялось заседание рейхстага, на котором было принято решение торжественно не отмечать юбилей Бисмарка. Но германское общество, прежде всего националисты, решило иначе. Миф о Бисмарке обретает контрпрезентативную функцию, т. е. настоящее противопоставляется недавнему прошлому⁵. Баронесса Шпитценберг записала в дневнике: «Весь Берлин стоит под знаком Бисмарка... Газеты говорят только о нем, в витринах и окнах выставлены его портреты, бюсты, книги.

На улицах торговцы в больших количествах предлагали мини-портреты Бисмарка, медали с его изображением, звучали сочиненные к его юбилею стихотворные здравицы⁶. Все эти юбилейные торжества вписываются в рамки культурной памяти, которая является частью коллективной памяти, опирающейся на социальный контекст⁷.

В середине 1890-х гг. сформировался круг стойких бисмаркианцев, среди них представители юнкерства, зажиточных городских слоев, обеспеченной профессуры, студенчества⁸. Именно они после смерти своего кумира стали инициаторами торжественного празднования дней рождения Бисмарка и создания «мест памяти», связанных с Бисмарком. В 1895 г. еще при жизни Бисмарка памятным местом стало его поместье Фридрихсру, куда устремились толпы националистов, чтобы поздравить Бисмарка с восьмидесятилетним юбилеем⁹. После своей отставки Бисмарк жил в этом поместье постоянно, поэтому именно оно еще при жизни первого канцлера стало одним из символов национального единства, а сам Бисмарк – основой конструирования национальной идентичности. В этом поместье он нашел упокоение: был погребен в семейном мавзолее Бисмарков.

В настоящее время поместье Фридрихсру, которое принадлежит потомкам Бисмарка, стало музеем и осталось «местом памяти», но прежнее символическое значение оно утратило. Так, историк Тильман Майер в год двухсотлетнего юбилея Отто фон Бисмарка на страницах сборника «Бисмарк: монолит. Рефлексии начала XXI века» пишет, что Бисмарку немцы обязаны созданием национального государства, и на все времена его имя будет связано с этим, в «этом заключается его величие, которое по праву вспоминают в Фридрихсру. Это же отражают дошедшие до XXI века многочисленные памятники Бисмарку»¹⁰. Однако в данном сборнике руководитель Фонда Бисмарка Ульрих Лаппенкюпер в статье «Наследство Бисмарка. Фридрихсру как медиум воспоминания» подчеркивает важность существования Фонда, поскольку «благодаря тесной связи выставки, музея, архива, “виртуальной версии Фридрихсру” на Интернет-сайте фонда и мавзолея Отто фон Бисмарка, в Европе нет лучше места памяти и познания европейской истории долгого XIX века и ее главных акторов, чем это маленькое сообщество в центре Саксонского леса». Автор видит интерес современных поколений к Бисмарку прежде всего как к части европейской истории «долгого» XIX века¹¹. Таким образом, Фридрихсру стало общим местом памяти европейцев.

В год смерти Бисмарка¹² в Германии начинает создаваться сеть ритуальных сооружений, связанных с его культом – прежде всего речь идет о башнях Бисмарка. Башня символизировала единение немецкого народа и его величие. Другой репрезентативный пример планирования пространства памяти Бисмарка связан с созданием колонн в его честь. Так, между 1903–1903 гг. на горе Хаммельсберг близ Рейнбека была сооружена одна из них, так называемая «колонна Бисмарка в Фридрихсру»¹³. Феномен башен Бисмарка обрел общегерманский размах. Они появились на всей территории Германской империи от Балтийского моря до Боденского озера. В 2014 г. в Германии вышла книга Йорга Билефельда и Альфреда Бюлленсбаха о башнях Бисмарка, где этот феномен был назван единственным в своем роде проявлением культа Бисмарка и одновременно одним из строительных курьезов своего времени¹⁴.

Инициатива возведения башен Бисмарка принадлежала студентам Германии. На вершине башен должны были находиться горящие факелы. Все это, по замыслу студентов, превращало Германию в «море света», облачало ее в огненный наряд. Они почитали Бисмарка не только как создателя Германской империи, но и как кумира немецкой молодежи. Бисмарк стал героической персонализацией величия Германии.

Предыстория строительства башен такова. 30 декабря 1898 г. в тюрингском городе Рудольштадт учитель гимназии Герман Ляйнхозе, выступая перед членами союза «Рудолштэдтер Абенд», озвучил идею строительства башни Бисмарка на пожертвования. В этот же вечер было собрано 1000 марок и уже в январе 1899 г. приступили к сооружению башни¹⁵. Очень спешили закончить строительство к 1 апреля – дню рождения Бисмарка. Г. Ляйнхозе мечтал таким образом прославить свой город. Действительно, община города Рудольштадт стала первой в истории, соорудившей башню Бисмарка с устройством для факельного огня на ее вершине. Она была невысока – около 10 метров и напоминала башню рыцарского замка.

Сооружение башен Бисмарка стало проявлением неформального патриотизма. Немецкие студенты считали необходимым таким образом выразить свою скорбь по усопшему Бисмарку. Чтобы реализовать проект «Башня Бисмарка», молодежь выступила с обращением, разослав свыше 50 000 писем в разные города, советы общин, председателям различных союзов и просто влиятельным гражданам следующего содержания: «От вершины башен из всех возможных источников в ночи башня должна излучать свет огня, от горы к горе

огонь должен, приветствуя, сокрушать на своем пути множество препятствий. Он должен символизировать и провозгласить публично все самое возвышенное, чистое, благородное, что в нас есть, призывая нас сохранять глубокую любовь к отечеству, немецкую мечту до самой смерти»¹⁶. Подобный призыв – показатель сложившегося и довольно сильного культа Бисмарка среди молодежи.

До начала Первой мировой войны было запланировано построить 410 башен, но реально было сооружено только 240 башен¹⁷. Как крупные, так и небольшие немецкие города, строя такие башни, стремились выразить индивидуальность своего города и вписаться в общую символику патриотического движения Германии. В Кёльне, например, была построена 40-метровая башня. В бранденбургском Ратенау башню венчала четырехметровая статуя Бисмарка. Некоторые города просто переделывали уже существующие высотные сооружения под башни Бисмарка. Огонь на башнях также зажигали в разное время. На большинстве башен (более 60) зажигали огонь в ночь на 1 апреля – в день рождения Бисмарка, на более чем 30 башнях – в самую короткую летнюю ночь, 22 июня, на 28 башнях – 2 сентября, в день победы германских войск над французами под Седаном в войне 1870–1871 гг., на некоторых – 30 июля, в день смерти Бисмарка. На каких-то башнях огонь и вовсе не зажигали, так как рядом находились высокие деревья, а местные жители боялись пожаров. Но очень скоро обнаружили другие преимущества башен – они стали прекрасным местом для обозрения окрестностей. Сейчас башни в основном используются именно так.

В настоящее время на территории ФРГ, по разным данным, существуют 146 башен¹⁸. Они более не являются символами единства и величия Германии. За пределами современной Германии, в Польше, в бывших имперских провинциях Германской империи Эльзас и Лотарингия (сейчас территория Франции), в Дании, Австрии, Чехии, а также на территории российской Калининградской области сохранились подобные сооружения. Башни строились также в колониях Германской империи – Камеруне, на территории Папуа – Новая Гвинея. Существует специальный сайт, который называется «Топография башен Бисмарка» («Bismarckturm-Topographie»), согласно его данным, общее число сохранившихся башен Бисмарка примерно 170¹⁹. Чаще всего они закрыты, но если кому-то очень хочется полюбоваться местными картинами природы и урбанистики, то башню могут открыть. Ключ от нее часто хранится у владельцев близлежащих кафе или закусочных. Бисмарк как фигура, которая «зажгла» сооружение башен,

более не является их смыслом. Например, в Геттингене, городе, где «железный канцлер» провел студенческие годы, местные жители дали довольно уничижительное прозвище такой башне, назвав ее «Elefantenklo» (клозет для слонов).

Утратив символический смысл, перестав быть ритуальным сооружением, башни специально не разрушаются, более того, они реставрируются, как это происходит, например, в Шеерсберге (Шлезвиг-Гольштейн), где башня бережно сохраняется, но не как «место памяти», не как символ германского единства, а как строение, являющееся достопримечательностью данной местности и позволяющее видеть безбрежные дали Балтийского моря. Пространство Германии перестроено, оно не является более пылающим облачением Бисмарка, а встроено в контекст региональной истории. Если попытаться определить регионы – лидеры по числу башен Бисмарка, то это довольно затруднительно, так как они активно строились на севере, западе, востоке, юге Германской империи. На северо-западе и в центре Германии башен несколько больше, чем в других регионах. Такое относительно равномерное распределение этих сооружений подтверждает, что вся Германия объединялась под знаменем Бисмарка, каждый регион стремился внести свою лепту в почитание первого канцлера. Единственная федеральная земля Германии, территория которой свободна от этого феномена, – это Саарланд²⁰.

Апогей восприятия Бисмарка как символа величия и процветания нации и германского государства пришелся на годы Первой мировой войны. Девиз Бисмарка – решать кризисные ситуации «железом и кровью» – был возведен в абсолют. В год столетнего юбилея первого канцлера, в 1915 г., в Германии было опубликовано около 160 изданий о нем, среди них и труды историков²¹. Главная мысль всех этих публикаций заключается в том, что именно Бисмарку немцы обязаны созданием единого сильного государства, что его образ уже деперсонализировался и стал олицетворением немецкости. Таким образом, Бисмарк отождествлялся в исторической памяти с самим германским государством, став главным его символом.

В настоящее время фигура Бисмарка утратила властно-символическое значение. «Железный канцлер» является хотя и крупной, но исторической, а не политической личностью, и актуализируется больше в плане истории изучения германской традиции становления социального государства, так как именно он положил начало его формированию в западном мире²². Именно так Бисмарк вписывается в универсальные, обобщенные, коммунитаризованные воспоминания о долгом XIX веке.

- ¹ Assman A. Geschichte im Gedächtnis: Von der individuellen Erfahrung zur öffentlichen Inszenierung. München: Beck, 2014. S. 27.
- ² Ibid. S. 25.
- ³ Ibid. S. 25–27.
- ⁴ Hoffmeister H. Der eiserne Sigfried: eine neuzeitliche Nibelungenmär. Berlin: Eberhardt, 1885.
- ⁵ Ассман Я. Культурная память. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 63.
- ⁶ Kolb E. Otto von Bismarck. Eine Biographie. München: Beck, 2014. S. 172. О праздновании 80-летнего юбилея Бисмарка подробнее см.: Ростиславлева Н.В. Национальная идентичность немцев в фокусе наследия Бисмарка // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2016. № 54. С. 335–348.
- ⁷ Хаттон П. История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2003. С. 191.
- ⁸ См.: Frankel R.E. Bismarck's Shadow. The Cult of Leadership and the Transformation of the German Right, 1898–1945. Oxford; N.Y.: Berg, 2005.
- ⁹ Подробнее об этом см.: Ростиславлева Н.В. Отто фон Бисмарк: трансформация культуры памяти // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 11. С. 120–129.
- ¹⁰ Mayer T. Bismarck vor Augen. Einführung // Bismarck: der Monolith. Reflexionen am Beginn des 21. Jahrhunderts / Hg. von T. Mayer. Hamburg: Osburg, 2015. S. 15.
- ¹¹ Lappenküper U. Bismarcks Erbe. Friedrichsruh als Medium der Erinnerung // Bismarck: der Monolith... S. 255. См. также: Ростиславлева Н.В. Бисмарк, Германия и Россия: размышления о новейших немецких изданиях к юбилею Отто фон Бисмарка // Новый исторический вестник. 2016. № 1 (47). С. 101–115.
- ¹² Бисмарк умер 30 июля 1898 г.
- ¹³ Epkenhans M., Lappenküper U., Seggern A., von. Otto von Bismarck: Aufbruch in die Moderne. München: Beck, 2015. S. 159.
- ¹⁴ Bielefeld J., Büllsbach A. Bismarcktürme. Architektur, Geschichte: Landschaftserlebnis. München: Morisel, 2014.
- ¹⁵ Lüpke M., von. Der Turnbau zu Bismarck [Электронный ресурс] // Spiegel Online. 22.12.2014. URL: <http://www.spiegel.de/einestages/bismarck-tuerme-personenkult-um-reichsgruender-a-1006644.html> (дата обращения: 14.07.2017).
- ¹⁶ Ibid.
- ¹⁷ Das Infoportal Bismarcktürme [Электронный ресурс] // URL: www.bismarcktuerme.de (дата обращения: 14.07.2017).
- ¹⁸ Автор книги о башнях Бисмарка Йорг Билефельд считает, что их осталось в современной Германии 146. См.: Bielefeld J., Büllsbach A. Op. cit. См. также: Das Infoportal Bismarcktürme...

¹⁹ См.: Das Infoportal Bismarcktürme...

²⁰ Ibid.

²¹ Подробнее об этом см.: *Ростиславлева Н.В.* Бисмарк, Германия и Россия...

²² *Кокка Ю.* Бисмарк и возникновение социального государства в Германии // Россия и Германия: Научный гумбольдтовский журнал. 2015. № 1–2 (9–10). С. 5–11. См. также: *Plumpe W.* Otto von Bismarck und die soziale Frage – Überlegungen zu einem alten Thema der deutschen Wirtschafts- und Sozialgeschichte // Bismarck: der Monolith... S. 197.

Политика имперских властей и национализм в сфере образования в Австро-Венгрии

Предметом изучения в статье является политика имперских властей в сфере образования в Австро-Венгрии на рубеже XIX–XX вв. и борьба славянской интеллигенции за создание национальных университетов в Брно, Триесте, Любляне и Львове. Исследование основано на архивных материалах, прессе и публицистике. В центре изучения – формирование национального образования как важный аспект борьбы за независимость.

Ключевые слова: славянские народы, национальное образование, правительство Австро-Венгрии, университеты.

После 1867 г. национальные движения так называемых австрийских славян в двуедином австро-венгерском государстве переживают период смены ориентиров, появления новых теорий и требований. Составной частью столкновений было социально-культурное движение за создание славянских университетов, в которых обучение велось бы на национальных языках. Эти высшие учебные заведения должны были стать центрами подготовки национальных кадров для дальнейшего экономического, политического и культурного развития славянских народов, а также центрами сосредоточения передовой общественной мысли. Новая ступень национальных движений была закономерным продолжением борьбы за развитие славянских языков как части культурного национализма славянских народов.

Австро-венгерский компромисс, достигнутый 15 марта 1867 г., не только не погасил, но скорее оживил национальные движения народов, не получивших статуса государствообразующих. В обеих частях двуединой монархии вопросы самоопределения наций

вышли на более высокий уровень и приобрели характер культурно-политических движений. Власти Австро-Венгрии вынуждены были считаться с растущими требованиями, особенно это касалось австрийской части – Цислейтании, объявившей официальную культурную автономию народов.

Каждое из ее сменявшихся с удручающей частотой правительств уделяло особое внимание национальному вопросу. Недовольные дуализацией империи славяне уже в 1867 г. выступили с идеей триализма или преобразования двуединой Австро-Венгерской монархии в триединую, путем выделения третьего, славянского, государственно-политического центра. Либеральный кабинет А. Ауэрсперга (1867–1879 гг.) в ответ на это постарался найти опору среди польских дворян, предоставив полякам Галиции административное управление и языковые привилегии.

С 1879 по 1893 г. у власти находился консервативный кабинет Э. Тааффе. В парламенте опорой ему служили австрийские клерикалы, польские дворяне и представители умеренного политического течения старочехов в Богемии и Моравии. Осуществляя политику лавирования между политическими группами и национальностями империи, Э. Тааффе делал уступки чехам и полякам. Так, первые получили большинство в Сейме Чешских земель, увеличили свое представительство в рейхсрате. А в 1882 г. в Пражском университете было введено преподавание на чешском языке. Это вызвало острый национальный конфликт и разделение университета на немецкий и чешский.

В 1893 г. Э. Тааффе получил отставку. Заменивший его на посту главы правительства политик польского происхождения К.Ф. Бадени 5 апреля 1897 г. опубликовал проект закона об официальных языках, который придал чешскому в Богемии статус второго государственного и вменил в обязанность чиновникам в Чешских землях использовать в работе и немецкий, и чешский языки. Кроме того, с 1 июня 1901 г. претендент на должность должен был сдать экзамены на хорошее владение ими. Это законодательство вызвало негодование немецкого населения Богемии. Начались национальные демонстрации в нескольких городах монархии и схватки между немецкими и чешскими депутатами в парламенте, парализовавшие его работу в Цислейтании. К.Ф. Бадени даже был легко ранен на дуэли с немецким депутатом Г. Вольфом, оскорбившим его. 28 ноября того же года Бадени вынудили подать в отставку. Принятое им законодательство было отменено.

На таком политическом фоне развернулось движение за создание национальных славянских высших учебных заведений. Планы

основания словенского университета возникли в период подъема политического и национального движения этого народа в 1848 г. Десятилетием позже в чешских землях начало утверждаться требование учреждения самостоятельного чешского университета. Они оба окончательно оформились уже в 90-е гг. XIX в., но развивались без прямых контактов, скорее параллельно, чем во взаимосвязи. Движения за основание национальных славянских высших учебных заведений носили преимущественно культурный характер, но косвенно соприкасались с политикой и объединяли не слишком широкие слои населения – интеллигенцию, деятелей культуры и представителей политических кругов.

На рубеже XIX и XX вв. оформилось украинское движение в Галиции. Его основным требованием стало образование украинского университета во Львове. Интересно, что существовавший польский университет не удовлетворял национальным запросам русинского студенчества, которое требовало «утраквизации (в данном случае двуязычия. – *О. С.*) на деле»¹. Первоначально преобразование польского университета предполагалось осуществить путем создания всех необходимых русинских кафедр². Однако Министерство культуры и образования не отреагировало на петиции украинского студенчества Галиции. Отметим, что в их составлении не приняла участия польская сторона.

Организирующим центром этих движений стал Карлов университет в Праге, в котором обучались студенты различных славянских национальностей. Они активно включались в движение за образование второго чешского университета и информировали чешскую общественность о ходе национально-культурной борьбы на своей родине.

Открытию словенского университета противостояла штирийская³ элита, как родовая, так и предпринимательская, усматривающая в этом, как и в чешском движении, угрозу возвращения панславизма и панруссизма. Образования собственного университета добивалось итальянское население. Это требование находило у правительства больший отклик, чем подобные устремления чехов, словенцев и украинцев, еще и потому, что за спиной итальянского населения Австро-Венгрии стояла союзническая Италия. Так, 6 ноября 1901 г. министр культуры и образования Э. Гартель заявил делегации итальянских студентов, что правительство собирается в ближайшее время основать итальянский университет в Триесте⁴.

На данном этапе противопоставление «славяне – не славяне» в правительственной политике становится взаимным. Поэтому огромное значение вновь приобретают совместные действия и под-

держка славянских народов в национально-культурном и, в частности, в языковом движении. В начале XX в. наблюдалось тесное переплетение интересов австрийских славян.

Ярко это проявилось на собрании 1 декабря 1901 г., созванном по инициативе Славянского клуба в одном из районов Праги – на Краловских Виноградах. С главным докладом выступил младочешский⁵ депутат Я. Гарольд, который осудил отношение немцев к славянским культурным устремлениям, выразил убеждение, что словенцы имеют право на открытие национальных высших учебных заведений и заверил их в безоговорочной поддержке всего чешского народа, выразив готовность «совместными усилиями добиваться проведения в жизнь справедливого требования наших югославянских братьев, которые могут быть уверены, что не только собравшиеся здесь, но и весь чешский народ готов поддержать их в этой борьбе столь долго, сколько потребуется для достижения желаемого результата»⁶.

От имени словенцев выступил депутат Б. Плой. Он заявил, что образование университета в Любляне является одним из самых злободневных вопросов жизни южных славян и дал высокую оценку отношению чешской общественности к этому требованию:

Вы, чехи, своими силами, настойчивостью, своими способностями и своей работой уже достигли того, что вся Европа обратила внимание на ваши культурные и экономические достижения. Ваши успехи – пример нам, словенцам... Тем больше мы довольны нашими совместными действиями в защиту прав чешского и словенского народов... Мы обещаем вам свою поддержку в борьбе за открытие чешского университета в Брно⁷.

В завершение собрания была принята резолюция, направленная в адрес чешской палаты депутатов рейхсрата. В ней было высказано требование всесторонней поддержки национально-культурной борьбы не только чехов, но также словенцев и украинцев⁸. Следовательно, движение в поддержку образования национальных славянских университетов выходило на политическую арену и вовлекало в себя более широкий круг деятелей культуры и политики.

Особая роль в политическом и культурном движении австрийских славян принадлежит наиболее консолидированной в тот исторический момент чешской нации. Чехи тоже добивались создания университетского центра, так как нуждались в дальнейшем формировании национальной интеллигенции и предпринимательства в крупнейшей области чешских земель – Моравии. В австрийском

рейхсрате чехи в то же время защищали права чешского языка как средства официального внутреннего делопроизводства.

Стремление к созданию высшего учебного заведения в Моравии возникло в 50-х гг. XIX в. В 1862 г. была опубликована первая чешская статья, посвященная этой задаче. Ее стержнем были два вопроса – язык обучения в моравском университете и город его основания⁹. Национальная проблема являлась основной, так как Моравия на три четверти была населена чехами, но политически находилась под немецкой властью.

В качестве возможных университетских центров в статье предлагались Оломоуц и Брно, языком обучения авторы однозначно называли чешский¹⁰.

С инициативой открытия в городе крупного учебного центра в 1870 г. выступил муниципалитет Брно. В петиции, поданной правительству Австро-Венгрии, утверждалось, что город прекрасно расположен в центре пересечения железнодорожных путей и других коммуникаций; в нем размещены земельные управленческие организации; Брно является промышленным, медицинским, научным и образовательным центром, а также располагает хорошим жилищным фондом, а главное – университет с XVI в. уже существовал в Брно, но позднее был возвращен в место своего создания – Оломоуц.

В петиции отмечалось: «Оломоуц – город, пропитанный милитаристским и клерикальным духом, – не может стать центром научной и культурной жизни Моравии»¹¹. Национальный характер будущего университета в документе не обсуждался.

В пользу создания в Моравии чешского университетского центра в последней четверти XIX в. неоднократно высказывались научные и общественные деятели Австро-Венгрии. В 1867 г. видный ученый Я.Е. Пуркине писал: «Так как чехи и словаки в Чехии, Моравии и Словакии превышают семь миллионов, и их количество быстро возрастает, вскоре появится необходимость образования второго университета»¹². А в 1885 г. его словам вторил профессор и общественный деятель Т.Г. Масарик, утверждая: «Те, кто имеет представление о современном научном развитии, подтвердят, что раз мы имеем один университет, то должны иметь и второй»¹³. Вообще, по мнению Т.Г. Масарика, открытие второго чешского университетского центра улучшило бы развитие научного знания в Австро-Венгрии, явившись сильнейшим стимулом к развитию конкуренции, без которой невозможно само развитие науки¹⁴.

В 1882 г. чехи получили возможность учиться на родном языке в университете Праги. Это еще больше вдохновило их на борьбу за создание высшего учебного заведения в Моравии.

Особенно сильно необходимость получения образования на родном языке у себя дома чувствовали студенты из Силезии и Моравии, обучавшиеся в Праге. 9 сентября 1889 г. на студенческом собрании в Кромержиже при обсуждении главного пункта программы – организации литературной работы в Моравии была принята резолюция о необходимости создания в этом крае национального университета¹⁵.

Требование моравских студентов было поддержано политическими кругами. В его пользу выступили депутаты чешского Сейма. 30 сентября 1889 г. А. Мезник выдвинул проект создания высшего учебного заведения, разделенного между крупными моравскими городами. Юридический факультет планировалось открыть в Оломоуце, а медицинский – в Брно. Национальный характер будущего университета обсужден не был, и это вызвало резкую критику со стороны более радикально настроенных представителей партии младочехов и моравского студенчества.

В 1894 и 1895 гг. в моравский земский Сейм от имени фракции чешских депутатов был подан проект образования университета с обучением на чешском языке¹⁶. Его автором выступил депутат Й. Жачек.

Интересно, что венская профессура не только не возражала, но даже поддерживала требование чехов. Например, профессор медицинского факультета университета в Вене Э. Альберт утверждал, что необходимость подготовки собственных преподавательских кадров в Моравии делает создание чешского высшего учебного заведения там всего лишь вопросом времени¹⁷.

В конце XIX в. правительство Австро-Венгрии из-за усилившегося петиционного движения было вынуждено официально признать справедливость требований чехов. 7 ноября 1896 г. П. Гауч, министр культуры и образования, выступая в комитете по бюджету, выразил согласие правительства с необходимостью организации университета в Моравии и высшего технического училища в Брно¹⁸. Однако свое выступление П. Гауч построил с расчетом погасить недовольство немцев слишком большими, на их взгляд, уступками славянским народам и положить конец критике национальной политики правительства.

В ноябре 1896 г. проходили переговоры австрийского министра-президента К.Ф. Бадени с одним из идейных вдохновителей партии младочехов Й. Кайзлом о переходе партии от оппозиции к сотрудничеству. В качестве уступки за это, помимо равноправия чешского и немецкого языков во внутригосударственной жизни, младочехам было обещано создание чешского университета в Мо-

равии. Но вскоре стало ясно, что правительство, признав необходимость организации новых учебных заведений, представляло их совершенно различными: училище – чисто чешским, университет – двуязычным¹⁹.

Интересно, что в тот же самый исторический период немецкое население Моравского края задумалось о создании там университета. Идея была широко поддержана политиками и деятелями культуры. 13 января 1896 г. муниципалитет Брно составил петицию в земельный Сейм. В ней были приведены следующие аргументы в пользу открытия высшего учебного заведения: отмечалась высокая численность немецкого населения, большое количество средних школ и обучающихся в них лиц немецкой национальности, для которых не хватало мест в Венском университете, а высокий уровень развития немецкой культуры и экономики требовал большего количества специалистов с высшим образованием – юристов, врачей, философов и др.

Очевидно, что доводы, приводимые немцами, были практически идентичны доводам чехов. Противоречия проявлялись при определении национального характера будущего университета. Различным было также отношение к требованиям соперников: чехи, выступая за создание собственного университета, сочувствовали аналогичным требованиям немцев. А немецкая общественность отрицала право чешского народа на национальный университет, что ярко демонстрировало их приверженность традиционному положению наций в государстве.

Австрийское правительство на рубеже XIX и XX вв. проводило политику лавирования и частичных уступок требованиям всех национальностей, населяющих монархию, но больше всего при этом учитывало свои финансовые возможности. Чешская профессура в Праге, получив одобрение государственной власти, начала подготовку преподавательских кадров для будущего университета.

В сентябре 1903 г. в земском Сейме Моравии одновременно чешскими и немецкими депутатами были предложены проекты организации национальных университетов. Столь острому вопросу посвятили отдельное заседание Сейма 28 октября.

От имени немецких депутатов выступил А. Оберляйтер. Он ратовал за создание немецкого университета, доказывая логичность и финансовую выгодность этого, так как, по его мнению, немцы лишь стремились восстановить старый Оломоуцкий немецкий университет, тогда как чехи настаивали на организации нового. Чешский депутат Й. Жачек возразил Оберляйтеру, указав, что обучение в университете Оломоуца носило средневековый характер и велось на

латинском языке, следовательно, он не может быть назван немецким²⁰. Оба проекта были предложены к обсуждению в специально образованном комитете, в задачи которого входили подготовка проекта избирательной реформы для земского Сейма и решение национальных проблем Моравии в целом.

Идея образования чешского университета в Брно стала еще более популярной в 1904–1905 гг., во время борьбы за всеобщее равное избирательное право. В 1905 г. был принят Моравский пакт, частично уравнивавший чехов и немцев в национально-политических и национально-культурных правах. Он укрепил политическое положение, расширил языковые и культурные привилегии чешского народа.

23 марта 1908 г. на обсуждение в рейхсрате было представлено несколько проектов. Депутат Й. Жачек предлагал образовать в Моравии университет с обучением на славянском языке. Резолюцию о необходимости образования словенского университета вынес на обсуждение депутат М. Корощец. Проект учреждения украинского университета во Львове не был представлен, так как депутат О. Романчук счел его выполнение нереальным²¹.

Интересный, хотя уже не новый проект был выдвинут на собрании прогрессивно настроенных словенских студентов, которое состоялось в Праге в конце летнего семестра 1907–1908 учебного года. Предложение М. Ростогара заключалось в следующем: словенские доценты должны пройти в Праге подготовку для преподавания в будущем национальном университете. Там же они должны приобрести научные знания и читать первые лекции. Исходя из этого, М. Ростогар совершенно справедливо отмечал, что лекции на словенском языке в Пражском университете имели бы успех лишь в том случае, если бы тот был центром обучения словенских студентов. Ростогар подчеркивал, что это никоим образом не должно было изменить чешский характер Пражского университета, так как данная мера была бы временной. Конечная же ее цель – образование университета в Любляне и подготовка научных кадров преподавателей²².

Пражский университет стал центром общеславянской научной и общественной мысли. В какой-то мере чехи находились в более выгодном положении в отношении образования второго национального университета – они имели прочную базу для подготовки научных кадров, могли оказать помощь в этом другим славянским народам.

В начале XX в., во время «правительственной чехарды», когда у власти с 1897 по 1914 г. сменилось 15 кабинетов, национальный

вопрос все больше смещался в плоскость социально-политической борьбы.

Символично, что словенский университет в Любляне, также как и чешский университет в Брно, были образованы одновременно в 1919 г. – после развала Австро-Венгрии и после возникновения Чехословацкой республики и Королевства сербов, хорватов и словенцев. Украинский университет во Львове был образован только после Второй мировой войны.

Совместное движение славянских народов Австро-Венгрии за образование национальных университетов явилось качественно новым этапом в национальном становлении австрийских славян. Интересно, что объединение культурных и национальных интересов практически их всех, за исключением поляков, в языковой и, особенно, в университетской борьбе произошло после краха идей австрославизма²³ и триализма, когда вера в славянскую федерацию в составе Австро-Венгрии была сильно поколеблена. И хотя в политической сфере неуклонно росло стремление воплотить в жизнь формулу «одна культура – одно государство»²⁴, первый ее этап – окончательное оформление всех институтов национальной культуры и науки – славянские народы Австрийской империи предпочли пройти вместе.

Примечания

¹ Zprávy // Slovanské Slovaniky přehled. 1902. R. 4. Č. 102.

² Ibid.

³ Штирия – историческая провинция (ныне – федеральная земля) на юго-востоке Австрии. Крупнейший город – Грац. На юге граничит со Словенией.

⁴ Říšská rada. Poslanecká sněmovná. Z Vidně 7. listopadu // Národní listy. R. 41. Č. 308. 08.11.1901.

⁵ Национальная партия свободомыслящих (младочешская). Образована в декабре 1874 г. вследствие раскола Национальной партии.

⁶ Manifestační shůže pro nové slovanské univerzity // Národní listy. Ročník 41. Č. 332. 02.12.1901.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

⁹ Univerzita na Moravě // Moravská orlice. R. 2. Č. 138. 18.06.1864.

¹⁰ Vysoké školy na Moravě // Moravská orlice. R. 2. Č. 57. 11.03.1870.

¹¹ Vahálík J., Derka J. Česka univerzita na Moravě. Praha, 1891. S. 5–7.

¹² Purkyně J. Sebrané spisy. Praha, 1965. S. 114.

¹³ Vahálík J., Derka J. Op. cit. S. 40–41.

- ¹⁴ *Masaryk T.* Druhá česká univerzita // *Naše doba.* 1894. R. 1. S. 670–725.
- ¹⁵ *Kostomarský F.* Česka univerzita na Moravě // *Časopis českého studentstva.* 1889. R. 1. S. 146–147.
- ¹⁶ Řeč poslance dr. J. Žačka, pronesená 24. t.m. na sněmu pro zřízení české univerzity na Moravě // *Moravská orlice.* R. 33. Č. 39. 16.01.1895.
- ¹⁷ Za druhou českou univerzitu // *Čas.* 1891. R. 5. Č. 12. S. 635–659.
- ¹⁸ Moravké vysoké školy v rozpočtovém výboru // *Lidové noviny.* R. 4. Č. 258. 08.11.1896.
- ¹⁹ Politické zprávy // *Moravská orlice.* R. 34. Č. 261. 11.11.1896.
- ²⁰ Statní archiv Brno. Sněmovní list o sezení moravského sněmu zemského, svolaného nejvyšším patentem ze dne 14. prosince 1902. Č. 992. L. I.
- ²¹ Rozpočtový výbor // *Lidové noviny.* R. 16. Č. 3–25, 84–87. 1908.
- ²² *Jordan J.* Společné úsilí o zřízení druhé české univerzity v Brně, slovinské univerzity v Lublani a ukrajinské univerzity ve Lvově // *Slovanské přehled.* 1979. R. 5. S. 383–412.
- ²³ Австрославизм – идея преобразования Австрийской империи в конституционное, федеративное государство, в котором славянам, как и остальным народам, должны быть предоставлены права широкой федерации. Оформилась в 1846–1848 гг. Авторами явились чешский ученый-историк и общественный деятель Ф. Палацкий, а также поэт, публицист и политический деятель К. Гавличек-Боровский.
- ²⁴ *Геллер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса // *Путь.* 1992. № 1. С. 28.

Образ советской России
на страницах журнала «Вельтбюне»:
1917–1921 гг.

Журнал «Вельтбюне» – одно из ведущих демократических изданий Веймарской республики – уделял особое внимание России. Русская революция и победа большевиков вызвали в немецком обществе дискуссии о путях дальнейшего развития советской системы. Левые интеллектуалы Германии активно участвовали в публицистической полемике на «русскую тему», особенно в период становления советского режима (1917–1921 гг.). В статье показывается, что восприятие Советской России носило неоднозначный и спорный характер в левом идеологическом лагере (СДПГ, НСДПГ). С одной стороны, приветствовалось освобождение от царизма и имперской политики, с другой – подвергались критике массовый террор и жестокие методы большевиков, направленные на сохранение собственной единоличной власти.

Ключевые слова: Веймарская республика, СДПГ, Советская Россия, Русская революция, большевизм, журнал «Вельтбюне», левые интеллектуалы.

Окончание Первой мировой войны произошло на фоне стремительной реализации революционных идей в Европе и мире. Грандиозное событие, каким без сомнения явилась Октябрьская революция¹, не только внесло новые акценты в российско-германские отношения, но и отразилось на взаимном восприятии народов и культур двух стран. После Ноябрьской революции в 1918 г. немецкие интеллектуалы, как левого, так и правого толка, приняли участие в разработке собственной национальной идеологической модели постреволюционного развития Германии. В этой связи опыт России стал чрезвычайно востребован. Большевицкие идеи о новом государстве и обществе стали рассматриваться как альтернатива

западной буржуазной системе строительства и развития государства. С этого времени в фокусе немецких интеллектуалов оказалась советская Россия.

Кроме того, после российской революции 1917 г. именно германская 1918/19 гг. была важнейшим звеном в цепи начавшейся международной, европейской революции. То, что эти звенья оказались разнородными, несоединимыми, в решающей мере определило в дальнейшем неудачу революции мировой, которую в то время ожидали, о которой мечтали революционеры².

Захват власти большевиками рассматривался и маркировался в немецких текстах как революция, которая обозначалась либо «октябрьской», либо «большевистской», либо «русской». Отметим, что все три определения обладали синонимическим характером. Подобное употребление было характерно не только для текстов «консервативной революции», но и для коммунистов, социал-демократов и национал-социалистов. Терминологического расхождения относительно событий Октября 1917 г. – «революция», «захват» или «переворот» – в немецких текстах любой политической силы не наблюдается.

Основные дискуссии велись не вокруг обозначений и терминов, разногласие вызывало содержание и оценки Октябрьской революции, ее последствия для России и мира. Рассуждения на эту тему и стали отправной точкой для создания образа России, который был для каждой политической силы Веймарской Германии свой.

Спартаконцами, а в дальнейшем и Коммунистической партией Германии (КПГ) Октябрьская революция 1917 г. воспринималась как долгожданное освобождение рабочего класса и угнетенного крестьянства от помещиков и капиталистов. Немецкие коммунисты полностью поддерживали роль (и цели) большевистской России в мире³.

Позиция социал-демократов имела двойственный характер. С одной стороны, имелось какое-то подобие основополагающей симпатии к русским, которые свергли царизм, приветствовалось освобождение русского народа, но осуждались насилие и террор, в частности диктатура пролетариата. В то же время можно отчетливо проследить мифологический императив, господствовавший в представлениях о России, сложившийся еще накануне и в годы Первой мировой войны. Так, видный деятель социал-демократической партии, депутат, участник революционных событий в 1918 г. Г. Носке писал: «В этот момент мы все ощущаем долг бороться против господства русского кнута. Женщины и дети Германии не должны стать жертвами русских зверств, немецкая страна – добы-

чей казаков. ...Поэтому в данный момент мы защищаем все, что относится к немецкой культуре и немецкой свободе, от беспощадного варварского врага»⁴. В позиции социал-демократической партии Германии (СДПГ) относительно восприятия России и конструирования ее образа прослеживается историческая преемственность, идущая от размышлений Маркса и Энгельса периода революционных волнений в Европе 1848–1849 гг.⁵

СДПГ явно отмежевывалась от автократического и недемократического стиля власти Ленина, а затем и Сталина. К тому же СДПГ отныне боялась претензий русских коммунистов на мировую славу, т. к. они апеллировали к тем же адресатам, а именно к рабочему классу, тем самым грозя серьезной конкуренцией собственному реформаторскому курсу⁶. В целом коммунизм понимался как конкурент собственным внутривнутриполитическим идеалам и рассматривался как идеологический противник⁷.

Образ большевистской России в среде германской социал-демократии определялся влиянием трех основных факторов, действие которых далеко не всегда было одновекторным: идеологическими традициями, событиями внутри самой Германии и ее внешнеполитическим положением. Большое значение имел образ России, сложившийся до Первой мировой войны. Несмотря на все уважение к русским революционерам, социал-демократы рассматривали русских как отстающую в цивилизационном и социально-экономическом отношении нацию. Исходя из собственных представлений, германские социал-демократы считали эволюционное развитие, уровень индустриализации, зрелость рабочего движения, правового государства и демократии показателями, определяющими степень готовности страны к социализму. Попытка осуществить его в отсталой аграрной России казалась им нереальным и рискованным предприятием⁸.

Особое место в создании и внутреннем наполнении образа России и большевизма различными оценочными суждениями занимал журнал «Вельтбюне» («Die Weltbühne»). В значительной степени издание было ориентировано на ту часть образованного населения Германии, которая либо с интересом относилась к левой идеологии, либо напрямую разделяла левые политические установки. Это касалось как членов партий (СДПГ, Независимая социал-демократическая партия Германии (НСДПГ), КПП), так и сочувствующих (различные клубы, объединения и организации). Издание служило своеобразным рупором левых интеллектуалов и оставалось таковым на всем протяжении существования Веймарской республики⁹.

Журнал «Die Weltbühne» был основан в 1905 г. как литературно-искусствоведческий, до 1918 г. издавался под названием «Шаубюне» («Die Schaubühne»), но в связи с начавшими превалировать в нем общественно-политическими проблемами был переименован¹⁰. Расширение тематического поля было связано как с общественно-политическими изменениями в Германии, так и с усилившимися идейными столкновениями, которые с провозглашением республики уже не только носили теоретический характер, а имели реальные политические последствия, в частности в виде борьбы за голоса избирателей. До 1926 г. издателем и руководителем журнала был Зигфрид Якобсон¹¹, после смерти которого фактическими руководителями стали Курт Тухольский и Карл фон Оссецкий. Радикально-демократическая направленность журнала, публицистическая борьба его авторов с оппонентами из правого лагеря, с представителями антидемократических сил стала основной причиной закрытия журнала 7 марта 1933 г. после установления национал-социалистической диктатуры.

К общей характеристике издания необходимо также отнести периодичность издания – один раз в неделю и тираж, который колебался от 10 (1925 г.) до 15 тыс. (1930 г.)¹². Кроме того, необходимо отметить, что, начиная с январского номера 1920 г., журнал отказался от готического набора и перешел на антикву, что можно расценивать как выражение демократической направленности «Вельтбюне» не только с точки зрения содержания, но и формы¹³.

Одним из вопросов, который находился в центре внимания публицистов – значение революционных изменений в России, прежде всего, захват власти большевиками и провозглашение первого в мире государства рабочих и крестьян не только для бывшей Российской империи, но для всего мира. Может ли этот опыт быть распространен на другие страны и не является ли это реальной угрозой для капиталистической системы в целом¹⁴. Если для статей 1918–1922 гг. было характерно некоторое сомнение в том, что большевики смогут удержать власть, то после провозглашения нэпа авторов скорее занимал вопрос, к чему приведет экономическая либерализация и как это повлияет на внутреннюю политику большевиков.

Основанием для скепсиса в отношении способности большевиков удержать власть были гражданская война и как следствие массовый террор, провозглашенный Лениным для всех, кто не проявлял лояльность советскому режиму. В статье 1919 г. «Россия и Германия» автор, анализируя действия Деникина и его успехи в отношениях с правительствами стран Антанты, предрекает: «Дни

советского господства сочтены, но трагедия заключается в том, что на смену ему придет не демократия, а жестокая реакция»¹⁵. При этом «русская контрреволюция угрожает не только европейскому развитию, но и представляет огромную опасность для немецкой демократии». Вина за подобное развитие событий целиком и полностью возлагается на западноевропейский социализм, в частности на представителей его левого крыла, которые ничего не сделали для того, чтобы остановить brutальные политические действия своих товарищей из России. Тем самым можно говорить о том, что большевики все еще воспринимались как часть общеевропейского социалистического фронта, в одном ряду с которыми были европейские ультраевые социал-демократы. Кроме того, можно отметить и то, что создание и ведение пропагандистской работы III Интернационала еще не рассматривалось как большевизация мирового социалистического движения, а восприятие большевизма было свободным от понимания этого явления как исключительно национального русского феномена.

Знакомство немецкого читателя с историей российской социал-демократии логично связать с ростом интереса к большевизму *per se*. Вероятно, именно здесь зарождается постепенное размежевание с большевизмом европейского, в частности немецкого, социалистического движения. Начиная с 1920 г. в «Вельтбюне» выходит сразу несколько статей, касающихся истории развития российской социал-демократии. Элиас Гурвич¹⁶, уроженец Российской империи, хорошо знакомый с русскими реалиями, читающий по-русски (в его статьях часто можно встретить ссылки на советские газеты), в статье «Социалистические партии в России» дал краткий обзор истории становления социал-демократической идеи в России, объяснив, кто такие эсеры, почему и когда возник раскол на большевиков и меньшевиков. При этом последние, по его мнению, «являются истинными хранителями традиций российской социал-демократии, восходящей к Плеханову», – в то время как большевики «всегда выступали за абсолютный централизм и милитаризацию партии»¹⁷. Тем самым доказывалось, что массовый террор является продолжением заявления Ленина об «осадном положении в партии» и, по сути, лежит в самой идее большевизма. Следуя этой же логике, Гурвич призывает отказаться от блокады Советской России, объявление которой «приведет к бесчисленным невинным жертвам, умирающим от голода», и заключить мир с большевиками для того, чтобы лишить их мобилизационной силы: «большевизм, сущность которого заключается в *religio militans*, сохраняется и укрепляется благодаря борьбе с ним... Если заключить

мир, то большевизм лишится своей воинственной платформы и будет вынужден показать, что он может свершить позитивного на самом деле»¹⁸.

Критика большевиков за их «нечеловеческие методы ведения политической борьбы и устранение оппозиции при помощи ВЧК» нашла свое отражение в статье Гурвича, посвященной конфликту между большевиками и эсерами. Последние, как и Виктор Чернов, вынужденный спасаться бегством за границу из-за своих критических высказываний, явно вызывают симпатии автора, который определяет эсеров как «единственную в настоящий момент партию в России, способную быть в оппозиции к большевикам»¹⁹. Такое подробное освещение внутривнутриполитических конфликтов, идеологических нюансов российских социалистических партий и революционных требований заведомо усложняло восприятие событий в России характерными особенностями и деталями, требующими владения историческим и политическим контекстом. Но в то же время это способствовало расширению объема представлений о развитии ситуации в России, ее пониманию с помощью рациональной, аналитической системы аргументации и доказательств, что в конечном итоге приводит к демистификации русской революции и большевизма.

Причины революции в России, стремительного развития которой в сторону советской системы никто не ожидал, на страницах журнала «Вельтбюне», как правило, объяснялись аграрной (крестьянской) спецификой экономики страны. Такая точка зрения существовала на всем протяжении рассматриваемого нами периода. В статье 1917 г. автор замечает: «Радикализация русской революции проистекает не из трудов западноевропейских социалистических идей, как многие полагают. Ее причины необходимо искать исключительно в аграрной традиции России»²⁰.

Такой же точки зрения придерживался и Г. Штрёбель в своей статье 1920 г., в которой рассматривал истоки русской революции и заочно полемизировал с Р. Ролланом, ставя под сомнение «мистические духовные силы русского народа, с помощью которых и была устроена революция... Истоки русской революции объясняются довольно легко и просто без всякой мистики: экономическими отношениями... Большевицкая революция – это крестьянская революция»²¹. Примечательно и название статьи, которое должно было выражать суть крестьянской специфики революции в России – «Триумф недочеловечности»: «Большевицкая система является системой господства меньшинства и поэтому она не может не опираться на террор и диктатуру, которые являются следствием отсут-

ствия культуры у русского крестьянина. Экономическая отсталость и низкое культурное развитие, которые больше нигде не встречаются в Западной Европе, делают там невозможным большевистское господство»²². В данном случае ход авторских размышлений во многом должен был способствовать успокоению социал-демократически ориентированного читателя, который, с одной стороны, испытывал неподдельный интерес к колоссальным изменениям в России, с другой – опасался распространения большевизма в Германии.

Голод, охвативший Советскую Россию в 1921–1922 гг., рассматривался на страницах журнала «Вельтбюне» как прямое следствие массового террора и гражданской войны. Так, Э. Гурвич отмечает, что «экономика России лежит в руинах не из-за мировой войны, как это все еще любят объяснять большевики, а из-за их собственной неумелой политики»²³. Масштабы катастрофы были известны в Германии не только благодаря многочисленным публикациям, но и различным мероприятиям (выставкам, собраниям и т. д.) вокруг этой тематики²⁴. Страшная трагедия, безусловно, привнесла в дискуссии о Советской России гуманистическое измерение, вызывающее сочувствие к невинным жертвам, оказавшимся заложниками политической ситуации. В то же время это способствовало возобновлению разговоров о «скором падении советской власти, которое ждут с момента захвата власти большевиками»²⁵.

Неспособность советского правительства решить экономические проблемы, по мнению Э. Гурвича, привело к восстанию в Кронштадте, которое большевики «пытаются выдать за “белогвардейский заговор”, хотя на самом деле это реакция народа на враждебную ему политику советских властителей»²⁶. Примечательно, что автор, описывая события марта 1921 г., ссылаясь в своей статье на «Кронштадтские Известия», а не на эмигрантские издания, которые воспринимались как предвзятые и ложные. Это же распространялось и на самих эмигрантов, прежде всего аристократов, представителей буржуазии. В этом плане показательна заметка К. Тухольского «Белые русские», которые «живут по всей Европе и единственное, что их объединяет – мечь... поэтому они не могут быть судьями Советской России»²⁷.

Таким образом, в размышления о русской революции и большевизме в первые годы существования Советской России преследовали цель понять причины и истоки этих явлений, которые сводились, прежде всего, к аграрному вопросу, а также спрогнозировать траекторию развития режима в ближайшей перспективе. Отмечались тактический талант большевиков, которые были способны разыграть карту внешней угрозы для консолидации населения и партии против враждеб-

ного капиталистического окружения. При этом методы, которые использовались для этой цели, подвергались беспощадной критике как бесчеловечные и не заслуживающие никакого оправдания. Другим важным смысловым элементом в рассуждениях на «русскую тему» был вопрос о возможной внутренней эволюции режима не столько под давлением извне, сколько под воздействием внутренних причин, таких как Кронштадтское восстание и голод 1921–1922 гг.

Примечания

- ¹ Блестящий анализ влияния Октябрьской революции на развитие мирового сообщества в XX столетии провел Эрик Хобсбаум. В частности, он отметил: «Казалось очевидным, что прежний мир обречен. ...Человечеству нужна была альтернатива. ...Казалось, что нужен лишь сигнал, и народ поднимется, чтобы заменить капитализм социализмом, а бессмысленные страдания мировой войны – чем-то более позитивным, например кровавыми муками и конвульсиями рождения нового мира. Русская революция или, точнее, большевистская революция в октябре 1917 г. была воспринята миром в качестве такого сигнала» (*Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: короткий двадцатый век: 1914–1991. М.: Независимая газета, 2004. С. 66*).
- ² *Драбкин Я.С.* Коминтерн и Германия в свете архивных документов // Россия и Германия: События, образы, люди. Вып. 3: Материалы международной научной конференции «Россия и Германия: опыт и уроки отношений XIX–XX вв.». Воронеж, 2000. С. 66.
- ³ *Gorski G.* Deutsch-sowjetische Freundschaft: Ein historischer Abriss von 1917 bis zur Gegenwart. Berlin (Ost): Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1975. S. 20.
- ⁴ Цит. по: *Vemme B.* Представления немцев о России в XX столетии // Веймарская республика: история и источниковедение. Иваново: ИГУ, 2001. С. 21.
- ⁵ В статье Энгельса «Русские», опубликованной в «Новой рейнской газете» (*Neue Rheinische Zeitung*) 19 апреля 1848 г., рисовалась довольно мрачная картина: «Полмиллиона вооруженных и организованных варваров только ждут подходящего момента, чтобы напасть на Германию и превратить нас в крепостных православного царя... Победа контрреволюции в Вене и Берлине еще недостаточно сильно подействовала на нас. Но когда Германия почувствует на себе русский кнут, тогда-то уж она поведет себя несколько иначе» (*Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений: Т. 1–39. Т. 6. М.: Госполитиздат, 1957. С. 470*).
- ⁶ *Lösche P.* Der Bolschewismus im Urteil der deutschen Sozialdemokratie: 1903–1920. Berlin: Colloquium, 1967. S. 33.
- ⁷ *Zaruský J.* Die deutsche Sozialdemokraten und das sowjetische Modell: Ideologische Auseinandersetzung und außenpolitischen Konzeptionen: 1917–1933 // Studien zur Zeitgeschichte. München, 1992. Bd. 39. S. 20–21.

- ⁸ Кардашова Е.В. Эволюция образа большевистской России в СДПГ в 1917–1919 гг. // Германия и Россия: События, образы, люди: Сб. российско-германских исследований: Вып. 2. Воронеж: ВГУ, 1999. С. 43.
- ⁹ *Ensling A.* Die Weltbühne, Organ der intellektuellen Linken. Münster: Fahle, 1962.
- ¹⁰ Буск И.Я. Пресса Веймарской Германии. Иваново: ИГУ, 1995. С. 137.
- ¹¹ Зигфрид Якобсон (Siegfried Jacobsohn), журналист и театральный критик, в значительной степени повлиявший на развитие художественной Германии и, прежде всего, Берлина накануне Первой мировой войны и в послевоенные годы в период «Золотых двадцатых».
- ¹² Буск И.Я. Указ. соч. С. 137.
- ¹³ Приверженность к готическому, а значит – истинно немецкому шрифту служила своеобразным маркером политической ориентации. Так, например, консервативно ориентированные издания «Die Tat» или «Süddeutsche Monatshefte» и др. набирались готическим шрифтом, который рассматривался как выражение германской исключительности. Подробнее об этом см.: *Rück P.* Die Sprache der Schrift. Zur Geschichte des Frakturverbots von 1941 // Homo scribens. Perspektiven der Schriftlichkeitsforschung. Tübingen: Niemeyer, 1993. S. 231–272.
- ¹⁴ Lorarius (Alfons Goldschmidt) Neue Kurse // Schaubühne 13/II, Nr. 50, 13.12. 1917. S. 573–574.
- ¹⁵ *Ströbel H.* Rußland und Deutschland // Weltbühne 15/II, Nr. 44, 23.10.1919. S. 497.
- ¹⁶ Элиас Гурвич (Elias Hurwicz) (1884–1973) родился в Рогачеве, после еврейских погромов 1905 г. его семья переехала в Берлин. В 1920-е гг. активно публикуется в различных демократически ориентированных изданиях на тему русской революции и Советской России. См.: Hurwicz Elias // Lexikon deutsch-jüdischer Autoren. Bd. 12., München: Saur, 2005. S. 280–286.
- ¹⁷ *Hurwicz E.* Die sozialistischen Parteien Rußlands // Weltbühne 16/I, Nr. 19, 06.05.1920. S. 521.
- ¹⁸ *Hurwicz E.* Friede mit den Rußland // Weltbühne 16/I, Nr. 05, 29.01.1920. S. 138–139.
- ¹⁹ *Hurwicz E.* Bolschewiki und Sozialrevolutionäre // Weltbühne 17/I, Nr. 04, 07.01.1921. S. 94–97.
- ²⁰ Lorarius (Alfons Goldschmidt) Neue Kurse // Schaubühne 13/II, Nr. 50, 13.12. 1917. S. 573.
- ²¹ *Ströbel H.* Der Triumph des Untermenschentum // Weltbühne 16/II, Nr. 27. 01.07.1920. S. 2–3.
- ²² Ibid. S. 3.
- ²³ *Hurwicz E.* Der Ausverkauft Rußlands // Weltbühne 17/I, Nr. 08, 24.02.1921. S. 214.
- ²⁴ *Fischer H.* Das hungernde Rußland // Weltbühne 18/II, Nr. 32, 10.08.1922. S. 150–151.
- ²⁵ *Hurwicz E.* Um das hungernde Rußland // Weltbühne 17/II, Nr. 38, 22.09.1921. S. 283.
- ²⁶ *Hurwicz E.* Götzendämmerung in Rußland // Weltbühne 17/I, Nr. 13, 31.03.1921. S. 354.
- ²⁷ *Wrobel I. (Tucholsky K.)* Weiße Russen // Weltbühne 21/I, Nr. 08, 24.02.1925. S. 239.

Современная партийная система Канады: особенности развития

Цель статьи – провести историко-сравнительное исследование партийных систем Канады на федеральном и провинциальном уровнях. Автор приходит к выводу о том, что на общенациональном уровне существует двухпартийная система Канады, в отличие от регионального, для которого возможна многопартийность. Автор считает, что социальная и региональная база, сформированная для партийных систем Квебека, Онтарио, провинций канадского Запада, Атлантических провинций Канады, самым тесным образом была связана с историческими, экономическими и национальными особенностями их развития.

Ключевые слова: двухпартийная система, многопартийность, Квебек, Онтарио, Альберта, Р. Левек, Р. Бурасса, К. Уэллс.

Ключевым вопросом применительно к партийной системе Канады является вопрос о том, двухпартийна ли она или многопартийна. В частности, это явилось предметом интересной и оживленной дискуссии, имевшей место на научной сессии памяти Вадима Александровича Коленеко (1943–2011), проводившейся 30 мая 2016 г. в Центре североамериканских исследований Института всеобщей истории Российской академии наук¹.

На федеральном уровне в Канаде сложилась классическая двухпартийная система с попеременным приходом к власти консерваторов и либералов.

Напротив, на провинциальном уровне складывается принципиально иная ситуация. В отдельных субъектах канадской федерации велика роль других политических партий, отвечающих исключительно региональной специфике и предпочтениям избирателей.

В ряде канадских провинций можно найти очень интересные примеры подтверждения этого тезиса. Например, во франкоязычной провинции Квебек классическая двухпартийная система, основанная на попеременном нахождении у власти либералов и консерваторов, завершила свое существование уже в 1897 г.

Последним премьер-министром Квебека от Консервативной партии явился Эдмунд Джеймс Флинн, который в 1897 г. проиграл провинциальные выборы Либеральной партии во главе с Ф.Г. Маршаном². Провал квебекских консерваторов на этих выборах был непосредственно связан с общим кризисом консервативной идеологии в Канаде, наступившим в связи со смертью в 1891 г. бессменного лидера Либерально-консервативной (Консервативной) партии Канады премьер-министра Канады Дж. Макдональда, последовательно побеждавшего со своей партией на федеральных выборах 1867, 1872, 1878, 1882, 1887 и 1891 гг.³ Больше никогда в квебекской политической истории консерваторы не формировали в провинции правительство парламентского большинства или меньшинства. Напротив, либералы Квебека около сорока лет, с 1936 по 1987 г., находились без перерыва у власти. С 1936 г. в Квебеке наметилась очередная партийная перегруппировка, в результате которой на политическую авансцену вышла партия «Национальный союз», возглавляемая ее лидерами М. Дюплесси, А. Годбу, П. Совэ, А. Барретом, Ж.Ж. Бертраном и другими⁴. Партия доминировала в квебекской общественно-политической жизни до 1970 г. и наряду с либералами в течение длительного времени находилась у власти. Можно вполне согласиться с точкой зрения, высказываемой в отечественной историографии, о том, что режим М. Дюплесси представлял собой политический режим «затмения»⁵. Направленность политики М. Дюплесси всегда было очень сложно определить, поскольку она была очень разноплановой и зачастую объединяла в себе несочетаемые, порой противоречащие друг другу черты. С одной стороны, Национальный союз выступал за сохранение национальных прав франкоканадцев, но с другой – выступал за интенсивное сотрудничество с американским и англо-канадским капиталом, который, безусловно, поддерживал социальное и экономическое развитие провинции. Кроме того, выступая за патернализм в сфере трудовых отношений, Национальный союз одновременно боролся с рабочим движением. Параллельно партия Национальный союз опиралась еще на два специфических направления своей деятельности – антисоветскую риторику и резкое усиление влияния католической церкви в общественно-политической жизни провинции.

С 1976 г. наступили очередные изменения в партийной системе Квебека, что было связано с приходом к власти в провинции Квебекской партии⁶. Современная политическая программа Квебекской партии, последовательно сменяющей у власти Либеральную партию в этой провинции в течение сорока лет, четко предусматривает достижение суверенитета Квебека. В частности, в программе отмечено: «Опираясь на существующие политические свободы, Квебекская партия своей главной задачей считает достижение суверенитета Квебека, которое может быть достигнуто в результате голосования его граждан на референдуме»⁷. В то же время само идейно-философское понимание и толкование идеи суверенитета Квебека в общественно-политических кругах провинции в последние несколько десятилетий были далеко не однозначными. Концепция суверенитета Квебека эволюционировала в течение длительного времени и представители Квебекской и Либеральной партий провинции видели будущее Квебека по-разному.

Лидер Квебекской партии и премьер-министр Квебека Р. Левек после прихода его партии к власти в провинции 1976 г. выдвинул концепцию «суверенитета-ассоциации», предусматривающую политический суверенитет Квебека при сохранении его экономической ассоциации с англоязычной Канадой⁸. Эта концепция была приоритетна в период нахождения у власти Квебекской партии с 1976 по 1985 г., и Р. Левек последовательно озвучивал ее содержание в средствах массовой информации. Напротив, премьер-министр Квебека от Либеральной партии Р. Бурасса в 1985–1994 гг. являлся сторонником предоставления провинции статуса «особого общества» путем заключения Мичлейкского и Шарлоттаунского конституционных соглашений с федеральным правительством Б. Малруни и, таким образом, высказывал точку зрения, представляющую стремление к умеренному суверенитету провинции⁹.

Однако после провала Мичлейкского и Шарлоттаунского конституционных соглашений в 1990 и 1992 гг. и возвращения Квебекской партии к власти в 1994 г., а также на фоне серьезного экономического спада в провинции новый премьер-министр Квебека Ж. Паризо высказался в пользу радикальной версии суверенитета Квебека, т. е. отделения его от Канады. В 1995 г. Ж. Паризо провел референдум о суверенитете Квебека, когда не хватило лишь малой доли голосов для отделения провинции от Канады¹⁰. Впоследствии новые лидеры Квебекской партии, в частности Л. Бушар и Б. Ландри, являлись сторонниками нового референдума о суверенитете Квебека. В то же время приход в провинции к власти Либеральной партии в 2003 г. во главе с Ж. Шаре, а также хорошая экономиче-

ская конъюнктура в провинции стали способствовать тому, что как политический истеблишмент Квебека, так и его население стали отводить проекту суверенитета Квебека второстепенное значение.

Нахождение Квебекской партии вновь у власти в 2012–2014 гг. во главе с П. Моруа способствовало возрождению суверенистского проекта среди электората Квебека, однако хорошая экономическая конъюнктура, а также проигрыш провинциальных выборов в 2014 г. квебекским либералам во главе с Ф. Куйяром снова отдалил идеи нового референдума в пользу суверенитета Квебека¹¹.

Таким образом, трансформация партийной системы Квебека была самым тесным образом связана с решением франкоканадского вопроса, и поэтому популярностью у электората провинции в этой связи пользовались Либеральная и Квебекская партии, которые последовательно сменяли друг друга у власти в течение последних сорока лет и предпринимали максимум усилий для процветания провинции. Другие партии Квебека, например Коалиция Будущее Квебека и Солидарный Квебек, не пользовались большим влиянием среди электората и ни разу не приходили к власти в провинции. Поэтому можно сделать вывод о существовании с 1976 г. двухпартийной системы в Квебеке с опорой на либералов и Квебекскую партию.

В то же время провинция Онтарио представляет собой уникальный пример трехпартийной системы, где в 80–90-е гг. XX в. новые демократы, либералы и консерваторы последовательно сменяли друг друга у власти. В частности, с 1990 по 1995 г. у власти находились новые демократы во главе с премьер-министром провинции Б. Рэем¹². Однако нахождение у власти новых демократов было не совсем удачным по нескольким причинам. С одной стороны, безусловно, новые демократы активно выступали за официальную линию правительства Б. Малруни, и в том числе в пользу принятия Шарлоттаунского соглашения 1992 г., но, с другой стороны, им катастрофически не хватало политического опыта для управления провинцией Онтарио. Это происходило именно потому, что, в отличие от либералов и консерваторов, Новая демократическая партия в канадской истории никогда не приходила к власти в общенациональном масштабе, постоянно оставаясь третьей силой. Отсутствие политической практики нахождения у власти в масштабе всей страны приводило новых демократов к серьезным просчетам в регулировании социальной политики провинции Онтарио. В частности, пытаясь бороться с экономическим спадом в провинции в первой половине 90-х гг. XX в., новые демократы во главе с Б. Рэем взяли курс на резкое сокращение государственных расходов на

образование, медицину и т. д. В этой связи новыми демократами была предложена концепция «социального контракта», когда правительство Онтарио перестало оплачивать 12 дней из ежегодного отпуска служащим государственного сектора¹³. Это вызвало серьезное недовольство значительной части государственных служащих Онтарио, а также представителей профсоюзного движения и привело к поражению на провинциальных выборах 1995 г. Новой демократической партии в провинции Онтарио. В 1995 г. к власти в провинции Онтарио возвратились консерваторы во главе с М. Харрисом, а в феврале 1996 г. Б. Рэй покинул пост лидера Новой демократической партии в провинции Онтарио¹⁴. В дальнейшем консерваторы и либералы последовательно сменяли друг друга у власти в провинции Онтарио, не допуская возвращения к ней новых демократов.

Интересными особенностями обладают партийные системы провинций канадского Запада (Альберта, Британская Колумбия, Манитоба, Саскачеван), где предпочтения избирателей на федеральном и провинциальном уровнях в 1990–2000-е гг. существенно разделялись.

В частности, на федеральном уровне электорат Альберты, Британской Колумбии, Манитобы и Саскачевана в течение 1987–2002 гг. поддерживал Партию Реформ во главе с П. Мэннингом, а затем Канадский консервативный альянс реформ во главе с С. Деєм, которые являлись правыми консерваторами. Эти партии отражали настроения и чаяния электората провинций канадского Запада.

На провинциальном уровне предпочтения электората канадского Запада исходят из поддержки в Альберте, Британской Колумбии, Манитобы и Саскачевана трех главных партий – Консервативной, Либеральной и Новой демократической. Несмотря на наличие в провинциальных парламентах представителей от других политических партий, именно эти три партии последовательно приходили к власти в вышеупомянутых провинциях. Причем в Манитобе, Британской Колумбии, Саскачеване Новая демократическая партия уже с 70-х гг. XX в. неоднократно была правящей.

Показательно, что в Британской Колумбии новые демократы находились у власти как с 1971 по 1975 г., так и с 1991 по 2001 г., конкурируя, прежде всего, с Либеральной партией провинции. Консервативная партия в Британской Колумбии исчезла с провинциальной партийной арены в 30-е гг. XX в., и поэтому в настоящее время можно говорить о сложившейся двухпартийной системе в этой провинции с опорой на новых демократов и либералов¹⁵.

В провинции Альберта сложился очень интересный феномен политического долголетия консерваторов, т. е. нахождения их у власти с последовательными периодическими переизбраниями с 1971 по 2015 г. – в течение 44 лет. За этот период семь лидеров консерваторов (П. Лэйхид, Д. Гетти, Р. Клейн, Э. Стелмах, А. Рэрфорд, Д. Хэнкок, Дж. Прентис), сменяя друг друга, руководили как партией, так и провинцией Альберта в целом. Только в 2015 г. консерваторы Альберты проиграли провинциальные выборы Новой демократической партии этой провинции во главе с ее лидером Р. Нотли. Обращаясь к истории политических партий в данной провинции, необходимо отметить, что до 1971 г. Альбертой управляли Либеральная партия с 1905 по 1935 г. и Партия социального кредита с 1935 по 1971 г.¹⁶

В Атлантических провинциях Канады (Ньюфаундленд, Новая Шотландия, Нью-Брансуик, Остров Принца Эдуарда), несмотря на наличие других политических партий, именно консерваторы и либералы последовательно управляли этими провинциями¹⁷.

В то же время следует отметить, что представители либералов и консерваторов в этих провинциях, принимая активное участие в общественно-политической жизни Канады в целом и своей провинции в частности, не всегда оказывали поддержку правящей в Канаде федеральной партии. В частности, именно с деятельностью премьера Ньюфаундленда К. Уэллса в 1990 г. связан провал конституционной инициативы консервативного правительства Б. Малруни – Мичлейкского соглашения 1987 г., которое, как известно, расширяло автономию Квебека в рамках канадской федерации. Особенное непонимание у К. Уэллса вызвал пункт Мичлейкского соглашения, признающий Квебек самобытной общностью в рамках канадской федерации¹⁸.

Выступление премьера Ньюфаундленда К. Уэллса способствовало дальнейшему формированию оппозиционных настроений в отношении как Мичлейкской инициативы в частности, так и государственно-правовой политики консервативного кабинета Б. Малруни в целом. Согласно опросам общественного мнения, проведенным осенью 1989 г., уже более 42% канадцев высказались против Мичлейкской инициативы консервативного кабинета Б. Малруни.

Позиция П. Трюдо и К. Уэллса была поддержана выступлениями премьеров Манитобы и Нью-Брансуика Г. Филмона и Ф. Маккенны, которые также подвергли резкой критике Мичлейкское соглашение, осуждая, прежде всего, идею предоставления Квебеку статуса «самобытной общности». Более того, вышеупомянутые по-

литики напрямую высказались против принятия конституционной инициативы.

Тем не менее 15 июня 1990 г. законодательным собранием Нью-Брансуика было ратифицировано Мичлейкское соглашение. Несмотря на то что, по мнению Ф. Маккенны, пакет конституционных предложений 1987 г. был не идеален, он все же олицетворял собой лучшую часть для страны, нежели чем провал этих инициатив вообще и, как следствие этого, потеря авторитета консервативным кабинетом Б. Малруни и невыполнение своих предвыборных обещаний перед избирателями. Однако решение Ф. Маккенны явилось исключением, так как в двух других провинциях этого сделать не удалось. В Манитобе попытка ратификации документа формально потерпела поражение из-за нехватки одного голоса представителя аборигенного населения – Э. Харпера, который высказался против соглашения, объявив его главным недостатком отсутствие в нем положения о признании права на самоуправление за коренными народами Канады. На самом деле в Манитобе отчетливо дали понять федеральному правительству, что оно не может рассчитывать на успех в ратификации, пока основное содержание соглашения не будет полностью изменено на основе изъятия из него пункта о франкоязычной провинции Квебек как «самобытной общности» в рамках канадской федерации. Обострение обстановки в провинции привело к созданию экстренной правительственной комиссии во главе с сенатором Л. Мюрреем, которая предприняла, к сожалению, неудачную попытку убедить легислатуру Манитобы в необходимости принятия Мичлейкской инициативы. Одновременно парламентская комиссия видного консервативного деятеля Ж. Шаре настойчиво порекомендовала К. Уэллсу выступить в пользу ратификации Мичлейкского соглашения. Однако премьер Ньюфаундленда не только не способствовал присоединению провинции к конституционной инициативе консервативного кабинета, но и фактически обеспечил ее провал. Внимательно наблюдая за неудачными попытками ратификации соглашения в Манитобе, 22 июня 1990 г. К. Уэллс сделал официальное заявление о том, что немедленное голосование в законодательном собрании Ньюфаундленда по этому вопросу также приведет к отрицательному результату.

Таким образом, в июне 1990 г. Манитоба и Ньюфаундленд высказались против принятия соглашения, что означало автоматический провал его ратификации.

Вышеизложенный проанализированный материал позволяет нам выделить особенности развития современной партийной системы Канады на федеральном и провинциальном уровнях.

Появление федеральной и провинциальных партийных систем в Канаде было связано с возникновением канадской федерации в 1867 г. Во второй половине XIX в. провинциальные партийные системы были созданы по модели федеральной с опорой на консерваторов и либералов. Тем самым в тот исторический период они обладали двухпартийным характером. Ведущими политическими идеологиями в Канаде явились идеологии консерватизма и либерализма, которые были реализованы на двух уровнях партийной системы и объединяли подавляющую часть избирательного корпуса. До начала XX в. данная ситуация оставалась неизменной.

На провинциальном уровне деятельность политических партий в Канаде самым тесным образом была связана с историческими, экономическими и национальными особенностями развития канадских провинций. Поэтому канадский электорат на провинциальном уровне голосует за политические партии, в полной мере реализующие его интересы по экономическим и социальным вопросам, в провинции Квебек – по вопросу суверенитета.

Примечания

- ¹ См.: *Троицкая Л.М.* Научная сессия памяти Вадима Александровича Коленко (1943–2011) на тему «К изданию 20-го выпуска “Канадского ежегодника”» // Канадский ежегодник. 2016. № 20. С. 326–339.
- ² См.: *Wade M.* The French Canadians. 1760–1967. Toronto: Macmillan, 1968. P. 20–21.
- ³ *Агеева И.А.* Политическая история Канады: Учебное пособие. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 269.
- ⁴ *Dickinson J.A., Young B.* A Short History of Quebec. Montreal: McGill-Queen's Univ. Press, 2008. P. 271–305.
- ⁵ *Коленко В.А.* Французская Канада в прошлом и настоящем: Очерки истории Квебека XVII–XX века. М.: Наука, 2006. С. 42, 115–120, 200.
- ⁶ *Saywell J.* The Rise of the Parti Quebecois, 1967–1976. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1977.
- ⁷ *Комаров А.Н.* Канадский консерватизм в эпоху Б. Малруни в 1984–1993 годах. М., 2010. С. 107.
- ⁸ Там же.
- ⁹ См.: *Комаров А.Н.* Указ. соч. С. 109–148; *Blake B.* Transforming the Nation: Canada and Brian Mulroney. Montreal; Kingston: McGill-Queen's Univ. Press, 2007. P. 94–96.
- ¹⁰ См.: *Blais A., Johnston R., Howe P.* Strengthening Canadian Democracy. Montreal: The Institute for Research on Public Policy, 2005. P. 129–130.

- ¹¹ См.: *Комаров А.Н.* Франко-канадский вопрос в политике консерваторов (вторая половина XX – начало XXI в.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2015. № 2. С. 34–43.
- ¹² *Rae B.* From Protest to Power: Personal Reflections on a Life in Politics. Toronto, Ontario: Penguin Books Ltd., 1996.
- ¹³ Ibid. P. 203–205.
- ¹⁴ Ibid. P. 270–271.
- ¹⁵ См. сайт НДП в Британской Колумбии. URL: <https://www.bcndp.ca> (дата обращения: 12.02.2017).
- ¹⁶ См.: О Прогрессивно-Консервативной партии Альберты // Сайт Прогрессивно-Консервативной партии Альберты. URL: <http://www.pcalberta.org> (дата обращения: 12.02.2017).
- ¹⁷ См. сайт НДП в Альберте. URL: <https://albertandpcaucus.ca> (дата обращения: 12.02.2017).
- ¹⁸ См., например, сайт Консервативной партии в Ньюфаундленде. URL: <http://www.pspartynl.ca> (дата обращения: 12.02.2017).

Abstracts

V. Barone

The treaty of Troyes as presented by authors of the French propaganda literature of the first half of the 15th century

The purpose of the article is by the example of anti-English treatises and pamphlets of the first half of the 15th century to show how the contemporaries of the events perceived the treaty in Troyes (1420), and how the desire to challenge the dynastic claims of the King of England contributed to the development of an idea of the public legal basis for royal power.

Keywords: the Hundred Years War, the treaty of Troyes, anti-English propaganda, royal power.

M. Birkin

The priesthood of bishops in the Visigothic Kingdom of Toledo in the 7th century first third in works by Isidore of Seville. Terminological aspect

The article examines Isidore of Seville (c. 560–636) notions on the priesthood of the bishop. The associated concepts of sacerdos and pontifex organized the views of the prelate of Seville on the role of bishop in the life of society and the state. An analysis of these concepts demonstrates that it was the bishop's priesthood perfection that determined its special status and leading role in the Kingdom of Toledo in the first third of the 7th century. Just as sacerdos he embodied an idea of unity that underlay in the ideology of this state formation.

Keywords: Isidore of Seville, Kingdom of Toledo, "Sentences", bishop, priesthood, sacerdos, pontifex.

E. Bulycheva

The role of the demarchos in the lease of sacred lands in the ancient Attica (4th century B.C.)

The article is devoted to the role of the demarchos in the lease of lands in the ancient Attica (4th century B.C.). An important source is the epigraphic evidence on leasing the lands from Attica. The article considers demarchos participation in the economic life of the polis, his administrative and finance functions in lands leasing. In the polis economic events the demarchos acted as a protector of its norms and traditions. The author looks to understand reasons for the sometimes contradictory judgments of an outstanding Roman historian on that ruler.

Keywords: demarchos, Attica, leasing, inscriptions, polis, income, tax, obligations.

I. Ermolova

A historian and a ruler. Reality's interpretation

The author of this article tries to examine, how the prominent Roman historian Ammianus Marcellinus represents the rule of Constantius II who is treated in Ancient Studies rather ambiguously.

Keywords: Ammianus Marcellinus, Constantius, Iulianus, Ursicinus, emperor, "Res gestae", biography, historiography.

A. Komarov

Modern party system in Canada. Features of development

The article aims to conduct a historical – comparative study of party systems in Canada at the Federal and provincial levels. The author comes to the conclusion that at the national level, there is a two-party system of Canada, unlike the regional ones, where a multi-party system is a possibility. The author believes that social and regional base, shaped for party systems of Quebec, Ontario, provinces of the Canadian West, the Atlantic provinces of Canada, were closely connected with the historical, economic and national peculiarities of their development.

Keywords: two-party system, multiparty system, Quebec, Ontario, Alberta, R. Leveque, R. Bourassa, C. Wells.

M. Kushcheva

Power struggle of the 1584 in France and a political ideal of the Catholic League's leaders

The article views the political ideas of noble elite of the Catholic League in France (1584–1592) and the succession crisis in the beginning of the War of Three Henrys. To that end the author studies the official declaration of the union, philosophical-political treatise and Henry de Guise's private letters. Their analysis shows that the political ideal of the Catholic League noble wing was not an overthrow of the monarch and establishment of its own rule, but the limitation of King's power, the transition of authority to the highest nobility and the reformation of the court religious policy.

Keywords: the French Wars of Religion, the Catholic League of France, Henry de Guise (Duke of Guise), political ideas.

P. Lebedev

“Noster est magis Caesar, a nostro deo constitutus”. An image of the emperor in Christian apologetics of the 2th–3th centuries

The paper presents a study of the image of the emperor in the apologetics of the 2th–3th centuries. The very fact that first apologies were addressed to Roman rulers with and that there was an adscription to them of Christian qualities and notions as well as a reinterpretation of Roman authorities decisions – all that contributed to the formation of “Christian emperor” image. In the considered epoch such an ideal image could not so far be in tune with tens relations between the church and state. Apologetic literature was however constructing a model of the desired future, one can even find there an issue of possible nascence for an Emperor from among Christians (*Tert. Apol.* 21.24). A vision of Imperial Power as a necessary and important element in the providential Christian world order helped Christians to incorporate into the life of the Roman empire and was part of the strategy for forming-up a group identity.

Keywords: apologetics, early Christianity, roman emperors, 2th – 3th centuries, image of power.

O. Lebedeva

“Noble Conquerors” and “Foolish Children”.
Colonial Propaganda in Japanese Xylography
at the end of 19th century

The article is devoted to the formation of visual standards of Japanese propaganda images in 1870s – 1890s. As it was in the other totalitarian states of the first half of 20th century, Japanese painters produced a large amount of visual propaganda with the style and selected subjects similar to the European ones. In the early period of making Japanese colonial Empire newspapers started to publish subjects generating typical colonial discourse based on the indigenous Far-eastern material. One of the most popular themes was the rescue of a barbaric child by a civilized Japanese male of mature years. The article considers the case by example of the following xylographs: “Botan girl” (Hyakkuri Sanjin, 1874) and “Captain Higuchi” (Mizuno Toshikata, 1895).

Keywords: Japan, Meiji epoch, propaganda, xylograph, coloniality.

A. Novikova

Co-existence of Jews and Christians
in Czech Kingdom in 13th – 14th centuries

This article is dedicated to some aspects of co-existence of Jews and Christians in Bohemia and Moravia during the Middle Ages. Unlike many other European territories, Czech kingdom remained relatively untouched by practices of pogroms and blood libels. The aim of this article is to describe and to analyze the untraditional for Medieval period relative peaceful co-existence between those two communities.

Keywords: Medieval period, Jewish studies, Bohemia, Moravia, pogroms, blood libel, integration.

N. Rostislavleva

Symbols of power in the historical memory
of Germany in the late 19th and early 20th centuries
(exemplified by the cult of Otto von Bismarck)

The article considers symbols of power, through the prism of which the historical memory represented the first chancellor of the German Empire, Otto von Bismarck. The author gives an attention to the Bis-

mark towers, that were the unique phenomenon at the turn of the 19th and 20th centuries, an important symbol of the united German state and the a argument of the existence of the Bismarck cult among the young people of Germany. The author considers the historical reasons for Bismarck's mythologization in the late 19th and early 20th centuries. It is shown, that in modern Germany Bismarck is not perceived in the historical memory in connection with political symbols.

Key words: historical memory, Otto von Bismarck, political symbols of German Empire, phenomenon of the Bismarck towers.

O. Saprikina

The policy of the Imperial authorities
and nationalism in education
in the Austro-Hungarian monarchy

The object of study in the article is educational policy of the Imperial authorities in Austria-Hungary at the turn of 19th – 20th centuries and a struggle of the Slavic intellectuals for the opening National Universities in Brno, Trieste, Ljubljana, Lviv. The study is based on press, publicism, and archive materials. The formation of national education as an important aspect of the independence struggle is in the focus of the article study.

Key words: Slavic peoples, national education, the government of Austria-Hungary, universities.

G. Shatokhina-Mordvintseva

Two branches of power and state leaders
in the Republic of the United Provinces –
the Grand Pensionary and the Stadtholder

The following article covers certain aspects of the functioning of a rather complicated governance mechanism in the Republic of the United Provinces of the Netherlands. The author analyzes, primarily, the two branches of power – the political power of the States General and the military power of the Stadthoderate, as well as investigates the confrontation between state leaders – the Grand Pensionary Johan van Oldenbarnevelt and the Stadtholder Maurice of Nassau.

Key words: the Netherlands, United Provinces, Grand Pensionary, the Stadtholder, Johan van Oldenbarnevelt, Maurice of Nassau.

O. Silina

An idea of the priority of ecclesiastical authority
over the secular power in the sermons
of the English Minorities of the 13th century

The article deals with an idea of the priority of ecclesiastical authority over the secular power in the views of the English Minorities of the 13th century. One way of spreading and approving this idea was a sermon. The analysis of “examples” from the “Liber exemplorum” shows how theoretical constructs of intellectuals about the absolute authority of the church were declared among a broad public .

Keywords: the Order of Friars Minor, sermon, “Liber exemplorum”, dichotomy “auctoritas”–“potestas”.

N. Tanshina

The Emperor Nicholas I image of the power
in views of his contemporaries, the French

The purpose of the article is to reconstruct an image of the Emperor Nicholas I power in views of his contemporaries, the French: Marquise A. de Custine, who traveled through Russia in 1839, Baron P. de Barant, who served as the Ambassador of France to the Russian Empire from 1835 to 1841, and an artist O. Vernet, who worked in Russia at the personal invitation of the Emperor in 1836 and 1842–1843. That is, they are people of different political views, different fields of occupation, so they perceived the reality of Russia in different ways. But at the same time to all of them the image of Nicholas I power and the image of the sovereign himself appeared similar, and on the whole very attractive. The article is written in the methodology of interdisciplinary synthesis based on the imago-logical approach.

Keywords: Russian-French relations, Marquis A. de Custine, Baron P. de Barant, O. Vernet, Emperor Nicholas I, mutual representations, perception stereotypes.

M. Tretyakova

Rahel Varnhagen von Ense's salon in the context of sociocultural life of Prussian society in the first third of the 19th century

The article considers a salon by Rahel Varnhagen von Ense – one of the most famous salonière in Prussia in the Biedermeier era (in the first third of the 19th century) – in the context of sociocultural life of Germany in the specified period. Having been a wide-spread form of intellectual communication, salons became places for a free expression of opinion in the conditions of the strict German Confederation censorship guaranteed by the Vienna System. Based on diaries and letters by salon participants, this article determines the circle of persons belonging to Rahel Varnhagen von Ense salon and lists the issues that were discussed there.

Keywords: salon, Rahel Varnhagen von Ense, incipient civil society, Biedermeier, Jewish issue.

R. Zarapin

An idea of empire in Alexander the Great Power

The article is devoted to the institutionalization of the state of Alexander the Great. The author shows that an imperial idea in Hellenistic times was the combination of Greek, Macedon and Persian state power conceptions. In Alexander the Macedonian Power an administrative system was built in order to secure the compatibility of those features.

Keywords: Empire, Hellenism, Alexander the Macedonian, Achaemenids state.

I. Zhenin

Image of Soviet Russia in publications of *die Weltbühne* magazine (1917–1921)

Die Weltbühne, which was one of the leading democratic media during the Weimar Republic, paid special attention to Russia. The Russian revolution and the victory of the Bolsheviks triggered off a discussion in the German society about the possible future directions in the development of the Soviet system. The German leftist intellectuals

were actively engaged in the debates on the subject of Russia, particularly during the Soviet regime emergence (1917–1921). The article demonstrates that the perception of the Soviet Russia was ambiguous and controversial on the left side of the country's political spectrum (SPD, USPD). On one hand, the liberation from tsarism and imperial policies were hailed, but on the other hand, there was criticism towards the mass terror and violent methods used by the Bolsheviks to maintain their unchallenged power.

Keywords: Weimar Republic, SPD, Soviet Russia, Russian revolution, Bolshevism, *Weltbühne* magazine, leftist intellectuals.

Сведения об авторах

Бароне Виктория Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ИАИ РГГУ, victoria_barone@mail.ru

Биркин Михаил Юрьевич – младший научный сотрудник Лаборатории исследований церковных институтов ПСТГУ, mbirkin@gmail.com

Булычева Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ИАИ РГГУ, bulychevalena@yandex.ru

Ермолова Ирина Евгеньевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ИАИ РГГУ, merira@mail.ru

Женин Илья Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ШАГИ ИОН РАНХиГС, ilya-zhenin@yandex.ru

Зарапин Роман Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ИАИ РГГУ, rzarapin@mail.ru

Комаров Андрей Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ИАИ РГГУ, ruslan10@inbox.ru

Кущева Марина Валерьевна – старший преподаватель кафедры всеобщей истории ИАИ РГГУ, kusheva@mail.ru

Лебедев Павел Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ИАИ РГГУ, lebedevp235@gmail.com

Лебедева Ольга Игоревна – кандидат культурологии, старший научный сотрудник лаборатории востоковедения ШАГИ ИОН РАНХиГС, lebedevp235@gmail.com

Новикова Анна Александровна – аспирант кафедры всеобщей истории ИАИ РГГУ, anne_novikova@bk.ru

Ростиславлева Наталия Васильевна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ИАИ РГГУ; профессор кафедры теологии Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», ranw@mail.ru

Саприкина Ольга Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ИАИ РГГУ, saprolga@yandex.ru

Силина Ольга Сергеевна – аспирант кафедры всеобщей истории ИАИ РГГУ, silina.o.c@gmail.com

Таньшина Наталия Петровна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ИОН ШАГИ РАНХиГС, nata.tanshina@mail.ru

Третьякова Мария Сергеевна – аспирант кафедры всеобщей истории ИАИ РГГУ, marsmithee@mail.ru

Шатохина-Мордвинцева Галина Алексеевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН, galina1149@yandex.ru

General data about the authors

Barone Victoria A. – Ph.D. in History, associate professor, Department of World History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, victoria_barone@mail.ru

Birkin Mikhail Yu. – junior researcher, “Sociology of Religion” Laboratory of St. Tikhon’s Orthodox University’s Department of Theology (Moscow), mbirkin@gmail.com

Bulycheva Elena V. – Ph.D. in History, associate professor, Department of World History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, bulychevalena@yandex.ru

Ermolova Irina E. – Ph.D. in History, associate professor, Department of World History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, merira@mail.ru

Komarov Andrey N. – Dr. in History, professor of the Department of World History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, ruslan10@inbox.ru

Kushcheva Marina V. – senior lecturer, Department of World History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, kusheva@mail.ru

Lebedev Pavel N. – Ph.D. in History, associate professor, Department of World History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, lebedevp235@gmail.com

Lebedeva Olga I. – Ph.D. in Cultural Studies, senior researcher, Laboratory of Oriental Studies, School of the Advanced Studies in the Humanities, Presidential Academy of National Economy and Public Administration, lebedevp235@gmail.com

Novikova Anna A. – postgraduate student, Department of World History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, anne_novikova@bk.ru

Saprikina Olga V. – Ph.D. in History, associate professor, Department of World History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, saprolga@yandex.ru

Shatokhina-Mordvintseva Galina A. – Dr. in History, leading researcher, Department of World History, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, galina1149@yandex.ru

Silina Olga S. – postgraduate student, Department of World History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, silina.o.c@gmail.com

Rostislavleva Natalia V. – Dr. in History, professor of the Department of World History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; professor, Department for Theology, National Research Nuclear University “MEPhI” (Moscow Engineering Physics Institute), ranw@mail.ru

Tanshina Natalia P. – Dr. in History, professor, professor of the Department of World History, School of the Advanced Studies in the Humanities, Presidential Academy of National Economy and Public Administration, nata.tanshina@mail.ru

Tretyakova Maria S. – postgraduate student, Department of World History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, marsmithee@mail.ru

Zarapin Roman V. – Ph.D in History, associate professor, Department of World History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, rzarapin@mail.ru

Zhenin Ilya A. – Ph.D in History, associate professor, Department of World History, School of the Advanced Studies in the Humanities, Presidential Academy of National Economy and Public Administration, ilya-zhenin@yandex.ru

Художник серии *В.В. Сурков*
Корректор *О.К. Юрьев*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Журнал «Вестник РГГУ»
Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»
выходит 12 раз в год.
Подписка принимается всеми отделениями связи без ограничений.
Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»
ОАО Агентства «Роспечать» – 70969.
Не забудьте своевременно подписаться на наш журнал!

Подписано в печать 16.10.2017.
Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 10,4. Уч.-изд. л. 10,9.
Тираж 1050 экз. Заказ № 182

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru